

Фрэнсис Бернет Маленький лорд Фаунтлерой

пер. с англ. Демуровой Н. М.

Глава первая НЕОЖИДАННОЕ ИЗВЕСТИЕ

Сам Седрик ничего об этом не знал. При нем об этом даже не упоминали. Он знал, что отец его был англичанин, потому что ему сказала об этом мама; но отец умер, когда он был еще совсем маленьким, так что он почти ничего о нем и не помнил — только что он был высокий, с голубыми глазами и длинными усами, и как это было замечательно, когда он носил Седрика на плече по комнате. После смерти отца Седрик обнаружил, что с мамой о нем лучше не говорить. Когда отец заболел, Седрика отправили к друзьям погостить, а когда он вернулся, все было кончено; а мама, которая тоже очень болела, только-только стала подниматься с постели, чтобы посидеть в кресле у окна. Она побледнела и похудела, ямочки исчезли с ее милого лица, а глаза стали большими и грустными. Одета она была в черное.

— Дорогая, — сказал Седрик (так называл ее отец, и мальчик перенял у него эту привычку), — Дорогая, папа выздоровел?

Плечи ее задрожали, и он заглянул ей в лицо. В глазах у нее было такое выражение, что он понял: сейчас она заплачет.

— Дорогая, — повторил он, — папе лучше? Внезапно сердце ему подсказало, что надо поскорей ее обнять, и расцеловать, и прижаться мягкой щекой к ее лицу; он так и поступил, а она склонила голову ему на плечо и горько заплакала, крепко обхватив его руками, словно не желая отпустить.

— О да, ему лучше, — отвечала она с рыданьем, — ему совсем, совсем хорошо! А у нас с тобой никого больше нет. Никого во всем белом свете!

И тогда, как ни был он мал, Седрик понял, что отец, такой большой, молодой и красивый, больше не вернется; что он умер, как некоторые другие люди, о смерти которых он слышал, хоть и не понимал, что это такое и почему мама так грустит. Но так как она всегда плакала, когда он заговаривал об отце, он про себя решил, что лучше не говорить с ней о нем; и еще он заметил, что лучше не позволять ей задумываться, глядя в окно или в огонь, играющий в камине. Знакомых у них с мамой почти не было, и жили они весьма уединенно, хоть Седрик этого и не замечал, пока не подрос и не узнал, почему их никто не навещает.

Дело в том, что, когда отец женился на его маме, мама была сиротой и у нее никого не было. Она была прехорошенькая и жила в компаньонках у богатой старухи, которая плохо с ней обращалась, и однажды капитан Седрик Эррол, приглашенный к старухе в гости, увидел, как молоденькая компаньонка в слезах взбежала по лестнице; она была так прелестна, нежна и печальна, что капитан не мог ее забыть. И после всяческих странных происшествий они познакомились и полюбили друг друга, а потом и поженились, хотя их брак кое-кому не понравился.

Больше всех разгневался старый отец капитана — он жил в Англии и был весьма богатый и знатный аристократ; он обладал весьма дурным нравом и ненавидел Америку и американцев. У него было два сына, старше капитана Седрика; старшему из этих сыновей по закону надлежало унаследовать фамильный титул и великолепные имения; в случае смерти старшего сына наследником становился второй; капитан Седрик, хоть он и был членом такой знатной семьи, не мог надеяться на богатство. Однако случилось так, что природа щедро наделила младшего сына всем, в чем она отказала старшим братьям. Он был не только красив, строен и изящен, но и отважен и великодушен; и обладал не только ясной улыбкой и приятным голосом, но и на редкость добрым сердцем и, казалось, умел заслужить всеобщую любовь.

Старшим братьям во всем этом было отказано: они не отличались ни красотой, ни добрым нравом, ни умом. В Итоне никто с ними не дружил; в колледже они учились без интереса и только даром тратили время и деньги, не находя и здесь настоящих друзей. Старого графа, своего отца, они без конца огорчали и ставили в неловкое положение; его наследник не делал чести фамильному имени и обещал стать просто самовлюбленным и расточительным ничтожеством, лишенным мужества и благородства. Граф с горечью думал о том, что младший сын, которому предстояло получить лишь весьма скромное состояние, был милым, красивым и крепким юношей. Порой он готов был рассердиться на него за то, что ему достались все те достоинства, которые так подходили бы пышному титулу и великолепным именьям; и все же упрямый и надменный старик всем сердцем любил своего младшего сына.

Однажды в порыве досады он отправил капитана Седрика в Америку — пусть себе попутешествует, тогда можно будет не сравнивать его постоянно с братьями, которые в то время особенно досаждали отцу своими выходками. Однако спустя полгода граф начал втайне скучать по сыну — он отправил капитану Седрику письмо, в котором велел ему возвращаться домой. В это же время капитан тоже послал отцу письмо, в котором сообщал, что полюбил хорошенькую американку и хочет жениться на ней. Граф, получив письмо, пришел в ярость. Как ни суров был его нрав, он никогда не давал ему воли так, как в тот день, когда он прочитал письмо капитана. Он так разгневался, что камердинер, который находился в комнате, когда принесли письмо, испугался, как бы милорда не хватил удар. В гневе своем он был страшен. Целый час он метался, как тигр в клетке, а потом сел и написал сыну, чтобы тот никогда больше не показывался ему на глаза и не писал ни отцу, ни братьям. Может жить как хочет и умереть где хочет, а о семье пусть забудет и пусть до конца дней не ждет от отца никакой помощи.

Капитан очень опечалился, прочитав это письмо; он любил Англию, а еще больше — красивый дом, в котором родился; он любил даже своего своенравного отца и сочувствовал ему; однако он знал, что теперь ему нечего надеяться на него. Поначалу он совсем растерялся: он не был приучен к труду, опыта в делах у него не было; зато у него было вдоволь решимости и мужества. Он продал свой офицерский патент, нашел себе — не без труда — место в Нью-Йорке и женился. По сравнению с прежней его жизнью в Англии перемена в обстоятельствах казалась очень велика, но он был счастлив и молод и надеялся, что, прилежно трудясь, достигнет многого в будущем. Он купил небольшой дом на одной из тихих улочек; там родился его малыш, и все там было так просто, весело и мило, что он ни разу ни на миг не пожалел, что женился на хорошенькой компаньонке богатой старухи: она была так прелестна и любила его, а он любил ее.

Она и вправду была совершенно прелестна, а малыш походил и на нее и на отца. Хоть он и родился в таком тихом и скромном доме, казалось, что счастливее малыша не найти. Во-первых, он никогда не болел, а потому не доставлял никому забот; во-вторых, характер у него был такой милый и вел он себя так очаровательно, что всех только радовал; а в-третьих, он был на удивление хорош собой. Он появился на свет с чудесными волосами, мягкими, тонкими и золотистыми, не то что другие младенцы, которые рождаются с голенькой головкой; волосы у него вились на концах, а когда ему исполнилось полгода, завились крупными кольцами; у него были большие карие глаза, длинные-предлинные ресницы и очаровательное личико; а спинка и ножки были такие крепкие, что в девять месяцев он уже начал ходить; вел же он себя всегда столь хорошо, что залюбуешься. Казалось, он всех считал друзьями, и если кто-нибудь заговаривал с ним, когда его вывозили в коляске погулять, он внимательно смотрел своими карими глазами, а потом так приветливо улыбался, что не было по соседству ни одного человека, который не радовался бы, завидев его, не исключая бакалейщика из угловой лавки, которого все считали брюзгой. И с каждым месяцем он все умнел и хорошел.

Когда же Седрик подрос и начал выходить, волоча за собой игрушечную тележку, на прогулку, то вызывал всеобщее восхищение, так он был мил и ладен собой в своей короткой

белой шотландской юбочке и большой белой шляпе на золотистых кудрях. Вернувшись домой, няня рассказывала миссис Эррол о том, как дамы останавливали коляски, чтобы посмотреть на него и поговорить с ним. Как они радовались, когда он весело болтал с ними, будто век был с ними знаком! Более всего пленял он тем, что умел без труда подружиться с людьми. Происходило это скорее всего из-за его доверчивости и доброго сердца — он был расположен ко всем и хотел, чтобы всем было так же хорошо, как ему. Он легко угадывал чувства людей, возможно оттого, что жил с родителями, которые были любящими, заботливыми, нежными и хорошо воспитанными людьми. Маленький Седрик никогда не слышал недоброго или грубого слова; его всегда любили, о нем заботились, и детская его душа исполнилась доброты и открытой приязни. Он слышал, что отец называл маму нежными и ласковыми именами, и сам называл ее так же; он видел, что отец оберегал ее и заботился о ней, и сам научился тому же. И потому, когда он понял, что отец больше не вернется, и увидел, как печалится мама, им понемногу овладела мысль, что он должен постараться сделать ее счастливой. Он был еще совсем ребенком, но думал об этом, когда садился к ней на колени, целовал ее и клал свою кудрявую головку ей на плечо, и когда показывал ей свои игрушки и книжки с картинками, и когда влезал на диван, чтобы прилечь рядом с ней. Он был еще мал и не знал, что бы еще ему сделать, но делал все, что мог, и даже не подозревал, какое он для нее утешение. Однажды он услышал, как она говорит старой служанке:

— Ах, Мэри, я вижу, что он хочет на свой лад меня утешить. Он иногда смотрит на меня с такой любовью и недоумением в глазах, словно жалеет меня, а потом вдруг подойдет и обнимет или покажет мне что-нибудь. Он настоящий маленький мужчина, и мне, право, кажется, что он все знает!

По мере того как он рос, у него появились свои привычки, которые необычайно забавляли и занимали всех, кто его знал. Он проводил так много времени с матерью, что она почти и не нуждалась более ни в ком. Они и гуляли, и болтали, и играли вместе. Читать он научился очень рано, а научившись, ложился обычно вечером на коврик перед камином и читал вслух — то сказки, а то большие книги для взрослых, а то так даже и газеты; и Мэри в таких случаях не раз слышала у себя в кухне, как миссис Эррол смеется над его забавными замечаниями.

— И то сказать, — сообщила Мэри как-то бакалейщику, — послушать, что он говорит, так и не хочешь, а рассмеешься. Уж так-то забавно он все говорит и так обходительно! А вот в тот вечер, когда выбрали нового президента, явился он ко мне на кухню, стал у плиты, ручки в карманах, картинка, да и только, а личиком-то строг, как судья. И говорит: «Мэри, говорит, меня очень интересуют выборы. Я, говорит, республиканец, и Дорогая тоже. А ты, Мэри, республиканка?» — «Нет уж, говорю, извините. Я, говорю, демократка, да из самых крепких». А он глянул на меня так, что сердце у меня сжалось, и говорит: «Мэри, говорит, страна погибнет». И с той поры дня не проходит, чтобы он со мной не спорил, все убеждает сменить взгляды.

Мэри очень привязалась к малышу и очень им гордилась. Она поступила в дом, когда он только родился; а после смерти капитана Эррола она была и за кухарку, и за горничную, и за няньку, и делала все по дому. Она гордилась Седриком — его манерами, ловкостью и здоровьем, но больше всего — его золотистыми кудрями, которые вились надо лбом и падали прелестными локонами ему на плечи. Она трудилась, не покладая рук, и помогала миссис Эррол шить ему одежду и содержать ее в порядке.

— Он у нас настоящий аристократ, а? — говаривала она. — Право слово, другого такого ребенка даже на Пятой авеню не сыщешь! И как хорошо выступает в черном бархатном костюмчике, что мы из хозяйкиного старого платья перешили. Голову держит высоко, а кудряшки так и летят, так и сияют... Ну прямо маленький лорд, право слово!

Седрик и не догадывался, что выглядит словно маленький лорд, — он и слова-то такого не знал.

Самым большим его другом был бакалейщик из угловой лавки — сердитый бакалейщик, который, однако, на него никогда не сердился. Бакалейщика звали мистер Хоббс, и Седрик его уважал и восхищался им. Он считал мистера Хоббса очень богатым и могущественным: ведь у него в лавке было столько всяких разностей — инжир и чернослив, печенье и апельсины; а еще у него была лошадь с тележкой. Седрик любил и булочника, и молочника, и торговку яблоками, но мистера Хоббса он любил больше всех и так с ним дружил, что каждый день его навещал и частенько подолгу сидел у него, обсуждая последние новости. О чем только они не говорили! Ну, вот хотя бы о Четвертом июля. (Национальный праздник США: 4 июля 1776 г. была принята Декларация независимости.) Стоило разговору зайти о Четвертом июля, как конца-краю ему уже не предвиделось. Мистер Хоббс отзывался весьма пренебрежительно о «британцах», излагал всю историю Революции, вспоминал удивительные и патриотические истории о жестокости врага и отваге героев Борьбы за независимость и даже цитировал большие куски из Декларации независимости. Седрик приходил в такое волнение, что глаза у него сияли, а кудри прыгали по плечам. Вернувшись домой, он с нетерпением ждал, когда они отобедают — так ему хотелось пересказать все маме. Возможно, от мистера Хоббса он и перенял интерес к политике. Мистер Хоббс любил читать газеты — и Седрик теперь знал обо всем, что творится в Вашингтоне; мистер Хоббс не упускал случая сообщить ему, выполняет президент свой долг или нет. А однажды, во время выборов все шло, по его мнению, прямо великолепно, и конечно, если б не мистер Хоббс с Седриком, страна бы просто погибла. Мистер Хоббс взял его с собой посмотреть на большое факельное шествие, и немало горожан из тех, кто несли в ту ночь факелы, вспоминали потом полного мужчину, что стоял у фонарного столба, держа на плече красивого мальчика, который что-то кричал и размахивал шапкой.

Вскоре после выборов (Седрику в это время шел уже восьмой год) произошло одно удивительное событие, разом изменившее всю его жизнь. Любопытно, что в этот день он как раз беседовал с мистером Хоббсом об Англии и королеве, и мистер Хоббс весьма сурово отзывался об аристократии — особенно он возмущался всякими графами и маркизами. Утро выдалось жаркое; наигравшись с товарищами в войну, Седрик зашел в лавку передохнуть и увидел, что мистер Хоббс с мрачным видом листает «Иллюстрированные лондонские новости».

— Полюбуйся, — сказал мистер Хоббс, показывая Седрику фотографию какой-то придворной церемонии, — вот как они сейчас развлекаются! Но погоди, им еще достанется, когда восстанут те, кого они поработили, и они полетят вверх тормашками — все эти графья, маркизы и прочие! Этого не избежать, пусть поостерегутся!

Седрик устроился на высоком табурете, на котором он обычно сидел, сдвинул шапку на затылок, а руки, в подражание мистеру Хоббсу, сунул в карманы.

— А много вы маркизов и герцогов встречали, мистер Хоббс? — спросил Седрик.

— Нет, — отвечал с негодованием мистер Хоббс, — нет уж, уволь! Пусть бы хоть один попробовал сюда заявиться — увидел бы тогда! Я не потерплю, чтобы эти жадные тираны сидели тут на моих ящиках с печеньем!

И он с гордостью огляделся и вытер лоб платком.

— Может, они отказались бы от своих титулов, если бы знали, что к чему, — предположил Седрик. Ему было немного жаль этих несчастных аристократов.

— Ну, нет! — фыркнул мистер Хоббс. — Они ими гордятся. Такими уж они родились. Подлые душонки!

Так они беседовали — как вдруг дверь отворилась и в лавку вошла Мэри. Седрик подумал было, что она забежала купить сахару, но ошибся. Она была бледна и казалась чем-то взволнованной.

— Идем-ка домой, голубчик, — сказала она, — хозяйка тебя зовет. Седрик соскользнул с табуретки.

— Она хочет, чтобы я пошел с ней гулять, да, Мэри? — спросил Седрик.

— До свиданья, мистер Хоббс. Скоро увидимся.

Он удивился, заметив, что Мэри глядит на него во все глаза и почему-то качает головой.

— Что с тобой, Мэри? — удивился он. — Тебе нехорошо? Это от жары, да?

— Нет, — отвечала Мэри, — странные у нас дела происходят.

— Может, у Дорогой голова от солнца разболелась? — забеспокоился он. Но дело было не в этом.

Подойдя к дому, он увидел у дверей коляску, а в маленькой гостиной кто-то беседовал с мамой. Мэри повела его побыстрее наверх, нарядила в выходной костюм кремового цвета, повязала красный шарф вокруг пояса, и расчесала ему кудри.

— Ах, вот как, милорды? — бормотала она. — И знать, и дворяне... Да провались они! Еще чего не хватало — лордов всяких!

Все это было непонятно, но Седрик не сомневался, что мама все ему объяснит, и не стал ни о чем спрашивать Мэри. Когда туалет его был окончен, он сбежал по лестнице вниз и вошел в гостиную. Худощавый старый джентльмен с умным лицом сидел в кресле. Перед ним, бледная, со слезами в глазах, стояла мама.

— Ах, Седди! — вскричала она и, кинувшись к нему, обняла и поцеловала его с волнением и испугом. — Ах, Седди, голубчик! Высокий худой джентльмен встал с кресла и кинул на Седрика пронизательный взгляд, глядя подбородок костлявыми пальцами. Вид у него был довольный.

— Так вот он, — произнес худой джентльмен медленно, — вот маленький лорд Фаунтлерой.

Глава вторая ДРУЗЬЯ СЕДРИКА

Следующую неделю Седрик провел в смятении, да и неделя была на редкость странной и даже невероятной. Во-первых, мама ему рассказала прелюбопытнейшую историю. Пришлось ей трижды все повторить, прежде чем он ее понял. Он и представить себе не мог, что скажет по этому поводу мистер Хоббс.

Речь шла о графах: дедушка Седрика, которого он никогда не видел, был, оказывается, граф; графом стал бы со временем и его старший дядюшка, если бы не умер, упав с лошади; а после его смерти графом стал бы второй его дядюшка, если бы не умер внезапно в Риме от лихорадки. Затем графом надлежало бы стать отцу Седрика, если бы он был жив; но так как все они умерли и в живых оставался один Седрик, графом, оказывается, предстояло стать ему — после смерти дедушки, а пока что он будет лордом Фаунтлероем.

Впервые услышав об этом, он побледнел.

— Дорогая! — воскликнул он. — Я не хотел бы становиться графом! Никто из мальчиков у нас не граф. Можно, я не буду графом? Однако оказалось, что избежать этого нельзя. В тот же вечер они уселись с мамой у открытого окна, глядя на бедные домики, стоявшие на их улице, и все подробно обсудили. Седрик сидел на скамеечке в своей любимой позе, обхватив руками колено, и, весь покрасневшись, пытался осмыслить происходящее. Дедушка хочет, чтобы он приехал в Англию, и мама полагает, что так и следует поступить.

— Потому что я знаю, — говорила миссис Эррол, глядя с печалью в окно, — что этого хотел бы твой папа, Седди. Он очень любил свой дом; и надо еще многое принять во внимание, чего ты не понимаешь, ведь ты еще маленький. С моей стороны было бы очень эгоистично тебя не пускать. Когда ты вырастешь, ты поймешь почему.

Седди мрачно затряс головой.

— Мне будет грустно расстаться с мистером Хоббсом, — заметил он. — Боюсь, он будет по мне скучать, а я — по нему. Да и по всем остальным тоже.

На следующий день явился мистер Хэвишем — он был семейным адвокатом графа Доринкорта, и граф послал его в Америку, чтобы он привез лорда Фаунтлероя в Англию, — и многое рассказал Седрику. Однако Седрик почему-то не утешился, узнав, что когда он вырастет, то будет очень богат и у него будут роскошные замки, огромные парки, глубокие шахты, великолепные поместья и арендаторы. Его беспокоил его друг мистер Хоббс, и сразу же после завтрака он отправился его навестить. Он очень волновался. Мистера Хоббса он застал за чтением газеты; Седрик вошел с озабоченным видом. Он понимал, что весть о перемене в его жизни будет для мистера Хоббса большим ударом, и всю дорогу обдумывал, как лучше сообщить ему об этом.

— А, это ты, — сказал мистер Хоббс. — Доброе утро!

— Доброе утро, — ответил Седрик.

Он не залез, как обычно, на свой табурет, а уселся, обхватив колено, на ящик с печеньем и так долго молчал, что мистер Хоббс наконец вопросительно взглянул на него поверх газеты.

— Так это ты, — произнес он снова. Седрик взял себя в руки.

— Мистер Хоббс, — спросил он, — вы помните, о чем мы вчера утром говорили?

— Гм, — отвечал мистер Хоббс, — кажется, об Англии.

— Да, — согласился Седрик, — а вот когда Мэри за мной пришла, о чем? Мистер Хоббс почесал в затылке.

— Кажись, поминали королеву Викторию и аристократов.

— Да, — неуверенно произнес Седрик, — и... и... графов, помните?

— Ну да, конечно, — подтвердил мистер Хоббс, — мы их слегка задели, это уж точно!

Седрик покраснел до корней волос. Такой неловкости он еще никогда не испытывал. К тому же он опасался, что и мистеру Хоббсу будет сейчас не очень-то ловко.

— Вы еще сказали, — продолжал он, — что не допустите, чтобы они тут рассиживались на ваших ящиках с печеньем.

— Да, сказал, — громко провозгласил мистер Хоббс. — И еще раз скажу. Пусть только попробуют — увидят тогда!

— Мистер Хоббс, — произнес Седрик, — на этом ящике сидит один из них!

Мистер Хоббс чуть не выпрыгнул из кресла.

— Что?! — вскричал он.

— Да, — объявил с должной скромностью Седрик, — я граф — вернее, я им буду. Не стану вас обманывать.

Мистер Хоббс забеспокоился. Он вскочил и подошел к термометру.

— Тебе жара в голову ударила! — воскликнул он и, обернувшись, пристально поглядел Седрику в лицо. — Сегодня очень жарко! Как ты себя чувствуешь? Голова болит? Когда это у тебя началось? Он положил большую ладонь Седрику на голову. Как это было ужасно!

— Благодарю вас, — сказал Седрик, — но я здоров. И голова у меня не болит. Мне очень жаль, но это правда, мистер Хоббс. Вот почему Мэри вчера за мной пришла. Мистер Хэвишем рассказал об этом маме, а он адвокат.

Мистер Хоббс повалился в кресло и утер лоб носовым платком.

— Если не у тебя, то, значит у меня солнечный удар! — вскричал он.

— Нет, дело не в этом, — возразил Седрик. — Придется нам с этим смириться, мистер Хоббс. Мистер Хэвишем приехал прямо из Англии, чтобы сообщить нам об этом. Его дедушка прислал.

Мистер Хоббс в смятении уставился на серьезное лицо мальчика, сидевшего перед ним.

— А кто у тебя дедушка? — спросил он. Седрик сунул руку в карман и осторожно

вытащил из него листок бумаги, на котором он что-то записал своим крупным неправильным почерком.

— Мне трудно было запомнить, — пояснил он, — вот я и записал.

И он медленно прочитал вслух:

— «Джон Артур Молино Эррол, граф Доринкорт». Так его зовут, а живет он в замке, вернее, в двух замках или, кажется, в трех. Мой папа был его младшим сыном; будь он жив, я бы не был ни лордом, ни графом; но и папа не был бы графом, если бы его старшие братья остались живы. Но все они умерли, и ни одного сына, кроме меня, ни у кого не осталось, так что графом приходится стать мне; и дедушка послал за мной из Англии.

Мистеру Хоббсу становилось все жарче и жарче. Он утирал лоб и лысину и тяжело дышал. Он начал понимать, что случилось нечто из ряда вон выходящее; глядя на красивого, приветливого, смелого мальчика в черном костюмчике с красной ленточкой у горла, который сидел перед ним на ящике из-под печенья и с тревогой смотрел на него славными детскими глазами, он видел, что тот совсем не изменился. Мистер Хоббс не знал, что и думать о его словах про знатное происхождение. Смятение его еще возрастало, ибо Седрик сообщил ему все так скромно и просто, что было ясно: он не понимает, как невероятно это известие.

— Как... как, ты сказал, тебя теперь зовут? — спросил мистер Хоббс.

— Седрик Эррол, лорд Фаунтлерой, — отвечал Седрик. — Так мистер Хэвишем меня назвал. Когда я вошел в комнату, он сказал: «А вот и маленький лорд Фаунтлерой!»

— Ну и ну, — воскликнул мистер Хоббс, — провалиться мне на этом месте!

Он всегда так говорил, когда был чем-то взволнован или удивлен. И в эту минуту он ничего другого не сумел придумать.

Седрику это восклицание показалось вполне приличествующим случаю. Он так любил и уважал мистера Хоббса, что восхищался всем, что бы тот ни делал. Он мало видел других людей, чтобы понять, что порой мистер Хоббс нарушал условности. Конечно, Седрик понимал, что мистер Хоббс совсем другой, чем мама, но мама была женщиной, а он подозревал, что женщины всегда ведут себя по-другому, чем мужчины.

Он задумчиво посмотрел на мистера Хоббса.

— Англия отсюда очень далеко, правда? — спросил он.

— Надо пересечь Атлантический океан, — отвечал мистер Хоббс.

— Это меня и огорчает, — сказал Седрик. — Верно, я теперь вас долго не увижу. Мне даже думать об этом не хочется, мистер Хоббс.

— Что ж, даже лучшие друзья расстаются, — произнес мистер Хоббс.

— А ведь мы уже много лет дружим, правда? — спросил Седрик.

— С самого твоего рождения, — отвечал мистер Хоббс. — Тебе еще шести недель не было, когда ты впервые на этой улице появился.

— Да, — вздохнул Седрик, — не думал я тогда, что придется стать графом!

— А как по-твоему, — поинтересовался мистер Хоббс, — отказаться нельзя?

— Боюсь, что нет, — отвечал Седрик. — Мама говорит, что папа хотел бы этого. Но если уж этого не избежать, я могу, по меньшей мере, постараться быть хорошим графом. Я не собираюсь становиться тираном. И если с Америкой опять начнется война, я постараюсь ее остановить.

Он долго и серьезно беседовал с мистером Хоббсом. Немного придя в себя, мистер Хоббс не выказал, как можно было бы ожидать, особой вражды, но постарался смириться с положением дел и задал Седрику множество вопросов. А так как Седрик мог ответить лишь на некоторые из них, мистер Хоббс попытался ответить на них сам, а заговорив о графах, маркизах и их наследственных владениях, объяснял многое так, что, случись мистеру Хэвишему его услышать, он, верно, немало бы удивился.

Впрочем, мистера Хэвишема многое удивляло. Всю свою жизнь он провел в Англии и не привык к американцам и к их обычаям. Вот уже почти сорок лет он был адвокатом графа Доринкорта, знал все о его великолепных поместьях, огромном богатстве и знатности и пристально изучал мальчика, которому предстояло все это унаследовать. Мистеру Хэвишему

было известно, что в свое время старый граф разочаровался в старших сыновьях и что женитьба капитана Седрика на американке вызвала его гнев; известно ему было и то, что граф все еще ненавидел кроткую молодую вдову и говорил о ней не иначе как в жестких и горьких выражениях. Он утверждал, что эта вульгарная особа заставила его сына жениться на ней, ибо проведала, что он графский сын. Старый адвокат тоже склонен был так думать. В своей жизни он повидал великое множество себялюбивых и корыстных людей, а об американцах был невысокого мнения. Когда он оказался на этой бедной улице и его коляска остановилась перед этим бедным домом, он поразился. Ему показалась ужасной самая мысль о том, что будущий владелец замков Доринкорт, Виндхэм-Тауерс, Чорлворт и всех других великолепных поместий родился и живет в таком скромном доме на улице с бакалейной лавкой на углу. Интересно, каков этот ребенок и что у него за матушка, подумалось ему. Он почти боялся увидеть их. Мистер Хэвишем по-своему гордился знатным семейством, чьи дела он вел в течение стольких лет, и ему было бы очень неприятно иметь дело с женщиной, которую он считал бы вульгарной, корыстолюбивой особой, не уважающей ни родины своего покойного мужа, ни достоинства его имени. Это было древнее и славное имя, и мистер Хэвишем испытывал к нему величайшее почтение, хоть он и был всего лишь искусственным в делах адвокатом.

Когда Мэри ввела мистера Хэвишема в маленькую гостиную, он оглядел комнату критическим взором. Она была обставлена просто, но уютно; в ней не было дешевых безделушек и аляповатых картин; кое-где на стенах висели простые, но выполненные со вкусом украшения; он увидел в комнате множество прелестных вещиц, сделанных, судя по всему, женской рукой.

«Что же, пока неплохо, — сказал он про себя, — впрочем, возможно, это вкус капитана». Но когда в гостиную вошла миссис Эррол, он подумал, что не исключено, что это и ее вкус. Не будь он таким жестким человеком, он, верно, поразился бы, увидев ее. В простом черном платье, облежавшем ее стройный стан, она больше походила на молоденькую девушку, чем на мать семилетнего мальчика. Ее прелестное юное лицо было грустно, в больших карих глазах светилась нежность и доверчивость; после смерти мужа печаль никогда не покидала ее. Седрик привык к этому выражению; оно исчезало лишь тогда, когда она играла с ним, или когда он, рассуждая о чем-либо, употреблял вдруг какое-нибудь замысловатое выражение или словечко, почерпнутое из газет или из бесед с мистером Хоббсом. Седрик любил замысловатые выражения и радовался, если они смешили ее, хоть сам не видел в них ничего смешного.

Многоопытный адвокат хорошо разбирался в людях; увидев мать Седрика, он тотчас понял, что старый граф ошибся, решив, что его сын женился на вульгарной и корыстолюбивой особе. Сам мистер Хэвишем никогда не был женат, он никогда даже не был влюблен, но он сразу разгадал, что эта прелестная женщина с милым голосом и грустными глазами стала женой капитана Эррола лишь потому, что всем сердцем его любила и никогда не думала о том, граф ли его отец или нет. Он тут же увидел, что она не доставит ему никаких хлопот, и начал надеяться, что и маленький лорд Фаунтлерой не будет обузой для своей высокогородной семьи. Капитан был хорош собой, юная вдова была тоже очень мила, возможно, и мальчик будет недурен.

Когда он сообщил миссис Эррол цель своего приезда, краска сбежала с ее щек.

— Ах, — воскликнула она, — неужели его заберут у меня? Мы так любим друг друга! Он мое счастье! Больше у меня ничего нет. Я старалась быть ему хорошей матерью.

Ее нежный голос задрожал, и глаза наполнились слезами.

— Вы даже представить себе не можете, чем он был для меня! — прибавила она.

Адвокат откашлялся.

— Я вынужден сообщить вам, — произнес он, — что граф Доринкорт не слишком... не слишком расположен к вам. Он старый человек, его предубеждения очень сильны. Он всегда особенно не любил Америку и американцев и был весьма рассержен женитьбой сына. Мне жаль, но я вынужден сказать вам: он непреклонен в своей решимости вас не видеть. Он

хочет, чтобы лорд Фаунтлерой воспитывался под его собственным наблюдением и жил с ним. Граф привязан к замку Доринкорт и большую часть времени проводит в нем. Он страдает подагрой и не любит Лондон. Лорд Фаунтлерой будет скорее всего жить в замке. Вам граф предлагает поселиться в Корт-Лодже — это дом, расположенный в приятном месте недалеко от замка. Граф также предлагает вам приличествующее вашему положению содержание. Лорду Фаунтлерою будет дозволено навещать вас с единственным условием: чтобы сами вы его не навещали и не гуляли в парке. Как видите, вы не расстаетесь с сыном, и смею вас заверить, сударыня, что условия эти вовсе не так тяжелы, как... как могли бы быть. Я уверен, вы согласитесь с тем, что преимущества такого положения и воспитания для лорда Фаунтлероя будут весьма значительны. Он слегка опасался, как бы она не принялась плакать и не устроила бы сцену, к чему, как он знал, прибегли бы многие женщины на ее месте. Женские слезы его раздражали и сердили.

Но она не заплакала. Она отошла к окну и с минуту постояла отвернувшись; он видел, что она старается взять себя в руки.

— Капитан Эррол очень любил Доринкорт, — сказала она наконец. — Он любил Англию и все английское. Он всегда горевал, что его разлучили с домом. Он гордился своим домом и своим именем. Он хотел бы... я знаю, что он хотел бы, чтобы его сын увидел его родные места и получил воспитание, приличествующее его будущему положению.

И она вернулась к столу и остановилась, кротко глядя на мистера Хэвишема.

— Мой муж желал бы этого, — произнесла она. — Так будет лучше для мальчика. Я знаю... я уверена, что граф не столь жесток и не будет пытаться заставить его меня разлюбить. И я знаю... что даже если бы он попытался это сделать... это ему не удастся... Мой мальчик слишком похож на отца. Характер у него преданный и добрый, а сердце верное. Он меня не разлюбит, даже если мы не будем видеться; но так как мы видеться будем, я не должна особенно страдать.

«Она совсем не думает о себе, — подумал адвокат. — Для себя она никаких условий не оговаривает».

— Сударыня, — проговорил он вслух, — я склоняюсь перед вашей заботой о сыне. Когда он вырастет, он будет вам благодарен. Заверяю вас, что лорд Фаунтлерой будет окружен самым заботливым уходом и что для его счастья будет сделано все возможное. Граф Доринкорт позаботится о его удобствах и благосостоянии, как это сделали бы вы сами.

— Надеюсь, — заметила она дрожащим голосом, — что он полюбит Седди. Сердце у мальчика очень доброе — его всегда любили.

Мистер Хэвишем снова откашлялся. Он не мог себе представить, чтобы вспыльчивый старый граф, страдающий подагрой, кого-то полюбил; впрочем, адвокат знал, что граф постарается, как ни был он раздражителен, проявить доброту к ребенку, который станет его наследником, — ведь это было в его интересах.

— Я уверен, что лорду Фаунтлерою будет хорошо в замке, — отвечал адвокат. — Поэтому граф и пожелал поместить вас поближе к нему, чтобы вы могли часто видеться с ним.

Он не стал повторять слов графа, в которых не было ни доброты, ни благовоспитанности. Мистер Хэвишем решил передать слова своего патрона в более мягкой и учтивой форме.

Он вздрогнул, когда в ответ на просьбу миссис Эррол найти мальчика Мэри сообщила, где он находится.

— Найти-то его нетрудно, сударыня, — сказала Мэри. — Он скорее всего в лавке у мистера Хоббса — сидит на табуретке у прилавка и беседует с ним о политике или играет между ящиками со свечами, мылом и картошкой. И до того милый, до того разумный, загляденье и только!

— Мистер Хоббс знает его с самого рождения, — объяснила миссис Эррол адвокату. — Он очень добр к мальчику, и они большие друзья. Вспомнив, что он проезжал лавку и видел бочки с картофелем, яблоками и прочими товарами, мистер Хэвишем почувствовал, что в

нем снова шевельнулось сомнение. Все это было весьма странно — в Англии сыновья джентльменов не водят дружбы с бакалейщиками. Жаль, если у мальчика плохие манеры и склонность к дурному обществу. Одним из самых тяжелых разочарований для старого графа было то, что два его старших сына любили дурное общество. Неужели, подумал адвокат, этот мальчик пошел в них, а не в отца?

Мистер Хэвишем с тревогой размышлял об этом, продолжая беседовать с миссис Эррол и поджидая мальчика. Когда дверь наконец отворилась, он не сразу заставил себя взглянуть на Седрика. Тем, кому доводилось иметь с адвокатом дело, верно, удивились бы, узнай они, какие странные чувства охватили мистера Хэвишема, когда он взглянул на мальчика, подбежавшего к матери. Он почувствовал неожиданное и радостное волнение, увидав прелестного мальчика, который к тому же был очень хорош собой. Красота его поражала. Гибкий, крепкий, стройный, с открытым лицом, он удивительно походил на своего отца; волосы у него были золотистые, как у капитана, а глаза карие, как у матери, только в них не было ни робости, ни печали. Взгляд был прямой и отважный; казалось, он никогда не испытывал ни страха, ни сомнений. «Такого красивого и благородного мальчика мне не доводилось видеть», — подумал мистер Хэвишем. Вслух же он просто сказал:

— Так вот он, маленький лорд Фаунтлерой.

Чем больше он присматривался к маленькому лорду Фаунтлерою, тем более тот его удивлял. Мистера Хэвишема дети не очень-то занимали, хоть он и часто видел их в Англии — здоровых, красивых, розовощеких девочек и мальчиков, которых держали в строгости учителя и гувернантки; порой они робели, а порой расходились, но сдержанный и церемонный адвокат никогда ими особенно не интересовался. Возможно, его личное участие в судьбе маленького лорда Фаунтлероя заставило его приглядеться к Седди внимательнее, чем к другим детям; как бы то ни было, но он с удивлением обнаружил, что пристально следит за мальчиком.

Седрик не знал, что к нему присматриваются, и вел себя как обычно. Он, как всегда дружелюбно, пожал руку мистера Хэвишема, когда их представили друг другу, и отвечал на все его вопросы с той же готовностью, с какой беседовал с мистером Хоббсом. Он не проявлял ни застенчивости, ни дерзости; беседуя с миссис Эррол, адвокат заметил, что мальчик с интересом, совсем как взрослый, прислушивается к их разговору.

— Он кажется таким взрослым для своих лет, — заметил мистер Хэвишем матери.

— Да, в чем-то, — согласилась она. — Он всегда все быстро схватывал, и к тому же он вырос среди взрослых. У него есть забавная манера употреблять замысловатые слова и выражения, которые он вычитал из книг или услышал в разговоре, но он очень любит и пошалить. Мне кажется, он весьма умен, но порой он совсем ребенок.

Когда мистер Хэвишем увидел Седрика вторично, он убедился в правоте ее последнего замечания. Едва его экипаж свернул за угол, как в глаза ему бросилась оживленная группка мальчишек. Двое из них готовились бежать наперегонки, и одним из них был юный лорд — он так же громко шумел и кричал, как все остальные. Он стоял рядом со вторым мальчиком, выставив вперед ногу в красном чулке.

— Приготовиться! — крикнул судья. — Раз! Все в порядке? Два! Три! Побежали!

Мистер Хэвишем с неожиданным интересом высунулся в окно экипажа. Такого он еще в своей жизни не помнил — красные чулки юного лорда так и засверкали, как только раздалась команда. Сжав кулаки, он вихрем мчался вперед; а ветер развеивал его золотистые волосы.

— Сед Эррол, давай! — вопили, приплясывая и визжа от восторга, мальчишки. — Билли Уильямс, давай! Седди, поднажми! Жми, Билли! Ура! Ура!

— Право, кажется, он придет первым, — сказал мистер Хэвишем. Быстрота, с которой мелькали красные ножки, крики мальчишек, отчаянные усилия Билли Уильямса, чьи ноги в коричневых чулках изо всех сил поспешали за красными, — все это взволновало старого адвоката.

— Право же... право же, я решительно надеюсь, что он придет первым! — произнес он,

смущенно кашлянув.

В этот миг раздался дружный крик мальчишек, которые запрыгали и заплясали от радости.

Будущий граф Доринкорт последним отчаянным рывком достиг фонарного столба в конце квартала и ударил по нему, опередив на две секунды Билли Уильямса, который кинулся к нему, тяжело дыша.

— Да здравствует Седди Эррол! — заорали мальчишки. — Ура Седди Эрролу!

Со сдержанной улыбкой мистер Хэвишем откинулся на подушки своего экипажа.

— Bravo, лорд Фаунтлерой! — произнес он. Когда экипаж остановился перед домом миссис Эррол, победитель и побежденный подошли к нему в сопровождении ликующих мальчишек. Седрик шел с Билли Уильямсом и что-то говорил ему. Его покрасневшее лицо сияло радостью, волосы прилипли к разгоряченному влажному лбу, руки были засунуты в карманы.

— Знаешь, — говорил Седрик, очевидно, желая облегчить поражение своему незадачливому сопернику, — я оттого, верно, победил, что у меня ноги чуть длиннее твоих. Ведь я на три дня тебя старше, а это преимущество. Я старше на целых три дня!

Это соображение, видно, так обрадовало Билли Уильямса, что он заулыбался и с важностью огляделся, словно он одержал верх, а не потерпел поражение. Седди Эррол, видно, умел утешить. Даже в упоении победой он не забыл о том, что проигравшему, возможно, не так весело, как победителю, и мысль о том, что в иных обстоятельствах победу мог одержать он, его ободряла.

В это утро мистер Хэвишем долго беседовал с победителем — беседа эта заставила его не раз улыбнуться своей сдержанной улыбкой и потереть подбородок худыми пальцами. Миссис Эррол вышла из гостиной по какому-то делу, и Седрик с мистером Хэвишем остались вдвоем. Поначалу мистер Хэвишем не знал, что же сказать мальчику. Ему подумалось, что было бы полезно как-то подготовить его к встрече с дедом и к той огромной перемене, которая ему предстоит. Он видел, что Седрик не имеет никакого понятия ни о том, что ждет его по прибытии в Англию, ни о том, в каком доме он поселится. Он даже не знал, что мать не будет жить с ним под одной крышей. Они решили пока не говорить ему об этом — пусть немного привыкнет к своему новому положению.

Мистер Хэвишем сидел в кресле у открытого окна; по другую сторону от окна стояло другое кресло, еще большего размера; в нем-то и устроился Седрик. Он сидел в самой глубине кресла, откинув кудрявую голову на спинку, и внимательно смотрел на мистера Хэвишема; ногу он заложил на ногу, а руки сунул в карманы, как это делал обычно мистер Хоббс. Он не отрывал взгляда от адвоката, пока мать оставалась в комнате; впрочем, когда она удалилась, он продолжал смотреть на него все так же задумчиво и почтительно. Воцарилось короткое молчание; Седрик, казалось, изучал мистера Хэвишема, а мистер Хэвишем — тут уж сомневаться не приходилось — изучал Седрика. Он никак не мог решить, что следует сказать мальчику в красных чулках, победившему в беге наперегонки, ножки которого, когда он сидел в глубоком кресле, не доставали до пола.

Но Седрик вывел его из затруднения, взяв инициативу в свои руки.

— А знаете, — сказал он, — я не представляю, что такое граф.

— Нет? — произнес мистер Хэвишем.

— Нет, — отвечал Седрик. — Мне кажется, если собираешься стать графом, надо знать, что это такое. А вам как кажется?

— Пожалуй, — согласился мистер Хэвишем.

— Вам нетрудно будет, — почтительно спросил Седрик, — дать мне выяснения? (Порой он немного сбивался в длинных словах.) Как человек делается графом?

— Это делают король или королева, разумеется, — объяснил мистер Хэвишем. — За то, что человек хорошо служил своему государю или совершил что-нибудь замечательное.

— А-а! — воскликнул Седрик. — Как президент!

— Разве? — спросил мистер Хэвишем. — Разве здесь президентов выбирают за это?

— Да, — отвечал уверенно Седрик. — Если это очень хороший и знающий человек, его выбирают президентом. Устраивают шествие с факелами и с оркестром, и все произносят речи. Я раньше думал, что, может, и я стану президентом, но мне и в голову не приходило, что я могу стать графом. Просто я ничего не знал о графах, — быстро добавил Седрик, чтобы не обидеть мистера Хэвишема. — Если бы я знал, я, верно, подумал бы, что неплохо было бы им стать.

— Но это, пожалуй, не то, что быть президентом, — заметил мистер Хэвишем.

— Правда? — спросил Седрик. — А почему? Разве факельных шествий не устраивают?

Мистер Хэвишем заложил ногу за ногу и задумчиво соединил концы пальцев. Он подумал, что, пожалуй, пора все объяснить подробнее.

— Граф... очень важная персона, — начал он.

— И президент тоже! — вставил Седди. — Факельное шествие растягивается миль на пять, а еще они ракеты пускают и оркестр все время играет! Меня мистер Хоббс брал посмотреть.

— Граф, — продолжал мистер Хэвишем, без особой уверенности нащупывая почву, — часто очень древнего происхождения...

— Как это? — спросил Седрик.

— Из очень старой семьи... Очень старой.

— А-а! — сказал Седрик, засовывая руки поглубже в карманы. — Понимаю! Это как торговка яблоками, что сидит возле парка. Я уверен, что она тоже очень древнего... происхождения. Она такая старая, что непонятно, как она на ногах держится. Ей лет сто, не меньше, но она всегда там, даже когда дождь идет. Я ее жалею, и другие мальчики тоже. У Билли Уильямса один раз был чуть не целый доллар, и я его попросил покупать у нее каждый день яблок на пять центов, пока он не истратит всего доллара. Это было бы двадцать дней, но ему яблоки через неделю надоели. Но тут мне повезло: один джентльмен подарил мне пятьдесят центов, и я стал покупать яблоки вместо Билли. Жалко ведь тех, кто такой старый и имеет такое древнее... прохождение. Она говорит, у нее от него кости болят, и в дождик ей всегда хуже.

Мистер Хэвишем не знал, что на это ответить, и молча смотрел на серьезное лицо своего юного собеседника.

— Боюсь, что вы не совсем меня поняли, — сказал он. — Когда я говорил о «древнем происхождении», я имел в виду не возраст, а то, что имя такого семейства известно в обществе с давних времен, возможно, люди, носившие это имя, были известны много столетий назад и о них не раз упоминали в истории их страны.

— Как о Джордже Вашингтоне, — подхватил Седрик. — Я о нем с самого рождения слышал, а он еще задолго до того был известен. Мистер Хоббс говорит, его никогда не забудут. Это из-за Декларации независимости и Четвертого июля, вы ведь знаете. Он был очень смелым человеком, вот в чем дело.

— Первый граф Доринкорт, — произнес торжественно мистер Хэвишем, — был возведен в графское достоинство четыреста лет назад.

— Ну и ну! — воскликнул Седрик. — Вот это давно! А Дорогой вы об этом рассказали? Ее это очень заинтересует. Мы ей расскажем, когда она вернется. Она очень любит такие истории. А что граф еще делает — помимо того, что его возводят?

— Многие из них помогали править Англией. Некоторые были отважными людьми и участвовали в старину в великих сражениях.

— Я бы тоже хотел участвовать, — признался Седрик. — Мой отец был солдатом, и очень отважным — совсем как Джордж Вашингтон. Может, поэтому его и сделали бы графом, если бы он не умер. Я рад, что графы храбрые. Это великое пр... как это... имущество — быть храбрым. Я раньше много боялся — темноты, например; но потом я стал думать о солдатах во время Революции и о Джордже Вашингтоне — и вылез из страха.

— У графов есть еще одно важное преимущество, — проговорил с расстановкой мистер Хэвишем и пытливо посмотрел на мальчика. — У некоторых из них много денег.

Ему было интересно узнать, известно ли его молодому другу, какую властью обладают деньги.

— Это хорошо, — отвечал спокойно Седрик. — Мне тоже хотелось бы иметь много денег.

— Да? — спросил мистер Хэвишем. — Для чего?

— Знаете, — объяснил Седрик, — с деньгами можно многое сделать. Вот, к примеру, торговка яблоками. Будь я богат, я бы купил ей брезентовый навес для лотка и маленькую печку, а в дождливые дни я бы давал ей по доллару, чтобы она сидела дома. И еще... ах да, я купил бы ей теплую шаль. Тогда у нее кости не так бы болели. У нее кости не такие, как у нас; они у нее болят при малейшем движении. Это очень тяжело, когда у человека такие кости. Если бы я был богат и смог бы ей все это купить, может, они бы у нее перестали болеть.

— Гм, — проговорил мистер Хэвишем. — А что бы вы еще сделали, если бы были богаты?

— О, много чего! Конечно, я бы купил Дорогой всяких красивых вещей — игольниц, вееров, золотых колец и наперстков, а еще энциклопедию и коляску, чтобы ей не нужно было ждать омнибуса. Если бы она любила розовые платья, я бы их ей купил, но она любит черные. Я бы ее повел в большие магазины и сказал, чтобы она все посмотрела и сама выбрала. А потом Дик...

— Кто это Дик? — спросил мистер Хэвишем.

— Дик — чистильщик сапог, — отвечал юный лорд с жаром, радуясь, что мистер Хэвишем принимает его планы близко к сердцу. — Он просто замечательный. Он сидит на одном перекрестке в самом центре города. Я его очень давно знаю. Однажды, когда я был совсем маленький, мы там проходили с Дорогой, и она мне купила дивный мяч, такой прыгучий; я его нес, а он вдруг прыгнул прямо на мостовую, где лошади и кареты, а я так огорчился и заплакал — я ведь был еще маленький, я тогда еще в шотландской юбочке ходил. А Дик как раз чистил одному человеку ботинки. Он мне сказал: «Привет!» — и бросился меж лошадей, мячик поймал, вытер о свою куртку и отдал мне. И еще сказал: «Все в порядке, молодой человек!» Дорогой он очень понравился, а уж мне — и говорить нечего, и с тех пор, когда мы идем в город, мы с ним всегда разговариваем. Он мне говорит: «Привет!», и я ему тоже, а потом мы немного беседуем, и он мне рассказывает, как идут дела. В последнее время дела у него идут неважно.

— А что бы вы хотели сделать для него? — спросил адвокат, потирая подбородок и странно улыбаясь.

— Я, — отвечал, приняв деловой вид, лорд Фаунтлерой, — я бы откупил у Джейка его долю.

— А кто такой Джейк? — спросил мистер Хэвишем.

— Он компаньон Дика, и худшего компаньона свет не видывал! Это Дик говорит. Он ему только мешает, и еще он нечестный. Он то и дело обманывает, а Дик от этого бесится. Вы бы тоже бесились, если бы чистили с утра до ночи ботинки и все делали, как положено, а ваш бы компаньон вас обманывал. Дика все любят, а Джейка — нет, и потому не всегда приходят к ним снова. Будь я богат, я бы откупил у Джейка его долю, и тогда у Дика была бы своя вывеска, а Дик говорит, что с вывеской можно далеко пойти. А еще я купил бы ему все новое, и одежду, и щетки, чтобы у него все было, как надо. Он говорит, что мечтает только об одном: чтобы все было, как надо.

Маленький лорд поведал все это мистеру Хэвишему просто и доверительно, то и дело ссылаясь на своего друга Дика. Он, видно, ни на миг не сомневался в том, что его собеседника история эта интересует не меньше, чем его самого. Мистер Хэвишем и вправду проникся живейшим интересом, возможно, не столько к Дику или к торговке яблоками, сколько к этому юному отпрыску благородной семьи, в кудрявой головке которого так и

роились планы помощи друзьям и который о себе, казалось, вовсе и не думал.

— А что бы вы... — начал адвокат. — А что бы вы хотели для себя, если бы вы разбогатели?

— О, много всего, — ответил, не задумываясь, лорд Фаунтлерой. — Только сначала я бы дал Мэри денег для Бриджит — это ее сестра, у нее двенадцать детей, а муж без работы. Она к нам приходит и плачет, Дорогая дает ей всего, целую корзинку, а она опять плачет и говорит: «Спаси вас Господь, такая красавица!» И еще мне кажется, что мистеру Хоббсу было бы приятно, если бы я подарил ему на память золотые часы с цепочкой и пенковую трубку. А потом я хотел бы устроить праздник.

— Праздник! — вскричал мистер Хэвишем.

— Как съезд республиканцев, — объяснил взволнованно Седрик.

— Чтобы у всех мальчиков были факелы, форма и все такое прочее, и у меня тоже. И мы бы строились и маршировали. Будь я богат, вот что я для себя бы хотел.

Дверь отворилась, и миссис Эррол вошла в комнату.

— Простите, что оставила вас так надолго, — сказала она мистеру Хэвишему. — Но ко мне пришла бедная женщина, у которой стряслась беда.

— Этот юный джентльмен, — сообщил мистер Хэвишем, — поведал мне о некоторых своих друзьях и о том, что бы он для них сделал, будь он богат.

— Одна из них — Бриджит, — отвечала миссис Эррол, — с ней я сейчас и беседовала на кухне. У нее беда: муж ее заболел горячкой. Седрик соскользнул на пол.

— Я, пожалуй, пойду и поговорю с ней, — сказал он, — спрошу, как он себя чувствует. Я ему очень обязан: он мне однажды сделал из дерева меч. Он очень талантливый человек.

Он выбежал из комнаты, а мистер Хэвишем поднялся с кресла. Казалось, он что-то хочет сказать. С минуту он колебался, а потом произнес, глядя с высоты своего роста на миссис Эррол:

— Перед отъездом из замка Доринкорт я виделся с графом, и он мне дал кое-какие распоряжения. Он хотел бы, чтобы его внук с удовольствием ждал переезда в Англию и знакомства с ним. Он сказал, что я должен дать понять милорду, что перемена в его жизни принесет ему деньги и все те радости, которые так любят дети. Если милорд выразит какое-либо желание, я должен выполнить его и сказать, что это подарок от бабушки. Я сознаю, что граф не имел в виду ничего подобного, но если лорду Фаунтлерою будет приятно помочь этой бедной женщине, я уверен, что граф был бы недоволен, если бы я этого не исполнил. И снова адвокат неточно передал слова графа. Вот что на самом деле сказал граф:

— Пусть мальчик поймет, что я могу дать ему все, что он только захочет. Пусть знает, что такое быть внуком графа Доринкорта. Купите ему все, что он ни пожелает; пусть у него в карманах звенят деньги, и говорите ему, что это все подарил ему дедушка.

Он руководствовался не лучшими мотивами, и, пожалуй, будь у маленького лорда Фаунтлероя не такое доброе и нежное сердце, граф мог бы причинить немало вреда. Но мать Седрика была так добра, что ей это не пришло в голову. Она решила, что одинокий несчастный старик, лишившись своих сыновей, хочет проявить доброту по отношению к внуку и снискать его любовь и доверие. Она от души обрадовалась, узнав, что Седди может помочь Бриджит. Ей приятно было думать о том, что по странному капризу судьбы ее мальчик сможет помочь тем, кто нуждался в помощи. Ее прелестное лицо залил румянец.

— О, граф очень добр, — произнесла она. — Седрик так обрадуется! Он всегда любил Бриджит и Майкла. Они очень достойные люди. Я часто жалела, что не могу им больше помогать. Майк, когда здоров, прекрасный работник, но он уже давно болеет. Ему нужны дорогие лекарства, теплая одежда и питание. Они с Бриджит не растратят попусту то, что получат.

Мистер Хэвишем сунул руку в боковой карман и вынул большой бумажник. На лице его появилось странное выражение. Сказать по правде, в эту минуту он размышлял о том, что скажет граф Доринкорт, когда узнает, каким оказалось первое желание лорда Фаунтлероя, которое он исполнил.

— Не знаю, отдаете ли вы себе отчет в том, что граф Доринкорт чрезвычайно богат, — сказал он. — Он может удовлетворить любой каприз. Он будет рад узнать, что желание лорда Фаунтлероя, каким бы странным оно ни показалось, было исполнено. Если вы позовете вашего сына, я, с вашего позволения, дам ему пять фунтов для этих людей.

— Двадцать пять долларов! — воскликнула миссис Эррол. — Эта сумма им покажется целым богатством. Мне с трудом верится, что это правда.

— Сомнений быть не может, — отвечал мистер Хэвишем, холодно улыбаясь. — В жизни вашего сына произошла огромная перемена. В его руках будет сосредоточена большая власть.

— О Боже! — воскликнула миссис Эррол. — Ведь он такой маленький — совсем, совсем маленький! Как мне научить его хорошо ею распорядиться? Мне страшно... Бедный мой Седди!

Адвокат откашлялся. Кроткое, нежное выражение ее карих глаз тронуло его очерствевшее сердце.

— Я полагаю, сударыня, — заметил он, — что будущий граф Доринкорт, насколько можно судить по беседе, которую я имел с ним сегодня утром, будет думать не только о себе, но и о других. Он всего лишь дитя, но, мне кажется, на него можно положиться.

Затем миссис Эррол отправилась за Седриком. Мистер Хэвишем услышал его голос из-за двери.

— У него ревматическая горячка, — говорил он, — а это ужасная болезнь. Он все думает, что за квартиру у них не уплачено, и Бриджит говорит, что от этого ему только хуже становится. А Пэт мог бы устроиться в лавку, если б у него было что надеть.

Седрик вошел в гостиную с озабоченным видом. Он очень жалел Бриджит.

— Дорогая говорит, что вы хотите мне что-то сообщить, — сказал он мистеру Хэвишему. — Я с Бриджит беседовал.

Мистер Хэвишем с минуту смотрел на него. Ему было не по себе: он не знал, на что решиться. Мать Седрика была права: Седрик был еще совсем ребенок.

— Граф Доринкорт... — начал адвокат и невольно глянул на миссис Эррол.

Внезапно она опустила на колени и нежно обняла мальчика.

— Седди, — сказала она, — граф тебе дедушка, он отец твоего папы. Он очень, очень добрый, он любит тебя и хочет, чтобы и ты его любил, ведь его сыновья умерли. Он хочет тебе счастья и хочет, чтобы ты и людям дарил счастье. Он очень богат, и он хочет, чтобы у тебя было все, что ты пожелаешь. Он это сказал мистеру Хэвишему и дал ему для тебя много денег. Ты можешь теперь помочь Бриджит — дать ей денег, чтобы заплатить за квартиру и купить Майклу все, что надо. Как хорошо, правда, Седди? Какой он добрый, правда?

И она поцеловала Седрика в круглую щечку, вспыхнувшую от радостного волнения.

Седрик перевел взгляд на мистера Хэвишема.

— А можно мне их сейчас получить? — спросил он. — Я их тут же отдам ей. Она как раз уходит.

Мистер Хэвишем вручил ему деньги. Это была внушительная пачка хрустящих зеленых долларов.

Седди выбежал из комнаты.

— Бриджит! — закричал он, врываясь в кухню (голос его был хорошо слышен в гостиной). — Бриджит, стой! Вот деньги. Это тебе, можешь заплатить за квартиру. Мне дедушка дал. Это тебе и Майклу.

— Ах, мистер Седди! — воскликнула с ужасом Бриджит. — Здесь двадцать пять долларов! И куда это хозяйка подевалась?

— Я должна пойти и все ей объяснить, — произнесла миссис Эррол. Она поспешила из комнаты, и мистер Хэвишем остался на время один. Он подошел к окну и принялся задумчиво смотреть на улицу. Он размышлял о старом графе Доринкorte, который сидел один в огромной библиотеке своего замка, окруженный роскошью и великолепием, и которого никто не любил, ибо всю свою долгую жизнь он любил только самого себя. Он был

эгоистичен, высокомерен и нетерпим и так занят самим собой и своими прихотями, что у него не хватало времени подумать о других. Все его состояние и власть, все преимущества, которые давало ему знатное имя и высокое положение, предназначались, по мнению графа Доринкорта, лишь для того, чтобы его тешить и развлекать. И теперь, когда он состарился, вся эта жизнь только для себя и в свое удовольствие обернулась сплином, расстроенным здоровьем и раздражением против всего света, который тоже его не жаловал. Несмотря на весь блеск и великолепие его имени, граф Доринкорт был крайне непопулярен и проводил свои дни в полном одиночестве. Если бы он захотел, он мог бы наполнить замок гостями. Он мог бы давать пышные банкеты или устраивать великолепные охоты; однако он знал, что гости, которые примут его приглашение, в глубине души будут бояться своего хмурого хозяина и его едких, саркастических речей. Нрав у него был крутой, и людей он не щадил; ему нравилось издеваться над ними, приводить их, как только представится случай, в смущение, смеясь над их чувствами, гордостью или робостью.

Мистер Хэвишем хорошо знал необузданный и жестокий нрав своего патрона и размышлял о нем, глядя в окно на узкую тихую улочку. Перед его мысленным взором вставала по контрасту совсем иная картина: красивый мальчик, сидящий в глубоком кресле, говорит ему о своих друзьях, о Дике и торговке яблоками, говорит открыто, великодушно и честно. И он подумал об огромных доходах, о прекрасных больших имениях, о богатстве и возможности творить добро или зло, которыми со временем будет обладать маленький лорд Фаунтлерой.

«Это будет совсем другое дело, — молвил адвокат про себя. — Совсем другое дело».

Вскоре в комнату вошли Седрик с матерью. Настроение у Седрика было самое радужное. Он уселся в свое кресло между матерью и адвокатом, приняв свою любимую позу и положив руки на колени. Он весь сиял при мысли о том, как обрадовалась Бриджит.

— Она заплакала! — сказал он. — Она сказала, что плачет от радости. Я раньше никогда не видел, чтобы от радости плакали. Наверное, мой дедушка очень хороший человек. Быть графом гораздо... гораздо приятнее, чем я думал. Я рад... я почти рад, что буду графом.

Глава третья ПРОЩАНИЕ

На следующей неделе Седрик убедился, что перемена в его положении имеет немало преимуществ. Конечно, трудно было привыкнуть к мысли о том, что он может легко исполнить все, что ни пожелает; по правде говоря, полностью он это так и не осознал. Как бы то ни было, после нескольких бесед с мистером Хэвишем он понял, что может делать все, что хочет, и, не раздумывая, рьяно взялся за дело, чем весьма развлек старого адвоката. В последнюю неделю перед отплытием в Англию Седрик совершил немало любопытных поступков.

Впоследствии адвокат не раз вспоминал то утро, когда они подошли к лотку торговки яблоками и потрясли ее сообщением, что теперь у нее будет навес, печурка и шаль, а также некая сумма денег; все это показалось совершенно удивительным этой женщине древнего происхождения.

— Дело в том, что я еду в Англию и буду там лордом, — объяснил ей спокойно Седрик. — А мне не хотелось бы беспокоиться о ваших костях каждый раз, когда будет идти дождь. У меня-то кости никогда не болят, так что я, конечно, не знаю, как это неприятно, но я за вас всегда переживал и надеюсь, что теперь вам будет лучше.

А пока они шли по улице, попрощавшись с торговкой яблоками, которая чуть не задохнулась от волнения и никак не могла поверить в свое счастье, Седрик сообщил мистеру Хэвишему:

— Она очень добрая, эта торговка яблоками. Однажды, когда я упал и разбил себе коленку, она мне дала яблоко — просто так, без денег. Я часто об этом вспоминаю. Всегда ведь вспоминаешь тех, кто был добр к тебе.

Этому мальчику с открытой душой и в голову не приходило, что есть люди, которые не помнят добра.

Свидание с Диком было очень волнующим. У Дика как раз произошла серьезная размолвка с Джейком, и он находился в подавленном настроении. Когда Седрик объявил ему, что они пришли, чтобы подарить ему некую сумму, он чуть не онемел от удивления, — такой огромной показалась ему эта сумма, которая тотчас разрешила бы все его трудности. Лорд Фаунтлерой объявил Дикю об этом просто и прямо, что произвело большое впечатление на мистера Хэвишема, который присутствовал при разговоре. Когда Седрик сообщил Дикю, что стал лордом и по прошествии времени ему, возможно, придется стать графом, Дик вытаращил глаза от удивления и судорожно тряхнул головой, так что кепка слетела у него с головы на землю. Подобрав кепку, Дик произнес какую-то странную фразу. Мистеру Хэвишему она показалась совершенно невероятной, но Седрику приходилось слышать ее и раньше.

— Хватит врать-то! — бросил Дик.

Маленький лорд несколько смутился, однако не отступил.

— Всем сначала кажется, что этого не может быть, — возразил он. — Мистер Хоббс решил, что мне солнце голову напекло. Я не думал, что меня все это обрадует, но теперь уже я немного привык и не возражаю. Теперешний граф — он мне приходится дедушкой — хочет, чтобы я делал все, что ни пожелаю. Дедушка очень добрый, и он настоящий граф; мистер Хэвишем передал мне от него кучу денег. Я принес вам деньги, чтобы вы выкупили дело у Джейка.

Впоследствии Дик так и поступил и стал полновластным хозяином дела, обзаведясь к тому же новыми щетками, замечательной вывеской и комбинезоном. Поверить в свою удачу ему оказалось не легче, чем торговке древнего происхождения; ему все казалось, что все это ему снится; он глядел на своего юного благодетеля и думал, что вот-вот проснется. Казалось, он никак не мог понять, что же с ним происходит, пока, наконец, Седрик не протянул ему руку.

— Прощайте, — сказал Седрик, и как ни старался он говорить с твердостью, голос его дрогнул и он заморгал. — Надеюсь, дела у вас пойдут хорошо. Мне жаль, что я от вас уезжаю, но, может, я вернусь, когда стану графом. Надеюсь, вы мне напишете — ведь мы всегда дружили. Если будете писать, то вот мой адрес. — И он подал ему листок бумаги. — Только теперь меня зовут не Седрик Эррол, а лорд Фаунтлерой. И... и... прощайте, Дик.

Дик тоже заморгал, ресницы у него увлажнились. Он был человек необразованный, вряд ли ему удалось бы, даже если бы он попытался, выразить свои чувства; может, поэтому он и не стал пытаться, а лишь моргал глазами и судорожно глотал, чувствуя, что к горлу у него подступает комок.

— Жаль, что ты уезжаешь, — проговорил он хрипло. И снова заморгал. Потом глянул на мистера Хэвишема и прикоснулся рукой к кепке.

— Спасибо, сэр, что привели его, и за все, что вы сделали. Он... он парнишка особенный, и я его всегда высоко держал. Уж до того он необычный парнишка... до того особенный...

Они ушли, а он все стоял и смотрел им растерянно вслед, не спуская глаз с маленькой фигурки, отважно шагающей рядом с высоким сухим адвокатом; горло ему сдавило, в глазах стояли слезы.

В оставшиеся до отплытия дни маленький лорд постарался провести как можно больше времени в лавке у мистера Хоббса. Мистер Хоббс был мрачен; его одолевала тоска. Когда Седрик торжественно вручил ему на прощанье золотые часы с цепочкой, мистер Хоббс не смог даже как следует поблагодарить его за подарок. Он положил футляр с часами к себе на колени и несколько раз громко высморкался.

— Там надпись, — сказал Седрик, — на крышке внутри. Я сам ее продиктовал. «Мистеру Хоббсу от самого старого его друга, лорда Фаунтлероя. Узнать решив, который

час, меня вы вспомните тотчас». Я хочу, чтобы вы меня вспоминали.

Мистер Хоббс снова трубно высморкался.

— Я-то тебя не забуду, — произнес он с той же хрипотцой в голосе, что и Дик, — только и ты уж меня не забывай, когда будешь там жить с английскими аристократами.

— Я вас не забуду, где бы я ни был, — отвечал маленький лорд. — Самые счастливые часы я провел с вами; вернее, немало моих самых счастливых часов я провел с вами. Надеюсь, вы когда-нибудь приедете ко мне погостить. Дедушке это будет очень приятно, не сомневаюсь. Может быть, он вам пришлет письмо с приглашением, когда я расскажу ему о вас. Ведь... ведь это ничего, что он граф, правда? Я хочу сказать: если он вас пригласит, вы не откажетесь приехать только из-за того, что он граф?

— Я приеду с тобой повидаться, — великодушно обещал мистер Хоббс.

Итак, было решено, что если мистер Хоббс получит настоящее приглашение от графа приехать и провести несколько месяцев в замке Доринкорт, он на время забудет о своих республиканских убеждениях и сложит чемодан.

Наконец все приготовления были закончены; настал день, когда сундуки отвезли на пароход; и в определенный час к дверям дома подкатила коляска. Странное ощущение одиночества охватило мальчика. Миссис Эррол заперлась в своей комнате; когда она спустилась вниз, ее большие глаза были мокрыми от слез, а губы дрожали. Седрик подошел к ней — она нагнулась и обняла его, и они поцеловали друг друга. Он знал, что им обоим грустно отчего-то, хоть и не понимал отчего; впрочем, он высказал одно предположение.

— Мы любили наш домик, правда, Дорогая? — спросил он. — Мы всегда будем любить его, да?

— Конечно, — сказала она тихо, — конечно, будем, милый. А потом они сели в коляску, и Седрик прижался к матери; она смотрела, обернувшись, назад, в окно, а он смотрел на нее и тихо гладил ее руку.

А потом, казалось, и минуты не прошло, как они очутились на пароходе. Вокруг царил страшная суматоха: к причалу подъезжали экипажи, и из них выходили пассажиры; пассажиры волновались из-за багажа, который еще не прибыл и мог вовсе опоздать; носильщики швыряли огромные сундуки и чемоданы на палубу и волокли их куда-то; матросы сновали взад-вперед и развешивали канаты; офицеры отдавали распоряжения; по трапу на пароход всходили дамы и господа и дети с нянюшками — одни шутили и смеялись, другие были печальны и молчаливы, кто-то плакал и смахивал слезы платком. Седрику все, куда ни посмотри, было интересно; он глядел на груды канатов и убранные паруса, на высокие-высокие мачты, которые, казалось, касались раскаленного синего неба; он уже начал строить планы, как поговорить с матросами и разузнать о пиратах.

Незадолго перед отплытием, когда он стоял на верхней палубе и, облокотясь о поручень, с удовольствием наблюдал за последними приготовлениями и шумной суетой матросов и грузчиков, внимание его вдруг привлекло какое-то движение в группе людей, стоявших неподалеку. Кто-то торопливо пробивался сквозь толпу. Какой-то молодой человек с чем-то красным в руках. Это был Дик! Тяжело дыша, он бросился к Седрику.

— Я всю дорогу бежал, — сказал он. — Я пришел тебя проводить. Дела у меня идут — лучше не бывает! Я из сегодняшней выручки тебе подарок купил. Наденешь его, когда попадешь к этим щеголям. Бумагу-то я внизу потерял, когда к тебе продирался. Меня наверх не хотели пускать. Это платок.

Дик выпалил все это одним духом. Зазвонил колокол — Седрик и слова не успел произнести, как тот бросился бежать.

— Прощай! — крикнул Дик. — Наденешь его, когда попадешь к этим щеголям! И он умчался. Спустя несколько секунд Седрик с матерью увидели, как Дик пробрался сквозь толпу на нижней палубе — и сбежал на берег за миг до того, как убрали сходни. Ступив на землю, он остановился и взмахнул кепкой. Седрик развернул платок: он был алого шелка и украшен конскими подковами и головами.

Снасти натянулись, заскрипели, захлопали. Провожающие стали что-то кричать своим друзьям, а пассажиры закричали в ответ:

— Прощайте! Прощайте! Прощай, старина!

Казалось, они говорили друг другу: «Не забывай нас! Напиши из Ливерпуля! Прощай! Прощай!»

Маленький лорд Фаунтлерой подался вперед и замахал красным платком.

— Прощай, Дик! — закричал он изо всех сил. — Спасибо, Дик! Прощай!

Огромный пароход отвалил от пристани, все закричали «ура», миссис Эррол опустила вуаль на лицо, а люди на берегу еще больше засуетились. Но Дик ничего не видел — только это ясное детское личико и золотистые волосы, которые шевелил ветерок, и ничего не слышал — только этот бодрый детский голос, который кричал: «Прощай, Дик!» Маленький лорд Фаунтлерой покидал свою родину, направляясь в незнакомую страну своих предков.

Глава четвертая В АНГЛИИ

О том, что им предстоит жить отдельно, миссис Эррол сказала Седрику только в пути; и когда он это понял, он так загрустил, что мистер Хэвишем оценил решение графа предоставить миссис Эррол дом неподалеку от замка, с тем, чтобы Седрик мог часто видеться с матерью; иначе он, конечно, не вынес бы разлуки. Миссис Эррол убедила Седрика, что будет совсем недалеко от него; она говорила так нежно и с такой любовью, что в конце концов он успокоился и перестал страшиться разлуки.

— Мой дом совсем недалеко от замка, Седди, — повторяла миссис Эррол всякий раз, когда об этом заходила речь. — Он совсем близко — ты будешь каждый день прибегать и все мне рассказывать! Как нам будет хорошо вместе! Там очень красиво. Папа часто мне рассказывал о замке, он его очень любил — и ты полюбишь.

— Я бы его еще больше полюбил, если бы ты там жила, — отвечал Седрик с тяжелым вздохом.

Он никак не мог взять в толк, почему это Дорогая должна жить отдельно от него.

Дело в том, что миссис Эррол решила, что лучше не посвящать его в причины того решения, которое принял граф.

— Я бы предпочла, чтобы он ничего не знал, — сказала она мистеру Хэвишему. — Он не сможет понять графа и только огорчится. Я уверена, что ему будет проще полюбить графа, если он не будет знать, что тот с такой неприязнью отнесся к его матери. Жестокость и злоба ему неизвестны — ему будет тяжело, если он обнаружит, что кто-то может меня ненавидеть. У него такое любящее сердце, и я ему так дорога! Лучше ничего ему об этом не говорить, пока он не подрастет, — так и для графа будет лучше. Это стало бы преградой между ними, хотя Седди еще совсем ребенок.

Вот почему Седрику только сказали, что для такого решения были свои причины, которые он по молодости лет понять не может, но о которых узнает, когда подрастет. Он удивился; впрочем, сами причины его мало волновали; и после долгих бесед с матерью, во время которых она его утешала и представляла ему все преимущества его нового положения, он понемногу успокоился, хотя время от времени мистер Хэвишем видел, как он глядит задумчиво на море и тяжело, не по-детски вздыхает.

— Не нравится мне это, — сказал он во время одной из своих бесед с адвокатом. — Вы даже представить себе не можете, до чего мне это не нравится. Впрочем, в жизни немало бед и надо уметь с ними смиряться. Мэри так говорит, и мистер Хоббс тоже. А Дорогая хочет, чтобы мне нравилось жить у дедушки — ведь у него все дети умерли, а это очень тяжело. Того, кто всех своих детей потерял, можно только пожалеть; а его последний сын умер совсем неожиданно.

Всех, кто знал маленького лорда, особенно трогала рассудительность, с какой он вел иногда беседу; время от времени он высказывал мысли, достойные людей, умудренных опытом, что в сочетании с его круглой ребяческой рожицей производило неотразимое

впечатление. Это был красивый цветущий кудрявый мальчик, и потому, когда он усаживался, обхватив коленку пухлыми ручками, и начинал со всей серьезностью делиться своими соображениями, собеседников охватывало неудержимое веселье. Постепенно и мистер Хэвишем начал получать немалое удовольствие от бесед с ним.

— Значит, вы постараетесь, чтобы дедушка вам понравился? — спросил он.

— Да, — отвечал Седрик. — Он мне родственник, а к родственникам надо хорошо относиться; к тому же он был ко мне добр. Когда кто-то для тебя столько делает и хочет, чтобы у тебя было все, что ты захочешь, нужно, конечно, к нему хорошо относиться, даже если он тебе не родственник; но когда все это делает родственник, тогда, конечно, к нему очень привязываешься.

— А как по-вашему, он вас полюбит? — спросил мистер Хэвишем.

— Пожалуй, да, — отвечал Седрик, — ведь я ему тоже родственник, и к тому же я сын его сына, и потом... конечно, он меня любит, а не то он не стал бы мне делать такие подарки и не послал бы за мною, правда?

— А-а! — заметил адвокат. — Вот как?

— Да, — отвечал Седрик. — Конечно, так! Разве вы со мной не согласны? Своих внуков всегда любят.

Когда, преодолев морскую болезнь, пассажиры поднялись на палубу и удобно устроились в шезлонгах, им тут же поведали романтическую историю маленького лорда Фаунтлероя; все с интересом наблюдали за мальчиком, который то бегал по кораблю, то чинно гулял по палубе с матерью или с высоким худым адвокатом, а то беседовал с матросами. Он всем понравился, со всеми быстро перезнакомился и подружился. Он был скор на дружбу. Когда мужчины выходили прогуляться по палубе и брали его с собой, он мерно и торжественно шагал рядом с ними, весело отвечая на их шутки; когда дамы окружали его плотным кольцом, среди них тотчас вспыхивал смех; когда же он играл с детьми, то все веселилось от души. Среди матросов у него тотчас появились закадычные друзья; они поведали ему о пиратах, кораблекрушениях и необитаемых островах; он научился сращивать тросы и мастерить игрушечные парусники и на удивление быстро освоился со всякими «марселями» и «грот-мачтами». Он уже начал вставлять в свою речь разные морские словечки, а однажды вызвал бурное веселье пассажиров, которые сидели на палубе в пальто и шالях, с милой улыбкой воскликнув:

— Ну и холодище сегодня, клянусь Нептуном!

Седрик очень удивился, когда все расхохотались. Этому морскому выражению он научился у «старого морехода» по имени Джерри, который то и дело украшал им всякие истории, которые он рассказывал Седрику. Если верить его рассказам о собственных приключениях, Джерри две или три тысячи раз ходил в плаванье и каждый раз непременно терпел крушение у какого-нибудь острова, густо населенного кровожадными людоедами. Из этих же волнующих рассказов следовало, что его неоднократно поджаривали — местами — и съедали живьем, а уж скальпировали раз пятнадцать или двадцать, не менее.

— Потому у него и лысина, — объяснял маленький лорд Фаунтлерой миссис Эррол. — Если с тебя столько раз скальп снимут, волосы уже не растут. У Джерри они так и не отросли с того раза, как Повелитель Парромачавикинов снял с него скальп ножом, изготовленным из черепа Вождя Вопслемампов. Он говорит, что в тот раз его скальпировали весьма серьезно. Он так испугался, когда Повелитель взмахнул ножом, что волосы у него стали дыбом и больше уже не опустились! Повелитель так и носит его скальп — совсем как щетку для чистки платья! А каких только «фокусов» с Джерри не приключалось! Вот бы мистеру Хоббсу рассказать!

В иные дни, когда погода была очень неприятной, и пассажирам приходилось сидеть внизу в кают-компании, кто-нибудь из взрослых убеждал Седрика поведать им о каком-нибудь «фокусе», приключившемся с Джерри, и он с таким упоением начинал рассказ, что не было, пожалуй, на всей шири Атлантики другого путешественника, столь любимого всеми, как маленький лорд Фаунтлерой. Он всегда готов был всех поразвлечь и позабавить и

делал это от души и с удивительной важностью, совершенно не подозревая, что в этом-то и заключается особое очарование.

— Джеррины истории всем интересны, — сообщил он матери. — Ты уж меня извини, Дорогая, но я бы сказал, что они не во всем абсолютно правдивы, если б это не с Джерри приключилось. Только это все с ним самим и было — странно, правда? Может, иногда он что-то забывает или ошибается немножко, потому что его часто скальпировали. Это очень память отшибает.

Лишь через одиннадцать дней после того, как Седрик попрощался со своим другом Диком, корабль прибыл в Ливерпуль; а на двенадцатый день вечером карета, в которой Седрик, его мать и мистер Хэвишем ехали со станции, остановилась у ворот Корт-Лоджа. Дом в темноте они не могли разглядеть. Седрик заметил только, что карета въехала в широкую аллею из огромных деревьев, кроны которых смыкались над головой; проехав немного по аллее, он увидел дверь, из которой падал яркий свет.

Мэри, прибывшая из Америки вместе с ними, чтобы ухаживать за своей госпожой, добралась сюда немного раньше их. Выпрыгнув из кареты, Седрик увидел в ярко освещенной передней несколько слуг; Мэри встретила их на пороге.

Лорд Фаунтлерой радостно бросился к ней.

— Ты уже здесь, Мэри? — закричал он. — Дорогая, гляди, а вот и Мэри!

И он поцеловал служанку в ее румяную шероховатую щеку.

— Я рада, что со мной Мэри, — сказала миссис Эррол тихо. — Это для меня такое утешение. Будто и не такое уж все чужое кругом.

Она протянула Мэри руку, и та крепко пожала ее. Она понимала, каким чужим казалось здесь все миссис Эррол, которой пришлось покинуть родные края и предстояло расстаться с сыном. Английские слуги с любопытством разглядывали мальчика и его мать. Всевозможные слухи ходили здесь о них обоих; слуги знали, как гневался старый граф на своего сына и почему миссис Эррол предстояло жить в Корт-Лодже, а ее маленькому сыну — в замке; знали они и об огромном состоянии, которое мальчику предстояло унаследовать, и о суровости его деда, его подагре и бешеном нраве.

— Нелегко ему придется, бедняжке, — говорили слуги между собой в ожидании приезда маленького лорда.

Но они ничего не знали о том, что за мальчик был Фаунтлерой; характер будущего графа Доринкорта был им совершенно неизвестен.

Маленький лорд стянул с себя пальтишко так, словно привык все делать сам, и принялся осматриваться. Он оглядел просторный холл, картины, олени рога и прочие интересные украшения. Они возбудили его любопытство — никогда раньше он не видел в частных домах таких вещей.

— Дорогая, — сказал он, — это очень красивый дом, правда? Я рад, что ты будешь здесь жить. Он довольно просторный.

По сравнению с их домиком на узкой улочке Нью-Йорка это был и вправду очень просторный, красивый и светлый дом. Мэри провела их наверх, в спальную, стены в которой были затянуты веселым ситцем в цветах, где в камине горел огонь, а перед камином на белом меховом ковре спала большая белоснежная кошка.

— Это домоправительница из замка вам ее прислала, сударыня, — объяснила Мэри. — У нее сердце доброе, и она для вас постаралась и все приготовила. Я с ней перекинулась словечком: она очень капитана любила, сударыня, и очень по нему горюет. Она мне так и сказала: вы кошку увидите на коврике перед камином, вам сразу и покажется, будто вы дома. Она капитана Эррола мальчонкой знала — до чего был собой пригож, говорит, а как подрос, так и того лучше — для всех-то у него доброе слово найдется, и для знатных, и для простых. А я ей и говорю: «Сыночек у него точь-в-точь как он, говорю, такого-то славного мальчика и свет не видывал».

Приведя себя в порядок, миссис Эррол и Седрик спустились в другую просторную

светлую комнату; потолок в ней был низкий, а мебель — тяжелая и резная, глубокие кресла с высокими массивными спинками, полки и замысловатые шкафчики с прелестными безделушками. Перед камином лежала огромная тигровая шкура, а по обе стороны от камина стояли кресла. Величественная белая кошка, с которой лорд Фаунтлерой играл наверху, спустилась следом за ним по лестнице, а когда он бросился на ковер, свернулась рядом в клубок, словно хотела с ним подружиться. Седрик так обрадовался, что положил голову рядом с ней на ковер и так и лежал, глядя ее и не обращая внимания на то, о чем беседуют миссис Эррол и мистер Хэвишем.

Они говорили тихо. Миссис Эррол казалась несколько бледной и взволнованной.

— Но ведь сегодня ему еще не надо ехать? — спрашивала она. — Сегодня он останется со мной?

— Да, — отвечал так же тихо мистер Хэвишем, — сегодня он ехать не должен. Как только мы пообедаем, я сам отправлюсь в замок и извещу графа о нашем прибытии.

Миссис Эррол взглянула на Седрика. Он лежал, свободно раскинувшись, на полосатой тигровой шкуре; отблески огня освещали его размянувшееся личико, кудри рассыпались по ковра; большая кошка сонно мурлыкала, прикрыв глаза; ей было приятно ласковое прикосновение его доброй ручки.

Миссис Эррол слабо улыбнулась.

— Граф и не подозревает о том, сколького он меня лишает, — печально промолвила она.

Она подняла глаза на адвоката и прибавила:

— Пожалуйста, передайте графу, что я не хотела бы брать у него деньги.

— Деньги! — воскликнул мистер Хэвишем. — Неужели вы хотите отказаться от содержания, которое он хочет вам назначить?

— Да, — подтвердила она просто. — Я предпочла бы, пожалуй, их не брать. Я вынуждена принять этот дом, и я благодарна графу за него, ибо это дает мне возможность находиться рядом с сыном. Но у меня есть немного собственных денег, их будет достаточно для того, чтобы жить совсем скромно, и я бы предпочла не брать того, что он предлагает: он так меня не любит, что подумает, будто я отдаю Седрика ему за деньги. Я отпускаю Седрика только потому, что я его люблю и готова забыть о себе для его блага; и еще потому, что его отец этого бы хотел.

Мистер Хэвишем потер подбородок.

— Это очень странно, — проговорил он. — Он разгневается. Он этого не поймет.

— Думаю, что поймет, когда подумает, — отвечала миссис Эррол. — Мне эти деньги и в самом деле не нужны; зачем же мне принимать их от человека, который так меня ненавидит, что отнимает у меня моего мальчика? А ведь это ребенок его собственного сына!

Мистер Хэвишем задумчиво посмотрел на нее.

— Я передам графу ваши слова, — сказал он наконец. Подали обед, и они сели за стол, а белая кошка устроилась на стуле рядом с Седриком и величественно мурлыкала, пока они ели.

Когда позже в этот же вечер мистер Хэвишем явился в замок, граф тотчас принял его. Граф сидел в удобном, роскошном кресле у камина, положив больную ногу на скамеечку. Он зорко глянул на адвоката из-под лохматых бровей; но мистер Хэвишем заметил, что, несмотря на кажущееся спокойствие, граф в глубине души был взволнован.

— А, мистер Хэвишем, — произнес он, — вернулись? Какие вести?

— Лорд Фаунтлерой и его матушка в Корт-Лодже, — отвечал мистер Хэвишем. — Оба неплохо перенесли путешествие и находятся в полном здравии.

Граф что-то нетерпеливо хмыкнул и нервно пошевелил пальцами.

— Рад это слышать, — бросил он отрывисто. — Что ж, неплохо. Располагайтесь поудобнее... Не хотите ли стакан вина? Что еще?

— Лорд Фаунтлерой сегодня переночует у матушки. Завтра я привезу его в замок.

Рука графа покоилась на подлокотнике; он поднял ладонь и прикрыл ею глаза.

— Ну, — сказал он, — продолжайте. Вы знаете, что я велел вам не писать мне об этом деле; я ничего о нем не знаю. Что он за мальчик? Мать меня не интересует, но он каков?

Мистер Хэвишем отпил портвейна, который сам себе налил, и сел, держа стакан в руке.

— Трудно судить о характере семилетнего ребенка, — осторожно заметил он.

Предубеждение графа было очень сильно. Он глянул на адвоката и сурово спросил:

— Дурак, да? Или просто неуклюжий балбес? Сказывается американская кровь, да?

— Я не думаю, что она ему повредила, милорд, — отвечал адвокат, как всегда, сдержанно и сухо. — Я в детях не очень разбираюсь, но мне он показался весьма примечательным мальчиком. Мистер Хэвишем всегда выражался сдержанно и бесстрастно, но на этот раз он говорил более холодно, чем обычно. Он решил, что будет гораздо лучше, если граф сам составит себе мнение о мальчике и что не надо его готовить к первой встрече.

— Здоров и хорошего роста? — спросил граф.

— Судя по всему, здоров и довольно хорошего роста, — сказал адвокат.

— Стройный и собой не плох? — допрашивал граф.

На тонких губах мистера Хэвишема промелькнула улыбка. Перед его глазами встала гостиная в Корт-Лодже — прелестный мальчик, вольно лежащий на тигровой шкуре, блестящие кудри, рассыпавшиеся по ковру, смышенное розовое детское личико.

— На мой взгляд, для мальчика совсем недурен, — отвечал адвокат, — хоть я, возможно, и не судья. Впрочем, вы, вероятно, найдете, что он весьма не похож на английских мальчиков.

— Не сомневаюсь, — отрезал граф, которого в эту минуту пронзила острая боль в ноге. — Дерзкие до крайности эти американские дети, довольно я о них наслышан.

— Я не сказал бы, что он дерзок, — проговорил мистер Хэвишем. — Мне трудно даже определить, в чем разница. Он больше жил со взрослыми, чем с детьми, и разница в том, что в нем сочетаются зрелость и детскость.

— Обычная американская наглость! — настаивал граф. — Я о ней довольно наслышан. Они называют это ранним развитием и свободой. Отвратительная наглость и невоспитанность — вот что это на деле! Мистер Хэвишем отпил еще портвейна. Он редко спорил со своим сиятельным патроном, особенно когда его сиятельного патрона мучила подагра. В такие дни разумнее было во всем с ним соглашаться. Наступило молчание. Мистер Хэвишем прервал его.

— У меня к вам поручение от миссис Эррол, — заметил он.

— Не желаю ничего слышать! — отрезал граф. — Чем меньше о ней будет сказано, тем лучше.

— Но это весьма важное поручение, — пояснил адвокат. — Она предпочла бы не брать содержания, которое вы намеревались выделить ей. Граф вздрогнул.

— Что вы сказали? — вскричал он. — Что это такое? Мистер Хэвишем повторил.

— Она говорит, что в этом нет необходимости, а так как отношения между вами далеко не дружеские...

— Не дружеские! — повторил с яростью граф. — Еще бы им быть дружескими! Я о ней даже думать не могу! Меркантильная, крикливая американка! Не желаю ее видеть!

— Милорд, — произнес мистер Хэвишем, — вряд ли ее можно назвать меркантильной. Она ни о чем не просит. И не принимает содержания, которое вы ей предлагаете.

— Только для видимости! — бросил граф резко. — Хочет заставить меня с ней увидеться. Думает, что я восхищусь ее решимостью! И не подумаю! Это всего лишь американская тяга к независимости! Я не позволю ей жить, словно нищенке, у самых ворот моего парка! Как мать моего внука она должна занимать соответствующее положение, и она его займет! Хочет она того или нет, но деньги она получит!

— Она не станет их тратить, — сказал мистер Хэвишем.

— А мне-то что! — вскричал граф. — Ей их вышлют. Она не посмеет никому сказать, что живет как нищенка, потому что я ничего для нее не сделал! Она хочет, чтобы мальчишка дурно обо мне думал! Она уже, верно, его против меня настроила!

— Нет, — возразил мистер Хэвишем. — У меня есть от нее и другое поручение, которое убедит вас в том, что это не так.

— Не желаю его слышать! — с трудом выговорил граф, задыхаясь от гнева, волнения и боли в ноге.

Но мистер Хэвишем продолжал:

— Она просит вас не говорить лорду Фаунтлерою ничего, что дало бы ему повод подумать, что вы настояли на его разлуке с матерью из предубеждения против нее. Мальчик очень привязан к ней, и она уверена, что это создало бы между вами преграду. Она говорит, что он этого не поймет и станет вас опасаться или охладет к вам. Ему она сказала, что он еще слишком мал, чтобы понять, в чем дело, но когда подрастет, то все узнает. Она хочет, чтобы ничто не омрачило вашу первую встречу.

Граф глубже уселся в кресло. Его глаза под нависшими бровями гневно сверкнули.

— Что? — проговорил он задыхаясь. — Что такое? Вы хотите сказать, что она ничего ему не сказала?

— Ни единого слова, милорд, — отвечал хладнокровно адвокат. — Смею вас в этом заверить. Мальчику объяснили, что вы чрезвычайно добрый и любящий дедушка. Не было сказано ничего, положительно ничего, что могло бы заставить его сомневаться в ваших достоинствах. А так как я, находясь в Нью-Йорке, в точности выполнил ваши указания, он несомненно считает вас чудом великодушия.

— Вот как? — спросил граф.

— Даю вам слово чести, — промолвил мистер Хэвишем, — что отношение лорда Фаунтлероя к вам будет зависеть только от вас. И если вы позволите мне дать вам совет, то я полагаю, что будет лучше, если вы остережетесь говорить пренебрежительно о его матери.

— Ну вот еще! — сказал граф. — Парнишке всего семь лет!

— Он провел эти семь лет с матерью, — отвечал мистер Хэвишем, — и любит ее всем сердцем.

Глава пятая В ЗАМКЕ

Уже смеркалось, когда в конце длинной аллеи, ведущей к замку, показалась карета, в которой сидели лорд Фаунтлерой и мистер Хэвишем. Граф распорядился, чтобы внук приехал прямо к обеду и чтобы он один вошел в комнату, где он намеревался его принять; трудно сказать, чем он руководствовался, отдавая такое приказание. Лорд Фаунтлерой сидел в карете, катившей по аллее, удобно облокотясь о роскошные подушки, и с интересом смотрел по сторонам. Все его занимало: карета с запряженными в нее крупными, породистыми лошадьми в сверкающей сбруе; статный кучер и выездной лакей в великолепных ливреях; и особенно — корона на дверцах кареты, и он заговорил с выездным лакеем, чтобы узнать, что она означает.

Когда карета подъехала к величественным воротам парка, он выглянул из окна, чтобы получше разглядеть громадных каменных львов, украшавших въезд. Ворота открыла румяная полная женщина, вышедшая из увитого плющом домика, стоявшего у ворот. Две девчушки выбежали за ней следом и остановились, глядя широко раскрытыми глазами на мальчика в карете, который в свою очередь смотрел на них. Женщина улыбнулась и сделала реверанс, и детишки, послушные ее знаку, смешно присели.

— Разве она меня знает? — спросил лорд Фаунтлерой. — Кажется, ей показалось, что она меня знает.

И он приподнял свой черный бархатный берет и улыбнулся ей.

— Добрый день! — произнес он приветливо. — Как поживаете? Женщине, казалось, его слова доставили удовольствие. Она улыбнулась еще шире, ее голубые глаза ласково засияли.

— Господь благослови вашу милость! — проговорила она. — Господь благослови ваше милое личико! Счастья вам и удачи! Добро пожаловать!

Лорд Фаунтлерой замахал беретом и снова кивнул ей, когда карета въехала в ворота.

— Мне эта женщина нравится, — сказал он. — Видно, что она любит мальчиков. Мне бы хотелось прийти сюда поиграть с ее детьми. Интересно, сколько их у нее? Хватит, чтобы играть в войну? Мистер Хэвишем не сказал Седрику, что вряд ли ему позволят играть с детьми привратницы. Адвокат подумал, что еще успеет сообщить ему об этом.

А карета меж тем все катилась по аллее из огромных величественных деревьев, смыкавших свои кроны высоко вверху. Никогда прежде не видел Седрик таких великолепных деревьев, так низко склонивших ветви с широких стволов. Он еще не знал, что Доринкорт был одним из самых красивых замков в Англии, а парк его — одним из самых обширных и прекрасных, и что деревья в нем почти не имели себе равных. Он только чувствовал, что все вокруг удивительно красиво. Ему нравились большие, развесистые деревья, пронизанные золотыми лучами вечернего солнца. С неизъяснимым радостным чувством смотрел он на мелькавшие в просветах аллеи дивные поляны с купами деревьев или горделиво высившимися одинокими великанами. Они ехали мимо лесных прогалин, заросших буйным папоротником, мимо лазоревых лужаек колокольчиков, волнующихся на ветру. Несколько раз Седрик вскакивал с радостным смехом, увидав, что из кустов выпрыгнул кролик и, взмахнув белым хвостиком, торопливо ускакал прочь. Выводок куропаток поднялся вдруг с шумом и улетел — Седрик от радости закричал и захлопал в ладоши.

— Здесь красиво, правда? — сказал он мистеру Хэвишему. — Такого красивого места я никогда не видал. Здесь даже лучше, чем в Центральном парке в Нью-Йорке.

Его удивило то, что они так долго едут.

— А далеко ли, — не выдержал он наконец, — далеко ли от ворот до парадной двери?

— Около четырех миль, — отвечал адвокат.

— Да, далековато для того, кто живет в доме, — заметил маленький лорд.

То и дело что-то привлекало внимание Седрика и восхищало его. Когда же он увидел лежавших и стоявших в высокой траве оленей с огромными рогами, которые с тревогой смотрели им вслед, восторгу его не было границ.

— Это к вам цирк приезжал? — спросил Седрик. — Или они всегда здесь живут? Чьи они?

— Они здесь живут, — сказал мистер Хэвишем. — Они принадлежат графу, вашему дедушке.

Немного спустя они увидели замок. Он возник перед ними, серый, величественный и прекрасный, с крепостными стенами, башнями и шпилями, заходящее солнце горело в его бесчисленных окнах. Стены его заросли плющом; вокруг раскинулись террасы, лужайки и клумбы с яркими цветами.

— Такой красоты я еще не видал! — воскликнул раскрасневшийся Седрик.

— Ну прямо королевский замок! Я как-то видел такую картинку в книжке со сказками.

Двери в огромный холл распахнулись, и он увидел множество слуг, стоявших в два ряда и смотревших на него. Зачем они здесь стоят, подумал он и залюбовался их ливреями. Он не знал, что они собрались, чтобы приветствовать мальчика, которому когда-нибудь будет принадлежать все это великолепие — прекрасный замок, похожий на королевский дворец из волшебной сказки, великолепный парк, большие старые деревья, поляны, заросшие папоротниками и колокольчиками, где резвились кролики и зайцы, а в траве лежали большеглазые пятнистые олени. Две недели назад он сидел, болтая ногами, на высоком табурете в лавке мистера Хоббса среди мешков с картофелем и банками с консервированными персиками. Разве он мог понять, что все это великолепие может иметь отношение к нему?

Во главе слуг стояла пожилая женщина в дорогом гладком платье из черного шелка; ее седые волосы прикрывал чепец. Она стояла ближе всех к двери, и Седрику показалось, что она хочет ему что-то сказать. Мистер Хэвишем, державший Седрика за руку, остановился.

— Это лорд Фаунтлерой, миссис Меллон, — представил он. — Лорд Фаунтлерой, это миссис Меллон, домоправительница.

Седрик протянул ей руку; глаза его засветились.

— Это вы прислали мне кошку? — спросил он. — Я очень признателен вам, сударыня.

Красивое лицо миссис Меллон расцвело от удовольствия, совсем как лицо жены привратника.

— Я его милость всюду узнала бы, — сказала она мистеру Хэвишему. — Он просто вылитый капитан и такой же обходительный! Ах, сэръ, наконецто мы дожили до этого дня!

Седрик не очень понимал, чем был замечателен этот день. Он с любопытством посмотрел на миссис Меллон. Ему показалось, будто в глазах у нее мелькнули слезы, и все же она не выглядела несчастной. Она улыбнулась Седрику.

— У кошки здесь осталось два прелестных котенка, — проговорила она. — Я пришлю их в детскую вашей милости.

Мистер Хэвишем что-то тихо спросил у нее.

— В библиотеке, сэръ, — отвечала миссис Меллон. — Его милость проведут туда одного.

Спустя несколько минут статный лакей в ливрее, сопровождавший Седрика, отворил дверь библиотеки и важно провозгласил:

— Лорд Фаунтлерой, милорд.

Хоть он и был простым слугой, он понимал, что наступил торжественный момент: наследник возвращается домой, где его ждут родовые поместья и прочие владения, и предстает перед старым графом, имения и титулы которого перейдут со временем к нему.

Седрик переступил порог. Это была великолепная просторная комната с тяжелой резной мебелью, с книжными полками от пола до потолка; мебель была такая темная, а портьеры такие тяжелые, окна с переплетами так глубоки, а расстояние от одного конца комнаты до другого так велико, что в наступивших сумерках все здесь выглядело довольно мрачно. На мгновение Седрику показалось, что в комнате никого нет, но тут он увидел, что перед широким камином, в котором горел огонь, стоит большое покойное кресло, а в нем сидит кто-то, поначалу даже не повернувший головы, чтобы взглянуть на него.

Впрочем, его появление не прошло незамеченным. На полу возле кресла лежал пес, огромный рыжевато-коричневый английский дог с могучими, словно у льва, лапами; неторопливо и величественно пес поднялся и двинулся тяжелым шагом к мальчику.

Тогда человек, сидевший в кресле, позвал:

— Дугал, назад!

Но сердцу маленького лорда Фаунтлероя страх был так же чужд, как и подозрительность, — он никогда не боялся. Не задумываясь, он положил руку на ошейник огромного пса, и они вместе двинулись вперед; по пути Дугал обнюхивал Седрика.

Только тут граф поднял голову. Седрик увидел высокого старика с лохматыми седыми бровями и волосами и большим носом, похожим на орлиный клюв, меж глубоко посаженными пронзительными глазами.

Граф же увидел стройную детскую фигурку в черном бархатном костюме с кружевным воротником и локонами, вьющимися вокруг красивого открытого лица с прямым и дружелюбным взглядом. Если замок походил на дворец из волшебной сказки, то надо признать, что маленький лорд Фаунтлерой, сам того не подозревая, весьма походил на крошечного, хотя и крепенького, сказочного принца. Сердце старого графа забилося радостным торжеством, когда он увидел, каким красивым, здоровым мальчиком был его внук и как смело глядел он, держа руку на ошейнике огромного пса. Старому аристократу было приятно, что мальчик не робел ни перед ним, ни перед огромным псом. Седрик посмотрел на него так же, как смотрел на женщину у ворот замка и на домоправительницу, и подошел к нему.

— Вы граф? — спросил он. — Я ваш внук — знаете, тот, кого мистер Хэвишем привез. Я лорд Фаунтлерой.

И он протянул руку, полагая, что даже когда имеешь дело с графами, следует проявлять вежливость и внимание.

— Надеюсь, вы здоровы, — произнес он от души. — Я очень рад вас видеть.

Граф пожал ему руку — глаза его при этом как-то странно заблестели; поначалу он так удивился, что не знал, что сказать. Он глядел из-под нависших бровей на этого изящного ребенка, внезапно представшего перед ним, глядел, ничего не упуская.

— Рад меня видеть? — переспросил он.

— Да, — отвечал лорд Фаунтлерой, — очень. Рядом стоял стул, и Седрик уселся на него; стул был довольно высокий, с высокой спинкой, и ноги у Седрика не доходили до полу, но он удобно устроился на нем и принялся внимательно и спокойно рассматривать своего знатного родственника.

— Я все время думал о том, какой вы, — сообщил маленький лорд. — Лежал на койке в своей каюте и думал, похожи вы на моего отца или нет.

— И что же, похож? — спросил граф.

— Я был совсем маленьким, когда он умер, — отвечал Седрик, — и я его плохо помню, но мне кажется, что не похожи.

— Ты, верно, разочарован? — заметил граф.

— О нет, — отвечал вежливо Седрик. — Конечно, хочется, чтобы кто-нибудь походил на твоего отца; но ведь приятно и на дедушку смотреть, даже если он на отца не похож. Вы же знаете, родственники нам всегда нравятся.

Не отводя глаз от мальчика, граф откинулся на спинку кресла. Вряд ли он знал о том, что родственники всегда нравятся. Большую часть своей жизни он провел в бурных ссорах с родственниками — выгонял их из дому и всячески поносил; а они все дружно его ненавидели.

— Своего дедушку любой бы мальчик стал любить, — продолжал лорд Фаунтлерой, — особенно такого доброго, как вы.

И снова глаза старого аристократа как-то странно блеснули.

— А! — сказал он. — Так, значит, я добрый?

— Да, — отвечал с улыбкой лорд Фаунтлерой, — и я так вам благодарен за Бриджит, Дика и торговку яблоками!

— Бриджит! — воскликнул граф. — Дик! Торговка яблоками!

— Да, — подтвердил Седрик, — ведь вы прислали мне для них деньги. Вы еще сказали мистеру Хэвишему, чтобы он их мне дал, если я захочу.

— Ха! — произнес милорд. — Вот оно что! Деньги, которые ты мог потратить как пожелаешь. Что же ты на них купил? Ну-ка, расскажи.

Он сдвинул брови и пристально взглянул на мальчика. В глубине души ему было интересно узнать, на что потратил их мальчик.

— Ах да, — сказал лорд Фаунтлерой, — возможно, вы не знали о Дике, торговке яблоками и Бриджит. Я забыл, что вы так далеко от них живете. Это мои друзья. И так как у Майкла была горячка...

— Кто такой Майкл? — спросил граф.

— Майкл — это муж Бриджит. У них дела шли неважно. Знаете, как бывает, когда мужчина болен и не может работать, а детей в семье двенадцать человек. Но только Майкл был всегда непьющий. И Бриджит к нам приходила и плакала. А в тот вечер, когда приехал мистер Хэвишем, она как раз сидела у нас на кухне и плакала, потому что у них нечего было есть и нечем платить за квартиру; и я пошел с ней поговорить, а мистер Хэвишем за мной прислал и сказал, что вы ему дали деньги для меня. Ну, я побежал на кухню и отдал их Бриджит; и все уладилось; а Бриджит все никак не могла поверить. Вот почему я так вам благодарен.

— А, — произнес граф своим низким, глухим голосом, — значит, вот что ты для самого себя сделал? Ну, а еще что?

Огромный пес устроился возле стула с высокой спинкой, на которой сидел Седрик. Он

то и дело поворачивал голову и смотрел на мальчика, словно беседа его занимала. Дугал был пес серьезный, он, верно, чувствовал, что слишком велик для того, чтобы легко относиться к жизни. Старый граф, хорошо знавший пса, с интересом наблюдал за ним. Дугал не имел обыкновения заводить необдуманные знакомства, и граф не без удивления следил за тем, как спокойно сидит Дугал возле мальчика, который гладил его маленькой ручкой. Внезапно огромный пес бросил пытливый взгляд на маленького лорда Фаунтлероя и осторожно положил свою большую, как у льва, голову на его колено.

Седрик ответил, не переставая гладить своего нового друга:

— Ну, еще был Дик. Вам бы он понравился, он такой правильный. Оказалось, что графу этот американизм незнаком.

— Правильный? Что это значит? — спросил он. На мгновение Седрик задумался. Он и сам не очень-то понимал, что значит это слово, но полагал, что оно должно означать что-то очень хорошее, потому что Дик часто его употреблял.

— По-моему, это значит, что он никого не обманет, — с жаром ответил Седрик, — не ударит мальчика, который меньше его, а сапоги чистит очень хорошо, так что они блестят, как зеркало. Он чистильщик сапог, это его профессия.

— И ты с ним знаком, да? — поинтересовался граф.

— Он мой старый друг, — отвечал его внук. — Не такой старый, как мистер Хоббс, но все же. Вот что он мне подарил на прощанье. Он сунул руку в карман, вытащил что-то красное, бережно сложенное в несколько раз, и любовно развернул. Это был красный шелковый платок с лошадиными мордами и огромными лиловыми подковами.

— Это мне Дик подарил, — произнес юный лорд с гордостью. — Я этот платок всю жизнь буду хранить. Его можно на шее носить, а можно в кармане. Дик его купил на первую выручку, которую он получил после того, как я у Джейка его дело откупил и подарил ему новые щетки. Это мне на память. А я мистери Хоббсу на память часы подарил с надписью: «Решив узнать, который час, меня вы вспомните тотчас». Когда я этот платок увижу, я буду всегда Дика вспоминать.

Трудно описать, что при этих словах почувствовал преподобный граф Доринкорт. Он столько всего повидал на своем веку, что смутить его было непросто; но тут он столкнулся с чем-то настолько неожиданным, что был просто ошеломлен. Детей он никогда особенно не жаловал, собственные удовольствия так занимали его, что у него на детей не оставалось времени. Сыновья, когда они были малы, его не интересовали, хотя порой он и вспоминал, что находил отца Седрика крепким и привлекательным малышом. Он был таким эгоистом, что не умел ценить в других доброго сердца и не знал, каким нежным, преданным и любящим может быть ребенок, и как невинны и просты его безотчетные великодушные порывы. Всякий мальчик казался ему весьма неприятным зверенышем, эгоистичным, жадным и неугомонным, если не держать его в строгом повиновении; два его старших сына доставляли своим воспитателям одни неприятности и беспокойство, а на младшего, как полагал граф, нареканий не было только потому, что он ни для кого не представлял интереса. Графу и в голову не приходило, что внука он должен любить; он послал за маленьким Седриком, ибо к тому его побуждала гордость. Если уж мальчику предстояло занять его место, граф не хотел, чтобы его имя сделалось посмешищем, перейдя к невежде и грубияну. Он твердо верил, что мальчик, воспитанный в Америке, должен быть смешон. Никаких нежных чувств к юнцу он не питал и только надеялся, что тот окажется недурен собой и неглуп; он так разочаровался в старших сыновьях и так гневался на капитана Эррола за то, что тот женился на американке, что ему и в голову не приходило, что из этого брака могло выйти что-то путное.

Когда лакей доложил о лорде Фаунтлерое, граф не сразу решился взглянуть на мальчика, опасаясь, что страхи его подтвердятся. Вот почему он и распорядился, чтобы мальчика прислали к нему одного. Он не мог вынести самой мысли о том, что кто-то станет свидетелем его разочарования. Гордое сердце графа дрогнуло от радости, когда Седрик вошел легким шагом в комнату, бесстрашно положив руку на шею огромного пса. Даже в

самые светлые минуты граф не надеялся, что у него окажется такой внук. Как он был красив и как смело держался! Неужели это тот мальчик, которого он так боялся увидеть и мать которого так ненавидел? От неожиданности неизменное хладнокровие изменило графу.

А потом между дедом и внуком завязался разговор, который, как ни странно, лишь усилил беспокойство и удивление старого графа. Он так привык к тому, что люди терялись и робели перед ним, что и от внука ждал того же. Но Седрик совсем его не боялся, так же как не боялся огромного пса. Это была не дерзость, а дружеское расположение и доверчивость — он и не подозревал, что должен робеть или смущаться. Граф не мог не заметить, что мальчик смотрит на него как на друга и говорит с ним, ни минуты не сомневаясь в его добром расположении. Очевидно, он и не думал о том, что этот высокий суровый старик может не любить его и не радоваться его приезду. Ясно было и то, что ему хотелось на свой ребяческий лад развлечь и заинтересовать деда. Старый граф был угрюмый, холодный и бессердечный человек, и все же в глубине души такое доверие его тронуло. В конце концов, разве не приятно было увидеть кого-то, кто не смотрел на него с недоверием, не сторонился его, не подозревал о дурных сторонах его характера, кто глядел на него ясными, доверчивыми глазами — пусть это был всего лишь маленький мальчик в черном бархатном костюме?

Старый граф откинулся на спинку своего кресла и продолжал выпрашивать мальчика, следя за ним со странным блеском в глазах. Лорд Фаунтлерой с охотой отвечал на все вопросы и, нимало не смущаясь, продолжал весело болтать. Он поведал графу историю Дика и Джерри, торговли яблоками и мистера Хоббса; он живописал собрания республиканской партии со всеми их знаменами, транспарантами, факелами и фейерверками. Так он дошел до Четвертого июля и Независимости и очень вдохновился, как вдруг вспомнил о чем-то и замолк.

— Что случилось? — спросил граф. — Почему ты не продолжаешь? Лорд Фаунтлерой смущенно заерзал. Граф видел, что его тревожит внезапно пришедшая ему в голову мысль.

— Просто я подумал, что, может, вам это неприятно, — отвечал Седрик. — Может, кто-то из ваших был там в это время. Я забыл, что вы англичанин.

— Можешь продолжать, — произнес милорд. — Никто из моих там не был. Ты забыл, что и ты англичанин.

— Ах, нет, — тотчас возразил Седрик. — Я американец!

— Ты англичанин, — повторил угрюмо граф. — Твой отец был англичанин. Такой поворот позабавил старого аристократа, но Седрику было не до шуток. Этого он не ожидал. Он покраснел до корней волос.

— Я родился в Америке, — возразил он. — А кто родится в Америке, тот американец. Простите, что я вам противоречу, — серьезно прибавил он, — только мистер Хоббс мне говорил, что если будет еще война, я должен... должен быть за американцев.

Граф усмехнулся — это была угрюмая усмешка, и все же она была не так уж далека от улыбки.

— Ах, вот как? — сказал он. Граф ненавидел Америку и все американское, но серьезность маленького патриота его позабавила. Он подумал, что из такого доброго американца может со временем выйти неплохой англичанин.

Впрочем, у них не было времени углубиться в историю Борьбы за независимость: лакей объявил, что кушать подано; к тому же лорд Фаунтлерой чувствовал, что возвращаться к этому предмету было бы неловко.

Седрик поднялся и подошел к креслу деда. Взглянув на его больную ногу, он вежливо предложил:

— Хотите, я вам помогу? Вы можете на меня опереться. Когда у мистера Хоббса болела нога — ее бочкой с картофелем отдавило, — он всегда на меня опирался.

Рослый лакей чуть не улыбнулся и не потерял своей репутации и места. Это был лакей-аристократ, он всегда служил лишь в самых знатных семьях и никогда не улыбался; он бы счел себя грубым простолудином, если бы позволил себе — каковы бы ни были

обстоятельства — такую несдержанность, как улыбка. Его спасло только то, что он принялся пристально изучать весьма отталкивающую картину, висевшую у графа над головой.

Граф смерил своего отважного юного родича взглядом.

— По-твоему, ты справишься? — спросил он сурово.

— Мне кажется, справлюсь, — ответил Седрик. — Я сильный. Мне ведь уже семь лет. Вы можете опереться с одной стороны на палку, а с другой — на меня. Дик говорит, что для моего возраста мускулы у меня очень даже ничего.

Он поднял к плечу руку и напряг ее, чтобы продемонстрировать графу мускулы, которые так великодушно одобрил Дик; при этом лицо у него было такое серьезное и сосредоточенное, что лакею пришлось снова обратить пристальное внимание на картину.

— Что ж, — согласился граф, — попробуй. Седрик подал графу палку и приготовился помочь ему встать. Обычно это делал лакей, а граф жестоко бранил его, когда его мучила подагра. Его сиятельство никогда не отличался сдержанностью, и рослые лакеи в великолепных ливреях, которые прислуживали ему, трепетали перед его взглядом.

Но в этот вечер граф не разразился проклятиями, хотя больная нога мучила его больше обычного. Он решился на опыт: медленно поднялся и положил руку на отважно подставленное ему плечо. Маленький лорд Фаунтлерой осторожно двинулся вперед, поглядывая на больную ногу.

— Опирайтесь на меня, — говорил он ободряюще. — Я буду идти очень медленно.

Если бы графа поддерживал лакей, он бы опирался больше на его плечо, а не на палку. И все же, помня о задуманном опыте, он весьма основательно налег на плечо внука. Тяжесть была немалая, и через несколько шагов кровь бросилась Седрику в лицо, а сердце заколотилось от напряжения, но он не сдавался, ободряя себя мыслью о своих мускулах и похвале Дика.

— Не бойтесь опереться на меня, — повторял он, задыхаясь. — Я ничего... если... если только это недалеко.

До столовой и вправду было недалеко, но путь этот Седрику показался очень длинным. Наконец они добрались до кресла во главе стола. Рука у Седрика на плече с каждым шагом казалась ему все тяжелее, лицо его все пуще разгоралось, а сердце бешено стучало в груди, но он и не думал сдаваться; собрав все свои силы, он шел, держа голову прямо и ободряя хромящего графа.

— Вам очень больно, когда вы на ногу ступаете? — спрашивал он. — А в горячей воде с горчицей вы ее парили? Мистер Хоббс парил. А еще, говорят, баранья трава очень помогает.

Огромный пес степенно шагал рядом, а рослый лакей замыкал шествие; странное выражение скользило по его лицу, когда он поглядывал на мальчика, с улыбкой делавшего невероятные усилия. И на лице графа раз тоже мелькнуло это выражение, когда он глянул искоса вниз на легкую фигурку Седрика и его покрасневшее лицо.

Войдя в столовую, Седрик увидел, что это огромная и великолепная комната и что лакей, стоящий за креслом во главе стола, пристально смотрит на них.

Наконец они добрались до кресла. Тяжелая рука поднялась с его плеча, и граф медленно уселся. Седрик вытащил подаренный Диком платок и утер лоб.

— Как жарко сегодня, не правда ли? — произнес он. — Возможно, вам камин нужен из-за... из-за вашей ноги, но мне почему-то жарковато. Деликатность не позволяла ему признать, что что-то в доме кажется ему излишним.

— Тебе пришлось как следует потрудиться, — заметил граф.

— Ах, нет, это было не так-то и трудно! — возразил маленький лорд. — Только я немного разогрелся. Летом это немудрено.

И он энергично вытер своим роскошным платком увлажнившиеся лоб и волосы. Кресло для него поставили в другом конце стола, напротив деда. Оно, видно, было рассчитано на более внушительную персону, чем Седрик. Вообще все, что он успел увидеть в замке — просторные комнаты с высокими потолками, массивная мебель, рослый лакей,

огромный пес, да и сам граф, — все это словно было рассчитано на то, чтобы он почувствовал себя совсем маленьким. Впрочем, это его не тревожило; он никогда не думал о себе, что он большой или важный, и готов был примириться с новой обстановкой, которая все же его несколько подавляла. Никогда, возможно, он не казался таким маленьким, как теперь, когда уселся в большое кресло в конце стола. Несмотря на то что граф жил один, порядок в доме был заведен весьма торжественный. Граф любил свои обеды и обедал всегда великолепно. Стол между ним и Седриком сверкал прекрасным хрусталем и фарфором, который казался ослепительным непривычному глазу. Посторонний наблюдатель, верно, улыбнулся бы при виде огромной столовой, высоких ливрейных лакеев, яркого освещения, блеска серебра и хрусталя — и сурового старика, восседающего во главе стола, с маленьким мальчиком напротив. Обед для графа всегда был делом серьезным; столь же серьезным делом был он и для повара, особенно если его милость были не в духе или не имели аппетита. Впрочем, сегодня аппетит у графа был несколько лучше, чем обычно, возможно потому, что мысли его были заняты и он не обращал особого внимания на то, насколько удалась закуска и соусы. Пищу для размышлений дал ему внук. Граф то и дело поглядывал на мальчика, сидящего в дальнем конце стола. Сам он в основном молчал, но ему удалось заставить мальчика разговориться. Он и не думал, что беседа с ребенком может так его развлечь: лорд Фаунтлерой забавлял его и одновременно ставил в тупик. Граф вспоминал, как тяжело он оперся о детское плечо, чтобы проверить твердость и выдержку мальчика; ему приятно было думать о том, что внук не заколебался и ни на миг не подумал об отступлении.

— Вы не все время носите графскую корону? — почтительно спросил лорд Фаунтлерой.

— Нет, — ответил граф с угрюмой усмешкой, — она мне не очень к лицу.

— Мистер Хоббс говорил, что вы ее носите всегда, — заметил Седрик. — Правда, потом он сказал, что, возможно, вы иногда ее снимаете, когда хотите надеть шляпу.

— Да, — согласился граф, — иногда я ее снимаю. Тут один из лакеев отвернулся и как-то странно закашлял, прикрыв лицо рукой.

Седрик первым кончил обед; откинувшись в кресле, он оглядел комнату.

— Вы должны гордиться своим домом, — сказал он. — Он такой красивый! Такого дома я никогда в жизни не видал. Правда, мне всего семь лет и опыт у меня небольшой.

— Ты считаешь, что мне следует им гордиться? — спросил граф.

— Конечно, — отвечал лорд Фаунтлерой, — всякий мог бы им гордиться. Будь это мой дом, я бы им очень гордился. Все в нем такое красивое. И парк, и деревья! Какие они красивые и как на них листья шелестят!

Тут он на миг замолк и с грустью глянул на деда.

— Только для двоих этот дом слишком велик, правда? — заметил он.

— Он достаточно просторен для двоих, — возразил граф. — А потвоему, он слишком просторен?

Седрик ответил не сразу.

— Я только подумал, — молвил он, — что если в нем живут два человека, которые не очень ладят между собой, им иногда может быть одиноко.

— А как ты думаешь, со мной тебе ладить будет легко? — спросил граф.

— Думаю, что да, — сказал Седрик. — Мы с мистером Хоббсом очень хорошо ладили. Он был моим лучшим другом — не считая, конечно, Дорогой.

Граф поднял брови.

— Кто это «Дорогая»?

— Моя мама, — тихо произнес лорд Фаунтлерой. Возможно, он немного устал, ведь час уже был поздний, или его утомили волнения этих последних дней, только он загрустил при мысли о том, что сегодня он не будет спать в своей кровати и любящие глаза его «лучшего друга» не будут смотреть на него. Они всегда были самыми «лучшими друзьями», этот мальчик и его мама. Он не мог не думать о ней, а чем больше он о ней думал, тем меньше ему хотелось говорить, и к тому времени, когда обед закончился, граф заметил, что

на лицо мальчика легла тень. Но Седрик держался мужественно, и, возвращаясь в библиотеку, граф уже не опирался так тяжело на плечо своего внука. Когда лакей, шагавший рядом, оставил их вдвоем, Седрик уселся вместе с Дугалом на ковер перед камином. Он молча гладил уши огромного пса и глядел в огонь.

А граф смотрел на него. Взгляд у мальчика был грустен и задумчив, и раза два он тихонько вздохнул. Граф все не двигался и не отводил взгляда от своего внука.

— Фаунтлерой, — произнес он наконец, — о чем ты думаешь? Фаунтлерой поднял глаза и постарался улыбнуться.

— Я думал о Дорогой, — отвечал он, — и... и... пожалуй, лучше мне встать и походить по комнате.

Он поднялся и, заложив руки в карманы, начал прохаживаться взад и вперед по комнате. Глаза у него блестели, а губы были плотно сжаты, но он высоко держал голову и шел твердо. Дугал потянулся и посмотрел на Седрика, а потом тоже встал, подошел к мальчику и принялся беспокойно ходить за ним следом. Фаунтлерой вынул руку из кармана и положил ее на голову пса.

— Это очень хороший пес, — сказал он. — Он мне друг. Он знает, что я чувствую.

— Что же ты чувствуешь? — спросил граф. Ему было не по себе при виде того, как мальчик борется с первым наплывом тоски по дому; впрочем, Седрик держался мужественно, и это было графу приятно.

— Подойди ко мне, — велел граф. Седрик подошел.

— Мне никогда раньше не приходилось покидать своего дома, — сказал мальчик с тревогой во взгляде. — Странное это чувство, когда знаешь, что будешь ночевать в незнакомом замке, а не у себя дома. Правда, Дорогая от меня недалеко. Она мне говорила, чтобы я об этом не забывал... Ведь мне уже семь лет... а потом я могу смотреть на ее портрет, который она мне подарила.

Он сунул руку в карман и вынул небольшой футляр, обтянутый фиолетовым бархатом.

— Вот, — сказал он. — Надо нажать на эту пружинку, футляр открывается — а там она!

Он подошел к креслу графа и нажал на пружину, доверчиво прислонясь к его руке, лежащей на подлокотнике.

— Вот она, — произнес он, когда футляр раскрылся, и с улыбкой поднял глаза на графа.

Граф нахмурился; он вовсе не желал смотреть на портрет, но все же невольно глянул — и увидел прелестное юное личико, до того похожее на ребенка, стоявшего рядом с ним, что он смешался.

— Ты, кажется, думаешь, что очень любишь ее? — спросил граф.

— Да, — отвечал, не таясь, лорд Фаунтлерой, — я так думаю и думаю, что так оно и есть. Знаете, мистер Хоббс был мне друг, и Дик, и Мэри, и Бриджит с Майклом тоже были мне друзья, но Дорогая мне близкий друг, — и мы всегда все-все друг другу говорим. Папа мне велел о ней заботиться, и когда я вырасту, я буду работать и приносить ей деньги.

— А чем ты думаешь заняться? — поинтересовался граф. Маленький лорд опустил на ковер и сел, не выпуская из руки портрета. Казалось, он всерьез размышляет, прежде чем ответить на вопрос.

— Я раньше думал войти в дело с мистером Хоббсом, — произнес он наконец. — Но мне бы очень хотелось стать президентом.

— Мы тебя пошлем в Палату лордов, — сказал граф.

— Что ж, — произнес лорд Фаунтлерой, — если б я не сумел стать президентом, а Палата — заведение солидное, я не буду возражать. Торговать бакалеей порой бывает скучновато.

Возможно, он принялся взвешивать в уме свои шансы, но только тут он замолк и уставился в огонь.

Граф больше не произнес ни слова. Он откинулся в кресле и молча смотрел на

мальчика. Странные мысли бродили в уме старого аристократа. Дугал растянулся перед камином и заснул, положив голову на свои тяжелые лапы. Воцарилось долгое молчание.

Спустя полчаса лакей распахнул дверь, и в библиотеку вошел мистер Хэвишем. В комнате царила тишина. Граф неподвижно сидел в кресле. Услышав шаги мистера Хэвишема, он обернулся и предостерегающе поднял руку — жест этот показался адвокату безотчетным, почти невольным. Дугал все еще спал, а рядом с огромным псом, положив кудрявую голову на руку, спал маленький лорд Фаунтлерой.

Глава шестая ГРАФ И ЕГО ВНУК

Когда на следующее утро лорд Фаунтлерой проснулся (он даже не открыл глаз, когда накануне его перенесли в постель), он услышал потрескивание дров в камине и тихие голоса. — Смотри, Доусон, ничего не говори ему об этом, — наставлял кто-то. — Он не знает, почему она не живет с ним вместе, и говорить ему об этом нельзя.

— Что ж, если милорд так распорядился, сударыня, — отвечал другой голос, — ничего, видно, не попишешь. Только если вы мне позволите сказать, сударыня, как есть между нами, слуги мы там или не слуги, а только это жестоко, вот что я вам скажу. Бедная вдова, такая красивая и такая молодая, и с собственной кровиночкой ее разлучили, а он такой красавчик и прирожденный джентльмен! Вчера вечером Джеймс и Томас, сударыня, на кухне говорили, что такого обращения, как у этого парнишки, они отродясь не видали. Да и другие господа из прислуги тоже говорят — уж до того приятный, и вежливый, и обходительный, ну, словно с лучшими своими друзьями за обедом сидит. А нрав-то просто ангельский, не то что у некоторых, уж вы меня простите, сударыня, порой так просто кровь в жилах леденеет, право слово! А личико-то, сударыня! Когда нас с Джеймсом в библиотеку позвали, чтоб его наверх отнести, Джеймс взял его на руки, а личико-то у него все покраснелось, головка у Джеймса на плече, а волосы, до того блестящие, до того кудрявые, разметались, ну просто картинка, и только! И я вам вот что скажу: милорд это тоже заметил, потому как посмотрел на него и говорит Джеймсу: «Смотри не разбуди его!» Седрик пошевелился и открыл глаза.

Он увидел в комнате двух женщин. Комната была веселая, светлая, отделанная воощеным ситцем в цветах. В камине горел огонь, а в оббитые плющом окна струилось солнце. Женщины подошли к нему; в одной из них он узнал миссис Меллон, другая была полная женщина средних лет с добрым, приветливым лицом.

— Доброе утро, милорд, — произнесла миссис Меллон. — Хорошо ли вы спали?

Седрик протер глаза и улыбнулся.

— Доброе утро, — сказал он. — Я и не знал, что я здесь.

— Вас перенесли наверх, когда вы заснули, — объяснила домоправительница. — Это ваша спальная, а это Доусон, она будет за вами ухаживать.

Фаунтлерой сел и протянул руку Доусон, как протягивал графу.

— Здравствуйте, сударыня, — произнес он. — Я очень благодарен вам за то, что вы пришли мне помочь.

— Вы можете звать ее Доусон, милорд, — сказала с улыбкой домоправительница. — Она привыкла, чтобы ее звали Доусон.

— Мисс Доусон или миссис Доусон? — осведомился лорд Фаунтлерой.

— Просто Доусон, — отвечала сама Доусон, так и сияя улыбкой. — Ни мисс и ни миссис, Господь с вами! Ну, а теперь вставайте, и Доусон вас оденет, а потом позавтракаете в детской, хорошо?

— Благодарю вас, — сказал лорд Фаунтлерой, — но я уже много лет как одеваюсь сам. Меня Дорогая научила. Дорогая — это моя мама. У нас только Мэри была, она и стирала, и всю работу делала, нельзя же было доставлять ей лишние хлопоты. Я сам могу ванну принять, я умею, только, пожалуйста, проверьте потом у меня за ушами. Доусон и домоправительница переглянулись.

— Доусон сделает все, о чем вы ее попросите, — сказала миссис Меллон.

— Все сделаю, Господь с вами! — подхватила с улыбкой Доусон. — Можете сами одеваться, если вам угодно, а я буду рядом стоять и, если что понадобится, тотчас помогу.

— Спасибо, — поблагодарил Фаунтлерой, — знаете, с пуговицами иногда бывают затруднения, и тогда я прошу кого-нибудь помочь. Доусон показалась ему очень доброй женщиной, и к тому времени, когда он оделся и принял ванну, они уже были друзьями. Он многое узнал о ней. Он узнал, что муж ее был солдатом и его убили в настоящем сражении, и что сын ее стал матросом и ушел в дальнее плавание, и что он повидал и пиратов, и людоедов, и китайцев, и турок, и что домой он привозил раковины странной формы и обломки кораллов, и Доусон может их хоть сейчас ему показать, они у нее в сундучке лежат. Все это было так интересно! Еще он узнал, что она всю жизнь за детьми ходила и теперь как раз приехала из одного знатного дома в другой части Англии, где у нее на попечении была прехорошенькая маленькая девочка, которую звали леди Гвинет Воэн.

— Она вашей милости какой-то родней приходится, — сообщила Доусон.

— Может статься, вы с ней и познакомитесь.

— Правда? — спросил Фаунтлерой. — Мне бы очень этого хотелось. У меня знакомых девочек не было, но я всегда любил на них смотреть.

Перейдя завтракать в другую комнату, которая оказалась очень просторной, и узнав от Доусон, что рядом с ней есть еще другая, которая также предназначается для него, Фаунтлерой снова почувствовал себя совсем маленьким и признался в этом Доусон, садясь завтракать за красиво убранный стол.

— Я слишком мал, — печально промолвил он, — чтобы жить в таком большом замке и иметь столько просторных комнат. Вы так не думаете?

— Полноте, — возразила Доусон, — просто вам с непривычки немного не по себе. Но это скоро пройдет, и вам здесь понравится. Ведь здесь так красиво!

— Конечно, красиво, — согласился Фаунтлерой со вздохом. — Мне бы здесь еще больше понравилось, если б со мной была Дорогая. По утрам мы всегда завтракали вместе, а ей клал сахар в чай, наливал сливки и тосты подавал. Это было так весело!

— Ну, ничего, — утешала его Доусон, — вы ведь каждый день будете с ней видеться. То-то будет рассказов! Вот уж пойдете и все здесь по смотрите — и собак, и конюшни, и лошадей. Там есть одна лошадка, которая вам очень понравится...

— Правда? — воскликнул Фаунтлерой. — Я очень люблю лошадей! И Джима я очень любил. Это у мистера Хоббса была такая лошадь, он на ней товар возил. Хорошая была лошадь, только с норовом.

— Подождите, — сказала Доусон, — пока не увидите, что там на конюшне есть. Стойте-ка, да вы еще и в соседнюю комнату не заглянули!

— А что там? — спросил Фаунтлерой.

— Позавтракаете, тогда и увидите, — отвечала Доусон. Побуждаемый любопытством, Седрик быстро принялся за завтрак. Должно быть, в соседней комнате было что-то очень интересное — вид у Доусон был такой важный и такой загадочный.

— Ну, вот и все! — воскликнул он через несколько минут, соскользнув со стула. — Я кончил. Можно мне теперь посмотреть?

Доусон кивнула и отворила дверь, приняв еще более важный и загадочный вид. Любопытство Седрика достигло предела.

Переступив порог, он остановился и в изумлении огляделся. Он не произнес ни слова и только молча озирался, сунув руки в карманы и покраснев до корней волос.

Он был поражен и взволнован до крайности. И правда, было чему поразиться! Эта комната была такой же просторной и такой же красивой, как и все остальные, хотя и выглядела несколько иначе. Мебель в ней не была такой старинной и массивной, как в комнатах внизу; стены, ковры и портьеры были светлее, вдоль стен шли полки, уставленные книгами, а на столах громоздились игрушки — красивые, хитроумные игрушки, на которые он, бывало, заглядывался в витринах нью-йоркских магазинов.

— Это, кажется, комната для мальчика, — произнес он наконец не совсем твердым

голосом. — Чьи же это игрушки?

— Подойдите и рассмотрите их, — отвечала Доусон. — Они ваши!

— Мои?! — воскликнул Седрик. — Мои! Как же так? Кто мне их подарил? И он подбежал к столу, радостно смеясь. Он почти не верил собственным глазам.

— Это бабушка! — вскричал он с сияющими глазами. — Я знаю, это бабушка!

— Да, это его милость, — сказала Доусон. — И если вы будете паинькой и не станете грустить, а будете веселы и спокойны, он вам подарит все, что вы ни пожелаете!

Утро прошло замечательно. Столько всего надо было разглядеть, столько всего испытать! Каждая новинка так занимала Седрика, что он едва мог от нее оторваться. Странно ему было слышать, что все это предназначалось ему одному: он еще был в Нью-Йорке, а сюда из Лондона уже приехали люди приготовить ему комнаты и выбрать самые интересные для него игрушки.

— Нет, вы когда-нибудь видели такого доброго бабушку? — спросил Фаунтлерой у Доусон.

Доусон посмотрела на него с сомнением. Его сиятельство не вызывал в ней особого уважения. Она служила в этом доме всего несколько дней, но уже наслышалась в людской разговоров о старом графе.

— Уж в каких я только домах не служил, — говорил самый высокий лакей, — и каких я только сердитых и злобных стариков не повидал, но такого бешеного не встречал!

А другой лакей, по имени Томас, рассказывал в кухне, как граф наставлял мистера Хэвишема перед приездом внука. «Разрешите ему делать все, что он ни пожелает, завалите его комнату игрушками, — говорил граф, — всячески развлекайте его — и он скоро забудет о матери. Развлекайте его, отвлекайте его, и все будет хорошо! Вы же знаете мальчиков!» Таков был план, задуманный добрым бабушкой. Однако графа ждало разочарование: ему предстояло убедиться, что внук его совсем не таков, как он думал.

Граф дурно спал ночь и все утро не выходил из своей комнаты; но в полдень, позавтракав, он послал за мальчиком.

Фаунтлерой не заставил себя ждать. Он вприпрыжку сбежал по широкой лестнице, пронесся по холлу, распахнул дверь и шагнул в комнату. Щеки у него покраснелись, глаза сияли.

— Я ждал, когда вы пришлете за мной, — сказал он. — Я уже давно был готов. Я так вам благодарен за подарки! Я так вам благодарен! Я все утро с ними играл.

— А-а, — произнес граф, — так они тебе понравились?

— Очень! Я даже сказать вам не могу, как они мне понравились! — отвечал, весь сияя, Фаунтлерой. — Там есть одна игра, похожа на бейсбол, только в нее играют на доске черными и белыми фишками, а счет ведут на таких маленьких счетах. Я пробовал Доусон научить, но она сперва не очень-то понимала, она ведь женщина и в бейсбол никогда не играла. Боюсь, я не сумел ей все как надо объяснить. Но вы-то знаете эту игру, правда?

— Боюсь, что нет, — проговорил граф. — Это ведь американская игра? Она похожа на крикет?

— Я никогда не видел, как играют в крикет, — признался Фаунтлерой, — но мистер Хоббс несколько раз брал меня на бейсбол. Вот это игра! Все так болеют! Хотите, я принесу вам эту игру и покажу, как в нее играть? Может быть, она вас заинтересует и вы забудете про свою ногу? Очень она у вас сегодня болит?

— Да, радости от нее мало, — отвечал граф.

— Тогда, пожалуй, игра вас не отвлечет, — тревожно заметил мальчик. — Может, она вам будет совсем ни к чему... А как вы сами думаете, отвлечет она вас или нет?

— Ступай, принеси игру, — сказал граф.

Непривычное это было для графа дело — беседовать с мальчиком, который предлагал обучить его играм! Впрочем, новизна ситуации забавляла старика. Едва заметная улыбка играла на губах графа, когда Седрик вернулся с выражением живейшего интереса на лице. В руках он нес коробку с игрой.

— Можно, я пододвину столик к вашему креслу? — спросил он.

— Позвони, — отвечал граф, — и Томас тебе его переставит.

— О, я могу это сделать сам, — возразил Фаунтлерой, — он не очень тяжелый.

— Что ж, — согласился граф. Улыбка чуть заметнее проступила на его лице, пока он следил, с каким пылом Седрик принялся за дело. Он подтащил столик к креслу, вынул из коробки игру и разложил ее на столе.

— Сейчас мы начнем — и вам будет очень интересно, — говорил Фаунтлерой. — Вот видите, черные фишки будут ваши, а белые — мои. Это игроки: когда они обегут все поле, это считается один «круг», вот это «аут», положение вне игры, а это первая «база», это вторая и третья, а вот это «дом». Он с жаром все объяснял и показывал, что делает на поле каждый из игроков, после чего изобразил, как был перехвачен чрезвычайно трудный мяч в тот знаменательный день, когда он смотрел игру в обществе мистера Хоббса. Весело было смотреть на его крепкую ловкую фигурку, живые движения и беззаботное веселье.

Когда же наконец с объяснениями было покончено и они начали играть, графу все было не скучно. Его юный партнер с головой ушел в игру — он играл азартно и от души смеялся, когда «удар» ему удавался; впрочем, он так же радовался и удаче противника, особенно если игра шла вокруг «дома», так что играть с ним было одно удовольствие!

Если бы неделю назад кто-то сказал графу Доринкорт, что в это утро он забудет и о подагре и о дурном расположении духа, состязаясь с кудрявым мальчиком в игре черными и белыми фишками на ярко раскрашенной доске, он бы несомненно ответил резкостью. И все же так оно безусловно и было, потому что он очень удивился, когда дверь отворилась и Томас доложил посетителе. Посетитель, пожилой господин в черном, был не кто иной, как приходский священник; открывшаяся ему удивительная сцена настолько его поразила, что он чуть не отступил назад, рискуя столкнуться с Томасом.

Достопочтенного мистера Мордонта всегда охватывала тоска, когда приходило время посетить его благородного патрона, обитавшего в замке. Его благородный патрон обычно делал все, что мог, чтобы эти визиты не доставляли священнику ни одной приятной минуты. Граф ненавидел церковь и благотворительность и приходил в ярость, когда узнавал, что кто-то из фермеров, живущих на его землях, осмеливался быть бедным, болеть и нуждаться в помощи. Если подагра особенно ему досаждала, он не колеблясь заявлял, что не желает, чтобы его беспокоили рассказами об их несчастьях; когда же боли стихали и он становился несколько терпимее, он порой давал священнику денег, но не иначе как наговорив ему при этом всяких грубостей и выбравив весь приход за леность и глупость. Впрочем, каково бы ни было настроение графа, он никогда не обходился без едких и оскорбительных речей, так что достопочтенный мистер Мордонт нередко жалел, что, будучи христианином, не может швырнуть в него чем-то тяжелым. За все те годы, что мистер Мордонт был священником в Доринкортском приходе, он не мог припомнить ни одного случая, когда граф помог кому-либо по собственному побуждению или позаботился о ком-то, кроме себя самого. Сегодня мистер Мордонт пришел для того, чтобы поговорить с графом о неотложном деле, и, идя к дому по аллее, он думал о том, что визит этот обещает быть особенно неприятным. Во-первых, он знал, что его сиятельство вот уже несколько дней мучает подагра, а потому он находится в таком отвратительном настроении, что слухи об этом дошли до деревни: одна молоденькая служанка рассказала об этом своей сестре, которая честно зарабатывала себе на пропитание, держа лавочку, где можно было купить нитки, иголки и леденцы, а также услышать последние новости. Миссис Диббл знала все о замке и его обитателях, о фермах и их обитателях и еще о деревне и ее жителях, а чего она не знала, то и знать-то было неинтересно. О замке ей было известно все до мельчайших подробностей, потому что ее сестра Джейн Шортс служила горничной в замке и находилась в близкой дружбе с Томасом.

— Его милость до того гневается, — говорила миссис Диббл, облокотясь о прилавок, — до того бранится, что мистер Томас сам нашей Джейн сказал: этого ни одна душа выдержать не может. Третьего дня он в самого мистера Томаса швырнул тарелку с тостами, и не будь в замке такое приятное общество в людской и все прочее, — мистер

Томас там ни одного бы часа не остался!

Священнику все это было известно — на фермах любили посудачить о графе, этой черной овце в приходском стаде, и каждой доброй прихожанке приятно было поговорить о его грубом нраве, когда к ней приходили гости попить чайку.

А вторая причина для беспокойства священника была еще неприятнее, потому что она возникла недавно и все ее обсуждали с живейшим интересом.

Кто в приходе не знал, в какую ярость пришел старый аристократ, когда его сын женился на американке? Кто не знал о том, как сурово обошелся он с капитаном и как красивый, стройный, веселый юноша, единственный изо всей этой знатной семьи, кто пользовался любовью окружающих, скончался вдали от родного края в бедности и отчуждении? Кто не знал о том, с каким неистовством старый граф ненавидел несчастную молодую женщину, на которой женился его сын, как не желал даже думать о внуке и отказывался видеть его — до тех пор, пока два его старших сына не умерли, не оставив ему наследника? Кто не знал, что он ждал приезда внука без всякой радости и заранее решил, что тот окажется дерзким невеждой и грубияном, как все американцы, и не только не сделает чести его имени, но скорее всего опозорит его?

В своей угрюмой гордыне граф полагал, что его мысли никому не известны. Он думал, что никто не посмеет догадаться о его чувствах и опасениях и, уж конечно, не станет говорить о них; но слуги пристально за ним следили, читая его лицо, как книгу, а потом обсуждали в людской приступы его гнева и сплина. Граф полагал, что люди ничего о нем не знают, — а Томас меж тем говорил Джейн, кухарке и дворецкому, а также горничным и лакеям: «Сдается мне, что старик страшно ярится из-за капитанского сынка, боится, как бы тот его не опозорил. Вот бы и хорошо! — прибавлял при этом Томас, — сам виноват! Чего ж еще ждать от мальчонки, если он в бедности рос в этой поганой Америке?»

Шагая по величественной аллее, ведущей к дому, достопочтенный мистер Мордонт размышлял о том, что мальчик, вызвавший столько опасений, только накануне прибыл в замок, и что скорее всего опасения старого графа подтвердились, а уж если бедняжка разочаровал своего деда, граф наверняка гневается и готов выместить свою ярость на первом же посетителе, и что скорее всего этим посетителем окажется он сам. Судите же сами, каково было удивление мистера Мордонта, когда Томас распахнул перед ним дверь библиотеки и до его ушей донесся радостный детский смех.

— Эти двое выходят из игры! — звонко кричал детский голос. — Двое выходят!

Мистер Мордонт увидел графа, сидящего в кресле, положив на скамеечку большую ногу, возле него стоял столик с какой-то игрой, а рядом, прислонясь к руке и здоровому колену графа, стоял мальчик с покрасневшим лицом и горящими глазами.

— Второй аут! — говорил он. — Вам не повезло на этот раз, правда? Тут только оба заметили, что в комнату кто-то вошел.

Граф оглянулся, нахмутив, как всегда, свои лохматые брови; впрочем, узнав посетителя, он встретил его против обыкновения приветливо. Казалось, на мгновение он забыл о своем дурном нраве и о том, каким неприятным человеком он при желании бывал.

— А-а, это вы, — произнес он, как всегда, отрывисто, — доброе утро, Мордонт. — И он любезно протянул священнику руку. — Как видите, я нашел себе новое занятие.

Другую руку он положил Седрику на плечо — возможно, в глубине души у него шевельнулось чувство удовлетворения и гордости оттого, что он может представить такого наследника; в глазах его мелькнуло удовольствие, когда он слегка выдвинул мальчика вперед.

— Это новый лорд Фаунтлерой, — проговорил он. — Фаунтлерой, это мистер Мордонт, приходский священник.

Фаунтлерой взглянул на человека в пасторском наряде и подал ему руку.

— Очень рад познакомиться с вами, сэръ, — сказал он, вспомнив слова, которыми приветствовал новых покупателей мистер Хоббс. Седрик твердо знал, что с духовными лицами надо быть особенно учтивым. Мистер Мордонт на миг задержал маленькую ручку в

своей и с безотчетной улыбкой взгляделся в лицо мальчика. Седрик ему, как, впрочем, и всем другим, с первого же взгляда понравился. Больше всего поразили священника не красота и не изящество Седрика, а искренность и добросердечность, освещавшие все, что бы он ни говорил. Глядя на мальчика, пастор совсем забыл о графе. Ничто на свете не сравнится с добрым сердцем; казалось, самая атмосфера этой мрачной комнаты очистилась и просветлела под воздействием доброго сердца, хоть это и было лишь сердце ребенка.

— Мне очень приятно с вами познакомиться, лорд Фаунтлерой, — произнес священник. — Чтобы приехать к нам, вы совершили дальний путь. Многие порадуются, узнав, что этот путь благополучно завершен.

— Да, дорога была длинная, — согласился Фаунтлерой, — но со мной была Дорогая — это моя мама, и мне не было грустно. Разве можно грустить, когда мама с тобой? Да и корабль был такой красивый!

— Садитесь, Мордонт, — сказал граф.

Мистер Мордонт уселся и перевел взгляд с Фаунтлероя на графа.

— Ваше сиятельство можно от души поздравить, — произнес он сердечно.

— Он похож на своего отца, — угрюмо отвечал граф. — Будем надеяться, что поведет он себя достойнее.

И тут же прибавил:

— Что привело вас ко мне сегодня, Мордонт? У кого там стряслась беда?

Начало было не так уж плохо, и все же мистер Мордонт ответил не сразу.

— У Хиггинса, — сказал он наконец, — у Хиггинса, который живет на Крайней ферме. Дела у него плохи. Сам он всю прошлую осень прохворал, а потом дети заболели скарлатиной. Не могу сказать, что он очень хороший хозяин, но ему не повезло, и он не может управиться в срок. Теперь он запаздывает с арендной платой. Невик ему говорит, если сейчас не заплатит, то пусть с фермы уходит, а это для него было бы очень плохо. Жена его больна, он пришел ко мне вчера вечером молить о встрече с вами — чтобы выпросить отсрочку. Он думает, что если вы немного подождете, он сумеет встать на ноги.

— Все они так думают, — произнес граф, мрачно сдвинув брови. Фаунтлерой шагнул вперед. Он стоял между графом и посетителем, внимательно слушая разговор. Хиггинс его очень заинтересовал. Ему хотелось спросить, сколько у Хиггинса детей и тяжело ли проходила у них скарлатина. Он смотрел на мистера Мордонта широко открытыми глазами и с нескрываемым интересом следил за каждым его словом.

— Хиггинс — человек старательный, — добавил священник в поддержку своего ходатайства.

— Но арендатор он плохой, — отвечал граф. — Невик говорит, что он вечно опаздывает.

— Положение у него сейчас отчаянное, — сказал пастор. — Он своих детишек и жену очень любит, а если забрать у него ферму, они будут буквально голодать. Он их и так не может кормить как надо. После скарлатины двое детей очень ослабли, и врач прописал им вино и питательную еду, на которую у Хиггинса нет средств.

Тут Фаунтлерой сделал еще один шаг вперед.

— Вот и с Майклом то же самое было, — произнес он. Граф встрепенулся.

— Про тебя-то я и забыл! — воскликнул он. — Я забыл, что у нас появился филантроп. Кто это Майкл?

И снова у него в глазах заиграло странное оживление.

— Это муж Бриджит, он заболел лихорадкой и не мог ни за квартиру заплатить, ни еды и вина купить. А вы мне дали денег, чтобы ему помочь.

Граф как-то странно нахмурил брови, впрочем, вид у него был совсем не угрюмый.

— Какой из него выйдет помещик, не знаю, — произнес он, взглянув на мистера Мордонта. — Я Хэвишему сказал, чтобы он мальчику дал, что он захочет, но он, судя по всему, попросил лишь денег, чтобы раздать их нищим.

— Ах, нет, они не нищие, — горячо возразил лорд Фаунтлерой. — Майкл был

превосходный каменщик! Они все работали!

— Да-да, — подхватил граф, — они были не нищие, а превосходные каменщики, чистильщики сапог и торговки яблоками.

Несколько секунд он молча смотрел на мальчика. В голову ему пришла одна мысль, и хоть ее вызвали не самые добрые побуждения, все же мысль эта была недурна.

— Подойди ко мне, — промолвил он наконец. Фаунтлерой приблизился, стараясь не задеть больную ногу графа.

— А что бы ты сделал в этом случае? — спросил граф. Надо признаться, что мистера Мордонта на миг охватило странное чувство. Он много лет прожил в Доринкорте и принимал дела прихожан близко к сердцу; он знал всех богатых и бедных арендаторов, знал всех крестьян, не только честных и работающих, но и ленивых и нечестных. Он хорошо понимал, что этот мальчик с широко раскрытыми глазами, который стоял возле графа, сунув руки в карманы, получит в будущем огромную власть творить добро и зло. Он понимал также, что из-за прихоти гордого и себялюбивого старика мальчик может получить эту власть сейчас же и что, если он не обладает добротой и великодушием, это может плохо обернуться не только для других, но и для него самого.

— Так что бы ты сделал в таком случае? — повторил граф. Фаунтлерой придвинулся к нему еще ближе и доверчиво положил ему руку на колено.

— Если б я был очень богатый, — сказал он, — и не был бы такой маленький, я бы позволил ему остаться на ферме и послал бы его детям всего, что им надо. Но, конечно, я еще маленький... Он замолчал; однако спустя мгновение лицо его просветлело.

— Вы ведь все, что угодно, можете сделать, правда? — спросил он.

— Гм, — пробормотал старый граф, глядя на мальчика. — Ты так полагаешь?

Казалось, впрочем, что вопрос не был ему неприятен.

— Я просто хочу сказать, что вы можете любому дать все, что захотите, — пояснил Фаунтлерой. — А кто это Невик?

— Это мой управляющий, — отвечал граф, — и некоторые арендаторы не очень-то его любят.

— Вы ему сейчас напишете? — спросил Фаунтлерой. — Принести вам перо и чернил? Я могу снять со стола игру.

Он, видно, ни минуты не сомневался в том, что граф не позволит Невику привести жестокий план в исполнение.

Граф помолчал, все не сводя с мальчика глаз.

— Ты писать умеешь? — спросил он.

— Да, — произнес Седрик, — только не очень хорошо.

— Убери со стола и принеси с моего бюро чернила, перо и бумагу. Мистер Мордонт слушал этот разговор со все возрастающим интересом. Фаунтлерой проворно исполнил все, что велел ему граф. Не прошло и минуты, как большая чернильница, перо и лист бумаги оказались на столе.

— Ну вот, — весело проговорил он, — теперь вы можете писать.

— Писать будешь ты, — отвечал граф.

— Я! — воскликнул Фаунтлерой, покраснев до корней волос. — Я иногда делаю ошибки, если у меня нет под рукой словаря и никто мне не помогает. И потом, разве моего письма будет достаточно?

— Вполне достаточно, — отрезал граф. — Хиггинс на ошибки жаловаться не будет. Ты ведь у нас филантроп, а не я. Ну же, начинай. Фаунтлерой взял перо, обмакнул его в чернила и устроился поудобнее, облокотясь о стол.

— Я готов, — сказал он. — Что же мне писать?

— Пиши: «Оставьте пока Хиггинса в покое» — и подпишись «Фаунтлерой», — проговорил граф.

Фаунтлерой снова обмакнул перо в чернила и начал писать. Дело это было для него нелегкое, но он отнесся к нему очень серьезно. Прошло какое-то время, прежде чем письмо

было готово; Фаунтлерой подал его графу с улыбкой, в которой был замечен оттенок беспокойства.

— Как по-вашему, этого хватит?

Граф взглянул на письмо, углы его рта слегка дрогнули.

— Да, — отвечал он, — Хиггинс будет вполне доволен. И он передал письмо мистеру Мордонту. В письме было написано: «Дарагой мистер Невик пажалста астафьте пака мистера Хиггинса в пакои чем весьма обяжете уважающива вас Фаунтлероя».

— Мистер Хоббс всегда так подписывался, — пояснил Фаунтлерой. — И я подумал, что лучше будет прибавить «пажалста». А правильно я «пажалста» написал?

— В словарях его пишут несколько иначе, — заметил граф.

— Так я и знал! — воскликнул Фаунтлерой. — Надо было вас спросить. Если слово длинное, всегда надо проверять его в словаре. Так оно вернее. Я лучше перепишу письмо.

И он переписал письмо набело, предварительно выяснив у графа, как пишутся трудные слова.

— Странная вещь правописание, — заметил он. — Очень часто пишут совсем не так, как произносят. Я-то думал, что «пажалста» так и надо писать, а оказывается, оно совсем по-другому пишется. А «дорогой», если не знать, хотелось бы написать «дарагой», да? Просто руки иногда от этого правописания опускаются!

Уходя, мистер Мордонт унес письмо с собой. Кроме письма он унес с собой и еще что-то — чувство надежды и благодарности, какой прежде он никогда не уносил из замка Доринкорт.

Проводив его до двери, Фаунтлерой вернулся к деду.

— Можно мне теперь пойти к Дорогой? — спросил он. — Она меня ждет.

Граф помолчал.

— Прежде зайди на конюшню, — сказал он. — Там для тебя есть кое-что. Позвони.

— Спасибо, — быстро произнес Фаунтлерой, слегка покраснев, — но если вы позволите, я лучше завтра туда пойду. Дорогая с самого утра меня ждет.

— Что ж, — отвечал граф. — Я прикажу заложить карету. И сухо прибавил:

— Это пони. У Фаунтлероя перехватило дыхание.

— Пони! — повторил он. — Чей пони?

— Твой, — отвечал граф.

— Мой? — вскричал мальчик. — Мой? Как все эти игрушки наверху?

— Да, — сказал граф. — Хочешь на него взглянуть? Я прикажу его вывести.

Краска залила лицо Фаунтлероя.

— Я никогда и не мечтал, что у меня будет пони! — воскликнул он. — Я никогда об этом даже не мечтал! Как Дорогая обрадуется! Вы мне все-все дарите!

— Хочешь взглянуть на него? — повторил граф. Фаунтлерой глубоко вздохнул.

— Да, я хочу на него посмотреть, — отвечал он. — Прямо сказать вам не могу, как мне этого хочется. Только боюсь, я не успею...

— Ты непременно хочешь ехать к матери сегодня? — спросил граф. — Разве нельзя отложить поездку?

— Нет, — сказал Фаунтлерой, — ведь она все утро обо мне думала, а я о ней.

— Ах, вот как, — произнес граф. — Что ж, позвони.

Карета мягко катила по аллее под высокими сводами деревьев. Граф молчал, но Фаунтлерой говорил, не смолкая, и все о пони. Какого он цвета? А он большой? Как его зовут? Что он ест? Сколько ему лет? А можно завтра встать пораньше, чтобы посмотреть на него?

— Вот Дорогая обрадуется! — повторял он. — Она будет вам так благодарна за вашу доброту ко мне! Она ведь знает, что я всегда пони любил, только мы никогда не думали, что у меня будет свой пони. На Пятой авеню жил один мальчик, так у него был пони, он на нем каждое утро ездил, а мы всегда, когда гуляли, мимо его дома проходили, чтобы на пони взглянуть.

Он откинулся на подушки и несколько минут сосредоточенно рассматривал графа.

— По-моему, вы самый добрый человек на свете, — наконец убежденно произнес он. — Вы всегда делаете добро, правда? И думаете о других. Дорогая говорит, что это и есть настоящая доброта — когда думаешь не о себе, а о других. А вы ведь так и поступаете, правда? Его сиятельство так поразился, услышав этот лестный отзыв, что положительно не знал, что сказать. Он чувствовал, что ему надо собраться мыслями. Его крайне удивило то, что этот доверчивый ребенок видит лишь доброту и великодушие во всех его неприглядных поступках. А Фаунтлерой продолжал, восторженно глядя на него большими, ясными, невинными глазами.

— Вы стольких людей осчастливили, — говорил он. — Майкла с Бриджит и их детей, а потом торговку яблоками, и Дика, и мистера Хоббса, а еще мистера Хиггинса и миссис Хиггинс с детьми, и мистера Мордонта — он так обрадовался! — и Дорогую, и меня... Ведь вы мне пони подарили и еще всего сколько! Знаете, я считал на пальцах и в уме, и у меня получилось двадцать семь человек! Вот сколько людей вы осчастливили! Это так много — двадцать семь человек!

— И это я, по-твоему, их осчастливил? — спросил граф.

— Конечно, вы же сами знаете, — подтвердил Фаунтлерой. — Вы всех их сделали счастливыми. Знаете, — продолжал он нерешительно, — люди иногда ошибаются насчет графов, если они с ними не знакомы. Вот мистер Хоббс тоже ошибался. Я ему об этом напишу.

— Что же мистер Хоббс думал о графах? — поинтересовался старый аристократ.

— Видите ли, — отвечал его юный собеседник, — дело в том, что он ни одного графа не встречал и только читал о них в книгах. Он думал — только вы не обращайтесь внимания! — что все графы ужасные тираны, и говорил, что он их близко к своей лавке не подпустит. Но если б он с вами познакомился, я уверен, он бы свое мнение изменил. Я ему о вас напишу.

— Что же ты ему напишешь?

— Я ему напишу, — произнес с воодушевлением Фаунтлерой, — что такого доброго человека я в жизни не встречал. Что вы всегда о других думаете, и об их счастье печетесь, и... и я надеюсь, что, когда я вырасту, я буду такой же, как вы.

— Как я! — повторил граф, глядя на обращенное к нему детское личико. Темная краска залила его морщинистые щеки — он отвел глаза и принялся смотреть в окно кареты на огромные буки, красновато-коричневые листья которых блестели под солнечными лучами.

— Да, как вы! — повторил Фаунтлерой и скромно прибавил: — Если только смогу, конечно. Может быть, я не такой добрый, как вы, но я буду стараться.

Карета плавно катила по величественной аллее под сенью развесистых дивных деревьев, попадая то в густую зеленую тень, то в яркие солнечные пятна. И снова Фаунтлерой увидел прелестные поляны с высокими папоротниками и колокольчиками, которые чуть шевелил ветерок; он видел оленей, которые стояли и лежали в высокой траве, глядя огромными удивленными глазами вслед карете, и убежавших подальше от аллеи бурых кроликов. Он слышал, как с шумом пролетали куропатки, как кричали и пели птицы, и все это казалось ему еще прекраснее, чем прежде. Сердце его исполнилось радости и счастья при виде окружавшей его красоты. А старый граф, тоже смотревший в окно, видел совсем иное. Перед ним проходила вся его долгая жизнь, в которой не было места ни добрым мыслям, ни великодушным поступкам; череда дней и лет, когда молодой, богатый, сильный человек тратил свою молодость, здоровье, богатство и власть на исполнение собственных прихотей, чтобы как-то убивать время. Он видел этого юношу — когда время прошло и наступила старость — одиноким и без друзей, несмотря на окружавшую его роскошь; видел людей, которые не любили или боялись его, людей, которые ему льстили или пресмыкались пред ним, но он не видел никого, кому было бы не безразлично, жив он или умер, если только от этого не проистекало для них какой-либо выгоды или проигрыша. Он смотрел на свои

обширные владения и думал о том, о чем Фаунтлерой и не подозревал, — как далеко они простираются, какое в них заключено богатство и сколько людей живет на этих землях. Ему было известно также — этого Фаунтлерой тоже не мог знать, — что среди всех этих бедных или зажиточных людей вряд ли нашелся бы хоть один, кто не завидовал бы его состоянию, власти и знатному имени и решился бы назвать его «добрым» или захотел бы, как этот простосердечный мальчуган, походить на него.

Думать об этом было не очень-то приятно даже такому искушенному цинику, который прожил в мире с самим собой семьдесят лет, нисколько не заботясь о том, что думали о нем люди — лишь бы не нарушали его спокойствия и исполняли его прихоти. И то сказать, раньше он никогда не снисходил до размышлений обо всем этом, да и сейчас задумался лишь потому, что ребенок был о нем лучшего мнения, чем он того заслуживал, и захотел последовать его примеру. Все это заставило графа задать себе вдруг вопрос о том, насколько он достоин подражания. Фаунтлерой решил, что у графа опять разболелась нога — так сильно тот хмурил брови, глядя в окно кареты, и потому старался его не беспокоить и молча любовался деревьями, папоротниками и оленями.

Наконец карета выехала за ворота парка и, прокатив еще немного под деревьями, остановилась у Корт-Лоджа. Не успел лакей распахнуть дверцы кареты, как Фаунтлерой спрыгнул на землю.

Граф вздрогнул и вышел из задумчивости.

— Что? — произнес он. — Мы уже приехали?

— Да, — отвечал Фаунтлерой. — Вот ваша палка. Обопритесь на меня, когда будете выходить.

— Я не собираюсь выходить, — бросил граф.

— Как? Вы не навестите Дорогую? — спросил пораженный Фаунтлерой.

— Дорогая меня извинит, — молвил граф сухо. — Ступай и скажи ей, что даже пони тебя не удержал.

— Она так огорчится, — сказал Фаунтлерой. — Она очень хочет вас видеть.

— Не думаю, — возразил граф. — Я пришлю за тобой позже карету. Томас, велите Джеффри ехать.

Томас захлопнул дверцу; Фаунтлерой, бросив на него недоуменный взгляд, побежал к дому. Граф, подобно мистеру Хэвишему, имел возможность полюбоваться парой крепких ножек, быстро замелькавших по дорожке. Их обладатель, как видно, не желал терять ни минуты. Карета медленно покатила прочь, но его сиятельство все смотрел в окно. В просвет между деревьями ему была видна дверь дома: маленькая фигурка взбежала по ступенькам, ведущим в дом; навстречу выбежала другая фигурка — невысокая, юная, стройная. Они бросились друг к другу — Фаунтлерой кинулся в объятия матери, повиснув у нее на шее и целуя ее милое лицо.

Глава седьмая В ЦЕРКВИ

К утренней службе на следующее воскресенье в церковь собралось множество народа. Мистер Мордонт не помнил, когда еще церковь была так переполнена. Явились даже те, кто не оказывал ему ранее чести слушать его проповеди. Приехали и крестьяне из соседнего прихода в Хэзилтоне. Тут были крепкие фермеры с загорелыми лицами и добродушные полные женщины с румяными, как яблоки, щеками, в праздничных чепцах, ярких шляхах и с целым выводком детей. Явилась и докторша со своими четырьмя дочерьми. Миссис и мистер Кимзи, изготовлявшие в своей аптеке порошки и пилюли для всей округи радиусом в десять миль, устроились на своих обычных местах; свои места на церковных скамьях заняли миссис Диббл, деревенская портниха миссис Смифф со своей приятельницей модисткой мисс Перкинс; явился и фельдшер, и аптекарский ученик, — словом, все семьи в округе так или иначе были представлены, все были тут. Немало удивительных историй пересказали за прошедшую неделю в округе о лорде Фаунтлерое. В лавку миссис Диббл явилось столько

покупателей, чтобы купить тесьмы или иголок на пенни, а заодно послушать последние новости, что колокольчик над дверью совсем охрип от усталости. Миссис Диббл знала до мельчайших подробностей, как обставлены комнаты маленького лорда, какие он получил дорогие игрушки, какой красивый гнедой пони ждал его на конюшне вместе с маленьким грумом и двухколесной тележкой с серебряной сбруей. Миссис Диббл могла поведать и о том, что сказали слуги, встретившие мальчика в вечер его приезда, и как все женщины в людской в один голос заявили, что это стыд — стыд, да и только! — разлучать бедного малютку с матерью, и что сердце у них просто замерло, когда он один отправился в библиотеку, потому как поди знай, как его примут, ведь нрав у графа такой, что пожилым не угадать, что он выкинет, не то что ребенку.

— Но вы уж мне поверьте, миссис Дженнифер, сударыня, — говорила миссис Диббл, — этот ребенок ничего не боится, так мне сам мистер Томас сказал. Сидел себе и улыбался и преспокойно беседовал с их сиятельством, словно они с ним давние друзья. А граф так поразился, мистер Томас говорит, что только сидел и слушал да смотрел на него из-под бровей. Мистер Томас считает, миссис Бейтс, сударыня, что как он ни суров, а в глубине души он очень доволен и даже гордится, ведь мальчик такой красавчик и до того вежлив, что, мистер Томас говорит, лучше и не пожелаешь.

А затем следовала история о Хиггинсе. Достопочтенный мистер Мордонт рассказал ее у себя за обеденным столом, а прислуга пересказала ее на кухне, а оттуда она с быстротой молнии распространилась по всей деревне.

В базарный день, когда Хиггинс появился в ближайшем городке, его со всех сторон засыпали вопросами. Невика тоже расспрашивали, и он в ответ показал кое-кому письмо с подписью «Фаунтлерой».

Так что фермерским женам было о чем потолковать за чаем и в лавочке, где они делали покупки, и они обсудили все-все, ничего не упуская. В воскресенье же отправились в церковь — кто пешком, а кто в одноколках с мужьями, им ведь тоже хотелось взглянуть на маленького лорда, к которому со временем перейдут все земли.

Граф не имел обыкновения посещать церковь, но в первое же воскресенье после приезда Фаунтлероя он отправился с ним к обедне — ему хотелось, чтобы их видели в церкви, на высокой скамье, где испокон века сидели члены семьи Доринкорт.

В это утро на церковном дворе и за оградой собралось много народа. Люди стояли группками возле ворот и на паперти; толковали о том, будет ли граф на службе или нет. В самый разгар беседы какая-то добрая прихожанка воскликнула:

— Глядите, это, должно, его матушка! До чего ж молоденькая и хорошенькая!

Все обернулись — стройная молодая женщина в черном приближалась по дорожке к церкви. Женщина откинула вуаль, и все увидели, как она мила и хороша собой и как мягкие светлые волосы выбивались, словно у ребенка, из-под ее вдовьего чепца.

Она не думала об окружающих; мысли ее были заняты Седриком — она думала о том, как он бывал у нее, как радовался пони, как накануне даже приехал к ней на нем, держась в седле очень прямо, счастливый и гордый. Вскоре, однако, она заметила, что на нее смотрят, и что ее появление произвело впечатление. Какая-то старушка в рыжем салопе сделала ей реверанс; потом присела и другая, сказав при этом: «Благослови вас Господь, миледи!», а когда она проходила, мужчины снимали перед ней шляпы. Сначала она растерялась, а потом поняла, что они приветствуют мать маленького лорда Фаунтлероя, и, зардевшись от смущения, поклонилась в ответ и негромко поблагодарила благословившую ее старушку. Ей, привыкшей к многолюдной, вечно спешащей Америке, такое простое внимание было внове, поначалу оно смутило ее; впрочем, оно не могло не тронуть ее, ибо она понимала, что оно продиктовано добросердечием и участием. Не успела она пройти под каменным порталом в церковь, как произошло событие, которого все ждали. На аллее, ведущей к церкви, показалась карета, запряженная великолепными лошадьми, с ливрейными слугами на запятках.

— Едут! Едут! — заговорили в толпе. Карета остановилась у церкви, Томас соскочил с

подножки, распахнул дверцу, и маленький светлоголовый мальчик в черном костюме спрыгнул на землю.

Мужчины, женщины и дети с любопытством смотрели на него.

— Вылитый капитан! — заметил кто-то из старожилков, помнивших его отца. — До чего похож, ну прямо точная копия!

Залитый солнечным светом, мальчик стоял и внимательно следил за тем, как Томас помогает графу вылезти из кареты. Как только граф ступил на землю, мальчик тотчас с такой готовностью подставил ему плечо, словно был футов семи ростом. И все тут же поняли: какие бы чувства ни вызывал в окружающих граф Доринкорт, внук его совсем не боялся.

— Обопритесь на меня, — предлагал мальчик. — Как все вам рады! Оказывается, они все вас знают!

— Сними шляпу, Фаунтлерой, — сказал граф. — Они здороваются с тобой!

— Со мной! — вскричал Фаунтлерой, срывая с себя шляпу. Глядя удивленными сияющими глазами на толпу, он попытался разом поклониться всем вместе.

— Господь вас благослови, милорд, — произнесла, приседая, старушка в рыжем салопе, поклонившаяся его матери. — Живите долго и здравствуйте!

— Благодарю вас, сударыня!

И вместе с графом Седрик вошел в церковь. Пока они шли по проходу к квадратному возвышению, отделенному от остальных тяжелым занавесом, где на скамье с высокой спинкой лежали красные подушки, глаза всех прихожан были прикованы к ним. Усевшись, Фаунтлерой сделал два приятно удививших его открытия: во-первых, прямо напротив, за рядами голов, сидела мама и улыбалась ему; а во-вторых, рядом, у стены, лицом друг к другу, возле возвышения, на котором лежали два каменных молитвенника, стояли, сложив тонкие пальцы, две высеченные из камня коленапреклоненные фигуры в старинном диковинном платье. На стене была выбита надпись, но Фаунтлерой разобрал только слова, начертанные старинной орфографией:

«Здесь покоится прах Грегори Артура, первого графа Доринкорта, а также Алисонъ Хильдегардъ, его супруги».

— Можно, я вас шепотом что-то спрошу? — обратился Фаунтлерой к деду, снедаемый любопытством.

— Да? — отвечал граф.

— Кто это вон там?

— Твои предки, жившие несколько сот лет назад. Лорд Фаунтлерой с почтением посмотрел на фигуры и произнес: — Возможно, это от них у меня такое правописание.

После чего нашел нужное место в молитвеннике. Заиграл орган — Фаунтлерой встал и с улыбкой взглянул на мать. Он очень любил музыку, и они нередко пели вдвоем; его чистый, звонкий, как у жаворонка, голос влился в хор прихожан. Он пел с увлечением, с жаром; а граф увлеченно следил за мальчиком, сидя в углу своей ложи, затененном занавесом. Седрик стоял с раскрытым псалтырем в руках и, подняв к небу лицо, пел, забыв обо всем; солнечный луч, проникший через цветной витраж в церковь, золотом горел в его волосах. Мать глядела на его счастливое лицо — трепет охватил ее сердце, и из глубины его вырвалась молитва. Она молилась о том, чтобы ничто не замутнило простого счастья его ребяческой души и чтобы огромное состояние, внезапно свалившееся на него, не принесло с собой зла. В последнее время ее нежное сердце беспокоили смутные предчувствия.

— Ах, Седди, — сказала она ему как-то вечером, обнимая его на прощанье, — ах, Седди, милый, как бы мне хотелось быть очень умной ради тебя и давать тебе мудрые советы! Но я могу тебе сказать только одно: будь добрым, милый, будь смелым и прямым, и ты никогда никого не обидишь и многим сможешь помочь. Кто знает, может быть, этот огромный мир станет чуточку лучше оттого, что в нем живет мой малыш. А это важнее всего, Седди, важнее всего остального — если мир станет чуточку лучше оттого, что кто-то жил в нем, пусть даже всего лишь на самую капельку лучше, мой милый.

Возвратясь в замок, Седрик повторил слова матери деду.

— Когда она мне это сказала, — закончил он, — я подумал о вас. Я ей сказал, что мир изменился к лучшему, оттого что вы в нем живете, и еще я сказал, что буду стараться походить на вас.

— А что она тебе на это ответила? — спросил граф с некоторой тревогой.

— Она сказала, что это правильно и что надо всегда искать в людях хорошее и стараться, чтобы нам это нравилось.

Возможно, старый граф вспомнил об этом разговоре, сидя в своем углу в церкви. Не раз глядел он через головы прихожан туда, где сидела в одиночестве жена его сына; он видел милое лицо, которое любил сын, так и не дождавшийся от отца прощения, глаза, столь похожие на глаза мальчика, сидящего рядом с ним; однако какие мысли роились в его голове и были ли они горькими и непреклонными, или он несколько смягчился, понять было невозможно.

Выйдя из церкви, граф с внуком увидели, что прихожане не расходятся, желая, видно, посмотреть на них поближе. У церковных ворот стоял какой-то человек с шапкой в руках, и когда они подошли, он шагнул вперед и остановился. Это был фермер средних лет с измученным лицом.

— А-а, Хиггинс, — молвил граф.

Фаунтлерой обернулся и бросил на него быстрый взгляд.

— Это и есть мистер Хиггинс? — спросил он.

— Да, — отвечал сухо граф. — Он, верно, явился взглянуть на своего нового лендлорда.

— Да, милорд, — отвечал фермер, и краска залила его загорелое лицо.

— Мистер Невик сказал мне, что лорд Фаунтлерой замолвил за меня по доброте словечко, и я хотел бы, если позволите, его поблагодарить.

Возможно, он немного удивился, увидав, как мал был его благодетель, который сделал для него так много. Сейчас он стоял и смотрел снизу вверх на Хиггинса, как могли бы смотреть его собственные дети, на долю которых выпало столько невзгод; ему явно и в голову не приходило, какой важной персоной он стал.

— Я стольким вам обязан, милорд, — начал он, — стольким обязан! Я...

— Да что вы, — прервал его Фаунтлерой, — я только письмо написал. А сделал все дедушка. Вы же знаете, он такой добрый и всегда всем помогает. А как здоровье миссис Хиггинс?

Хиггинс слегка опешил. Казалось, он удивился, услышав столь лестный отзыв о старом графе, который вдруг предстал таким благодетелем, наделенным самыми добрыми чертами.

— Я... мда... конечно, милорд, — бормотал он. — Хозяйке теперь лучше, когда она беспокоиться перестала. Это ее тревога доконала.

— Я очень рад, — сказал Фаунтлерой. — Мой дедушка очень огорчился, узнав, что у ваших детей скарлатина, да и я тоже. У него ведь тоже были дети. Вы знаете, я сын его младшего сына.

Хиггинс вконец растерялся. На графа он старался не смотреть — так оно было безопаснее! Все знали, как тот любил сыновей: виделся с ними раза два в год, не более, а если кто-то из них болел, тут же уезжал в Лондон, потому что врачи и сестры наводили на него скуку. Его сиятельство слушал весь этот разговор, сверкая глазами из-под насупленных бровей; странно ему показалось узнать, что его огорчила скарлатина.

— Видишь, Хиггинс, как вы все ошибались во мне, — заметил он с угрюмой улыбкой. — А вот лорд Фаунтлерой меня понимает. Когда тебе понадобятся точные сведения о моем нраве, обращай к нему. Садись в карету, Фаунтлерой.

Фаунтлерой прыгнул в карету, и она покатила по зеленой аллее; она уже свернула на дорогу, а на губах графа все играла угрюмая улыбка.

Глава восьмая ФАУНТЛЕРОЙ УЧИТСЯ ЕЗДИТЬ ВЕРХОМ

Угрюмая улыбка еще не раз кривила губы графа Доринкорта по мере того, как шли дни. Однако по мере того, как его знакомство с внуком росло, она становилась все менее угрюмой. Следует признаться, что к тому времени, когда лорд Фаунтлерой появился на сцене, графу наскучили его возраст, подагра и одиночество. После долгой жизни, исполненной удовольствий и развлечений, грустно было сидеть в роскошных покоях одному, положив больную ногу на скамеечку, сердясь и крича, чтобы немного развлечься, на испуганного лакея, которому самый вид его был ненавистен. Старый граф был слишком умен, чтобы не знать, что слуги его не выносят и что даже навещавшие его изредка гости приезжают не из любви к нему, хотя некоторых и развлекали его язвительные речи, в которых он никому не давал пощады. Пока он был здоров и полон сил, он часто выезжал, делая вид, что это ему нравится, хотя не получал на деле никакого удовольствия; но когда здоровье его начало сдавать, все ему опостылело и он заперся в Доринкorte со своей подагрой, книгами и газетами. Впрочем, читать все время было невозможно, и его все больше одолевала, как он говорил, «скука». Длинные дни и ночи наводили на него тоску, и он становился все более раздражительным и нетерпимым. Но тут появился Фаунтлерой, и стоило графу его увидеть, как — к счастью для малыша — его тайная гордыня была удовлетворена. Будь Седрик не так хорош собой, старик, возможно, тотчас бы его невзлюбил, так и не успев оценить его достоинств. Граф про себя решил, что красота и бесстрашие Седрика объясняются тем, что в жилах его течет кровь Доринкорттов и что он делает честь их семье. А позже, когда он узнал мальчика поближе и увидел, как хорошо он воспитан, хоть и не понимает всех обстоятельств своего нового положения, Седрик стал нравиться ему все больше и больше и порой даже развлекал его.

Передать в эти детские руки возможность оказать помощь бедному Хиггинсу показалось забавным старому графу. Бедный Хиггинс его сиятельство совсем не занимал, однако ему приятно было думать о том, как все в округе заговорят о его внуке, и фермеры станут им восхищаться, даром что он совсем ребенок. Приятно было и ездить в церковь вместе с Седриком, видя, что их появление вызывает всеобщее волнение и интерес. Он знал, как все будут говорить о красоте мальчика, восхищаться его крепкой, стройной фигуркой, его осанкой, лицом и золотыми кудрями и как все согласятся (граф слышал, как одна женщина сказала это другой), что он «с головы до пят настоящий лорд!». Граф Доринкорт был человек надменный, он гордился своим именем, гордился своим титулом и потому горд был показать всему свету, что наконец-то у дома Доринкорттов есть достойный наследник.

В тот день, когда Седрик впервые сел на пони, граф испытал такое удовольствие, что совсем забыл о подагре. Когда грум вывел из конюшни красивого гнедого пони, который изгибал дугой изящную шею и высоко вскидывал породистую голову, граф уселся у открытого окна библиотеки и принялся наблюдать, как будет проходить первый урок верховой езды. Ему хотелось узнать, не оробеет ли мальчик. Пони был не маленький, а граф не раз видел, как дети теряют смелость при первой попытке. Фаунтлерой с радостью уселся в седло. Он никогда прежде не сидел на лошади и был в восторге. Грум по имени Уилкинс взял пони под уздечку и несколько раз провел под окном библиотеки.

— Смелый парнишка, право слово, — с ухмылкой рассказывал позже Уилкинс в конюшне. — Уж его-то на лошадь посадить было совсем не трудно. И до чего в седле хорошо держался! Не хуже самого графа, когда тот еще верхом ездил! А парнишка мне и говорит: «Уилкинс, — говорит, — я прямо держусь? В цирке наездники до того прямо в седле держатся!» Я ему и отвечаю: «Прямо, — говорю, — прямо как стрела, милорд!» А он ну смеяться, заливается от радости и говорит: «Ну и хорошо, — говорит, — а если не буду прямо держаться, так вы мне скажите, Уилкинс!»

Однако просто держаться прямо в седле, пока пони водят шагом, было не так уж и интересно. Через несколько минут Фаунтлерой обратился к деду, который следил за ним из окна.

— А можно мне самому попробовать? — спросил он. — И можно, я поеду быстрее?

Тот мальчик на Пятой авеню и рысью скакал и галопом!

— Ты думаешь, что мог бы пройтись рысью или галопом? — сказал граф.

— Мне бы хотелось попробовать, — отвечал Фаунтлерой. Его сиятельство подал знак Уилкинсу, который вывел собственную лошадь и, вспрыгнув в седло, взял пони Фаунтлероя на длинный повод.

— А теперь, — велел граф, — пусть попробует рысью. Следующие несколько минут были волнующими для маленького наездника. Он обнаружил, что пройтись рысью не так легко, как пройтись пешком, и чем быстрее идет пони, тем труднее держаться в седле.

— Тр-трясет поря-рядочно, правда, — сказал он Уилкинсу. — А в-вас не тр-трясет?

— Нет, милорд, — отвечал Уилкинс. — Привыкнете со временем. Привставайте на стременах.

— Да я все время привстаю, — отвечал Фаунтлерой. Он неловко привставал и опускался, его так и бросало в седле. Лицо его покраснелось, он тяжело дышал, но не сдавался и изо всех сил старался держаться прямо. Граф из окна все хорошо видел. Когда наездники выехали из-за скрывавших их деревьев и снова приблизились к окну, граф увидел, что шляпа у Фаунтлероя слетела, щеки побагровели, а губы плотно сжаты, но он продолжает мужественно держаться в седле.

— Остановись на минутку! — произнес граф. — Где твоя шляпа? Уилкинс притронулся рукой к козырьку своей шапки.

— Слетела, ваше сиятельство, — ответил он с явным удовольствием. — не разрешил мне остановиться, чтобы ее поднять, милорд.

— Он не из пугливых, а? — заметил граф сухо.

— Он-то, милорд? Да он и не знает, что такое страх. Я многих молодых господ ездить верхом учил, но чтобы кто так к седлу прилип, не видывал.

— Устал? — спросил граф Фаунтлероя. — Хочешь слезть?

— Я не ждал, что так трясти будет, — честно признался Фаунтлерой. — И устаешь немного, но слезать я еще не хочу. Вот отдышусь и поскачу назад за шляпой.

Вздумай какой-нибудь умник учить Фаунтлероя, как понравиться старому графу, он не смог бы придумать ничего лучшего. Неяркий румянец заиграл на увядшем лице графа, пока он смотрел вслед ускакавшему пони, а в глазах под нависшими бровями мелькнула радость, которую старый аристократ не ожидал уже вновь испытать. Он сидел и с нетерпением ждал, когда же снова раздастся стук копыт. Наконец через какое-то время лошади возвратились, однако теперь уже они шли быстрее. Фаунтлерой скакал без шляпы — Уилкинс держал ее в руке; щеки у Фаунтлероя еще пуще побагровели, волосы растрепались, он скакал галопом.

— Ну вот, — тяжело дыша, произнес он, когда поравнялся с дедом, — я взял в галоп. У меня еще так не получается, как у того мальчика на Пятой авеню, но я взял в галоп — и удержался в седле!

Он очень подружился с Уилкинсом и пони. Дня не проходило, чтобы их не видели на зеленых аллеях или на большой дороге, где они весело неслись вскачь. Фермерские ребята выбежали из дверей, чтобы взглянуть на горделивого гнедого пони и отважного маленького наездника, с такой уверенностью сидящего в седле, а маленький лорд срывал с себя шляпу и махал ею с криком: «Хэлло! Доброе утро!» Это произносилось от души, хотя и без особой аристократичности. Иногда он останавливался поболтать с детьми, а однажды Уилкинс вернулся в замок и рассказал, что Фаунтлерой потребовал, чтобы они остановились у деревенской школы, и уступил пони хромоту мальчику, чтобы тот доехал на нем домой.

— Право слово, — рассказывал Уилкинс на конюшне, — право слово, такого я никогда не слыхивал! Мне он спешиться не позволил, потому, говорит, как мальчику на большой лошади будет сидеть неловко. Так мне и сказал: «Уилкинс, — говорит, — этот мальчик хромотой, а я нет, и потом, — говорит, — я с ним поговорить хочу». Так что пришлось парнишке — его Хартл зовут — сесть на пони, а милорд сунул руки в карманы и идет себе рядом, разговаривает и посвистывает, нимало не смущаясь! А когда мы к их хижине подъехали и мать парнишки во двор выскочила, затрепыхалась, он шляпу скинул и говорит:

«Я вашего сына домой привез, сударыня, — говорит, — потому как у него нога болит, а на эту палку опереться как следует разве можно? Я дедушку попрошу, чтобы ему костыли сделали». И женщина, право слово, так и упала от удивления, да я и сам чуть не лопнул!

Граф, услышав эту историю, вовсе не разгневался, как думал Уилкинс, а только рассмеялся, а потом подозвал к себе Фаунтлероя и велел ему все рассказать от начала и до конца и после снова рассмеялся. А через несколько дней карета Доринкорта остановилась возле хижины, где жил хромым мальчик. Из кареты выпрыгнул Фаунтлерой, подошел к двери, держа на плече, словно ружье, пару крепких, легких новых костылей, и вручил их миссис Хартл.

— Дедушка шлет вам поклон и вот эти костыли для вашего мальчика, и мы надеемся, что ему станет легче.

— Я передал им от вас поклон, — сказал Фаунтлерой графу, вернувшись на свое место в карете. — Вы мне этого не говорили, но я подумал, что вы, верно, просто забыли. Так и есть, правда?

И граф снова рассмеялся, но не стал возражать. Дело в том, что по мере их сближения вера лорда Фаунтлероя в великодушие и благородство графа все росла. Он ни минуты не сомневался в том, что его дедушка чрезвычайно добрый и щедрый человек. Разумеется, все желания Седрика исполнялись мгновенно; на него сыпался такой дождь подарков, что порой он совершенно терялся.

Граф, видно, положил себе за правило, что внук должен иметь все, что ни пожелает, и дал ему полную свободу действий. И хотя в большинстве случаев такая политика весьма опасна, маленький лорд на удивление хорошо выдержал это испытание. Возможно, он все же избаловался бы, несмотря на его добрый нрав, если бы не те часы, которые он проводил с матерью в Корт-Лодже. Миссис Эррол внимательно и нежно следила за всеми его поступками. Они часто подолгу беседовали вдвоем, и, возвращаясь в замок, он уносил с собой не только память о ее поцелуях, но и простые, добрые советы. Одно лишь чрезвычайно удивляло маленького лорда. Никто и не подозревал, как часто он пытался разрешить эту тайну; даже его мать не знала, как часто он ломал над ней голову, а граф так и вовсе долгое время ни о чем не догадывался. Наблюдательный мальчик не мог не задуматься о том, почему его мама и дедушка никогда не встречаются. Конечно, он это заметил. Когда карета Доринкорта останавливалась у Корт-Лоджа, граф никогда не выходил из нее; а в тех редких случаях, когда его сиятельство посещал церковь, Фаунтлерою предоставлялась возможность побеседовать с матерью на крыльце или вернуться с ней домой. Но каждый раз неукоснительно в Корт-Лодж посылались цветы и фрукты из замковых оранжерей. К тому же вскоре после того первого воскресенья в церкви, когда миссис Эррол пошла в одиночестве домой после службы, граф совершил поступок, который весьма возвысил его в глазах Седрика. Спустя неделю Седрик собрался навестить мать — и увидел, что у дверей стоит не карета с парой лошадей, а прелестная двухместная коляска с красивой гнедой кобылой в упряжке.

— Это твой подарок матери, — коротко сообщил граф. — Нельзя, чтобы она ходила пешком. Ей нужна коляска. Ее кучер будет за ней следить. Запомни, это подарок от тебя.

Фаунтлерой пришел в такой восторг, что не знал, что сказать. Он с трудом сдерживал себя, пока не прибыл в Корт-Лодж. Миссис Эррол срезала розы в саду. Он выскочил из коляски и бросился к ней.

— Дорогая! — кричал он. — Знаешь что? Эта коляска твоя! Он говорит, это тебе подарок от меня! Это твоя коляска, чтобы ты в ней ездила, куда захочешь!

Он так радовался, что она совсем растерялась. Она не смела огорчить его отказом от подарка, присланного человеком, который решил считать себя ее врагом. В конце концов она уселась в коляску как была, с розами в руках, и Седрик повез ее на прогулку, без усталости расхваливая доброту и щедрость графа. Он так простодушно восхищался графом, что она порой готова была рассмеяться — тогда она обнимала своего малыша за плечи и целовала его, радуясь, что он видит только доброе в человеке, у которого так мало друзей.

На следующий день после этого события Фаунтлерой написал письмо мистеру Хоббсу. Письмо получилось довольно длинное, и когда черновик был готов, он принес его деду показать.

— Потому что в правописании я не очень силен, — сказал он. — И если вы укажете мне ошибки, я их поправлю.

Вот что он написал:

*«Дарагой мистер хоббс я хочу вам рассказать о моем дедушке он самый лучший граф каго я знаю вообще это ашибка что все графы тераны он савсем не теран вот бы вам с ним познакомиться вы бы очень подружались я в этом уверин у него подагра и он от нее очень стродает но он такой тирпеливый с каждым днем я все больше его люблю потому что нильзя ни любить графа каторый ко всем на свете такой добрый жаль что вы ни можете с ним поговорить он все на свете знает и можно ему задать любой вапрос но в бейс-болл он никогда ни играл он мне падарил пони с тележкой а моей маме прикрасную каляску у меня здесь три комнаты и множество игрушек вам бы понравились парк и замок он такой большой что в нем можно потираться уилкинс (это мой грум) мне сказал что под замком есть темница все в парке так красиво вы бы удивились агромные деревья алены и кролики и дичь в лесу мой дедушка очень богат но он не надменный и ни гордый как вы думали мне хорошо у него люди здесь очень добрые и вежливые они при встрече снимают шапки а женицины приседают и иногда говорят благослави вас господь типерь я умею ездить вирхом но сначала меня очень трисло кагда я шел рысью дедушка позволил одному бедному чиловеку сохрानить ферму кагда он не смог заплатит за аренду а миссис меллон отнесла его больным детям вина и всего прочего я хател бы вас повидать и еще я хател бы чтобы дорогая могла жить в замке но я очень счастлив кагда по ней не слишком тоскую и я люблю дедушку его все любят прошу вас напишите мне скорее
ваш любящий старый друг Седрик Эррол
p. s. в тимнице никого нет дедушка никогда туда никого не сажал
p. s. он такой добрый граф что напоминает мне вас он всиобщий любимец».*

— Ты очень скучаешь по своей матери? — спросил граф, прочитав письмо.

— Да, — сказал Фаунтлерой, — я по ней все время скучаю. Он подошел к графу и, положив ему на колено руку, заглянул в лицо.

— Вы по ней не скучаете, да? — спросил он.

— Я с ней не знаком, — отрезал граф.

— Да, я знаю, — отвечал Фаунтлерой, — это-то меня и удивляет. Она мне сказала, чтобы я ни о чем вас не спрашивал, и я... я не стану этого делать, но иногда я не могу ведь об этом не думать. Я тут ничего не понимаю. Но спрашивать я вас не буду. Когда я по ней очень скучаю, я подхожу к окну и смотрю в ту сторону, где в просвет между деревьями виден свет ночника, который она каждый вечер для меня зажигает. Он далеко, но как только стемнеет, она ставит ночник на подоконник, я вижу его свет и знаю, что он мне говорит.

— И что же он говорит? — спросил граф.

— Он говорит: «Спокойной ночи, Господь да хранит тебя в ночи!» Это она мне так говорила, когда мы жили вместе. Она повторяла эти слова каждый вечер, а по утрам она говорила: «Господь да хранит тебя весь день!» Так что видите, я все время храним, и днем и ночью...

— Я в этом не сомневаюсь, — сухо промолвил граф. Он нахмурился и так внимательно и долго смотрел на мальчика, что Фаунтлерой подумал: «О чем это он размышляет?»

Глава девятая НИЩИЕ ЛАЧУГИ

Сказать по правде, его сиятельство граф Доринкорт размышлял в эти дни о многом, о чем прежде он вовсе и не думал, и так или иначе все его мысли связывались с его внуком.

Основным свойством в характере графа была гордость, и внук во всем ей льстил. Благодаря этой гордости граф начал находить новый смысл в жизни. Ему нравилось показывать своего внука людям. Все знали, как он разочаровался в своих сыновьях; а потому, демонстрируя нового лорда Фаунтлероя, граф испытывал чувство торжества, ибо новый лорд Фаунтлерой никого не мог разочаровать. Ему хотелось, чтобы мальчик оценил свою власть и блестящее положение; ему хотелось также, чтобы и другие их оценили. Он строил планы на будущее. В глубине души он жалел порою, что не прожил свою жизнь достойнее и совершал поступки, которые ужаснули бы это чистое детское сердце, случись ему о них узнать. Не очень-то приятно было думать о том, какое выражение появится на милом, открытом лице Фаунтлероя, если он вдруг узнает, что его дедушку давно уже зовут не иначе как «этот злодей, граф Доринкорт».

Поглощенный этими мыслями, граф иногда забывал о своей подагре, так что спустя какое-то время его врач с удивлением отметил, что здоровье сиятельного пациента значительно улучшилось, на что он уже и не надеялся. Возможно, графу стало легче потому, что время теперь не тянулось для него столь мучительно, ибо не одни только боли и недомогания занимали его мысли.

В одно прекрасное утро в замке удивились, увидав, что Фаунтлерой отправился на верховую прогулку не с Уилкинсом. Спутником его оказался не кто иной, как сам граф, ехавший на великолепном сером коне. Прогулку предложил Фаунтлерой. Садясь на пони, он грустно сказал дедушке:

— Вот бы вы со мной отправились! Когда я уезжаю, мне грустно, что я вас оставляю совсем одного в таком огромном замке. Жаль, что вы не можете ехать верхом!

Через несколько минут вся конюшня пришла в волнение — граф приказал седлать Селима. После этого Селима седлали почти каждый день; и все привыкли видеть великолепного серого коня и седого наездника с красивым суровым, орлиным лицом, а рядом с ним мальчика на гнедом пони. Во время этих прогулок старый граф еще больше сблизился со своим внуком. Постепенно он многое узнал о «Дорогой» и ее жизни. Фаунтлерой трусил рядом с дедом и весело болтал. Более приятного спутника для этих прогулок трудно было бы сыскать — до того счастливая была у него натура. Обычно граф молча слушал мальчика и искоса поглядывал на его оживленное румяное лицо. Иногда он говорил мальчику, чтобы тот перешел на галоп, и когда тот скакал прочь, уверенно и прямо держась в седле, он смотрел ему вслед, а в глазах его светилась гордость; Фаунтлерой возвращался, громко смеясь и размахивая шляпой; он знал, что они с дедушкой прекрасные друзья.

Помимо многого другого граф обнаружил, что жена его сына не проводила дни в праздности. Оказалось, что все бедняки в деревне хорошо ее знают. Стоило у кого-то в деревне стрястись беде, как маленькая коляска миссис Эррол останавливалась возле этого дома.

— Вы знаете, — сказал однажды Фаунтлерой, — стоит ей появиться, как все говорят: «Благослови вас Господь!», а дети радуются. Кое-кто ходит к ней, и она их учит шить. Дорогая говорит, что она теперь так богата, что хочет помогать бедным.

Графа скорее радовало то, что мать его наследника была так мила и походила на настоящую леди, словно была герцогиней; радовало его, пожалуй, и то, что ее любят бедняки. И все же часто его мучила ревность, когда он видел, какое большое место она занимает в сердце мальчика, который любит ее больше всех на свете. Старику хотелось бы самому занимать это место и не иметь никаких соперников.

В это утро он остановил коня на холме среди вересковой пустоши и указал хлыстом на прекрасный вид, простиравшийся пред ними.

— Ты знаешь, что вся эта земля принадлежит мне? — спросил он у Фаунтлероя.

— Правда? — удивился Фаунтлерой. — Как много для одного человека! Какая она красивая!

— А знаешь ли ты, что когда-нибудь она будет принадлежать тебе — эта земля и

многие другие?

— Мне?! — воскликнул пораженный Фаунтлерой. — Когда?

— Когда я умру, — отвечал граф.

— Тогда она мне не нужна, — произнес Фаунтлерой. — Я хочу, чтобы вы жили всегда.

— Это доброе пожелание, — сухо заметил граф, — и все же когда-нибудь все это будет твоим — когда-нибудь графом Доринкортом станешь ты.

Несколько мгновений маленький лорд Фаунтлерой недвижно сидел в седле. Он смотрел на привольные пустоши, зеленые фермы и прелестные рощицы, на стоявшие рядом хижины, красивые деревушки и на высившиеся за деревьями каменные башни величественного замка. Вдруг он как-то странно вздохнул.

— О чем ты думаешь? — спросил граф.

— О том, какой я маленький, и о том, что мне сказала Дорогая, — отвечал Фаунтлерой.

— И что же она сказала? — поинтересовался граф.

— Что быть богатым, верно, нелегко, и если у кого-то всегда было всего в изобилии, он может порой забыть, что не всем так повезло, и что богатый должен вести себя осторожно и не забывать об этом. Я ей говорил, какой вы добрый, вот она и сказала, что это очень хорошо, потому что у землевладельца в руках большая власть, и если он думает только о своих удовольствиях и не заботится о людях, которые живут на его землях, им будет плохо, — а ведь их так много, и это будет ужасно.

Я смотрел на эти дома и думал, что должен буду узнать, как живут эти люди, когда стану графом. А вы как это выяснили?

Это был нелегкий вопрос, ибо графа Доринкорта интересовало лишь одно: исправно ли платят ренту его арендаторы; и если он узнавал, что кто-то ему задолжал, он тотчас сгонял его с земли.

— Мне Невик говорит, — отвечал граф, проведя рукой по седым усам и смущенно глянув на внука.

— Пора домой, — прибавил он. — Когда ты станешь лендлордом, смотри постарайся быть лучше меня!

Всю обратную дорогу граф промолчал. Ему казалось невероятным, что он, человек, который всю свою жизнь никого по-настоящему не любил, так привязался к своему маленькому внуку. Впрочем, сомневаться в этом не приходилось. Поначалу его радовали смелость и красота Седрика и он гордился им, однако теперь в его чувстве появилось что-то помимо гордости. Порой он угрюмо смеялся про себя, когда думал о том, что ему приятно держать мальчика при себе, слышать его голос, и что в глубине души ему хотелось, чтобы его маленький внук любил его и хорошо о нем думал.

— Я человек старый, — говорил он себе, — больше мне думать не о чем, вот в чем дело.

Впрочем, он знал, что дело не в этом. Позволь он себе посмотреть правде в глаза, пришлось бы признать, что во внуке его привлекали свойства, которыми сам он никогда не обладал: его искренность, преданность, доброта и та милая доверчивость, что не позволяла ему дурно думать о людях.

Спустя неделю после этой прогулки Фаунтлерой, вернувшись от матери, вошел в библиотеку с озабоченным видом. Он уселся в кресло с высокой спинкой, в котором сидел в первый вечер после своего приезда в замок, и молча устремил взгляд на догорающий огонь в камине. Граф выжидающе смотрел на него, не произнося ни слова. Седрика — это было очевидно — что-то встревожило. Наконец он поднял глаза.

— А Невик все про арендаторов знает? — спросил он.

— Это его обязанность, — отвечал граф. — Он о ней забыл, да? Как ни странно, ничто так не развлекало и не умиляло его, как интерес внука к арендаторам. Сам он никогда ими не интересовался, однако ему было приятно, что мальчику, несмотря на всю его детскость и веселые игры и развлечения, была свойственна такая серьезность.

— Тут есть одно место, — произнес Фаунтлерой, глядя на деда широко открытыми

глазами, в которых застыл ужас. — Дорогая его видела — это на том конце деревни. Дома там скучились и чуть не разваливаются; дышать нечем, а люди такие бедные, и все там ужасно! Там часто болеют лихорадкой и дети умирают; а люди становятся плохими, оттого что они такие бедные и несчастные! Им еще хуже, чем Майклу и Бриджит! Крыши у них текут! Дорогая была там у одной бедной женщины. Дорогая мне не разрешила к себе подходить, пока всю одежду не сменила! Она мне рассказывала, а сама плакала — слезы у нее так и лились!

У него у самого на глаза навернулись слезы, но он улыбнулся сквозь них.

— Я ей сказал, что вы об этом не знаете, и пообещал вам рассказать. Он соскочил на пол и, подойдя к графу, прислонился к его креслу.

— Вы можете им помочь, — сказал он, — как вы Хиггинсу помогли. Вы всегда всем помогаете. Я ей сказал, что вы так и поступите, а Невик, должно быть, забыл вам об этом сообщить.

Граф посмотрел на ручку, лежавшую на его колене. Невик ничего не забыл; по правде говоря, Невик не раз говорил ему, в какой нищете живут люди на том конце деревни, известном под названием Эрлз-Корт. Он знал и о ветхих лачугах, в которых жили арендаторы, и о плохих стоках, и о сырых стенах, и о разбитых окнах, и о протекающих крышах, он знал все об их нищете, лихорадке и страданиях. Мистер Мордонт живописал ему эти картины в сильных выражениях, а его сиятельство отвечал ему также в сильных выражениях; а когда подагра очень его донимала, он говорил, что чем скорее все в Эрлз-Корте перемрут и будут похоронены за счет прихода, тем всем будет лучше — и все тут! Однако теперь он посмотрел на маленькую ручку на своем колене, а потом на огорченное лицо мальчика с открытым взглядом — и устыдился.

— Как! — сказал он. — Ты хочешь, чтобы я начал строить образцовые дома для арендаторов?

И он накрыл маленькую ручку ладонью и даже погладил ее.

— Но эти хижины надо снести, — убежденно настаивал Фаунтлерой. — Так Дорогая говорит. Давайте... Давайте завтра туда пойдем и прикажем их снести. Все так обрадуются, когда вас увидят! Они поймут, что вы пришли им помочь!

И глаза его засияли, как звезды, на его раздумывавшемся лице. Граф поднялся с кресла и положил руку на плечо мальчика.

— Давай выйдем и прогуляемся по террасе, — предложил он с коротким смешком. — Там все и обсудим.

Они принялись прогуливаться по широкой каменной террасе, как делали обычно, если вечер был ясным, и хотя граф засмеялся еще раза два, он, казалось, обдумывал что-то, что не было ему неприятно, и не снимал руки с плеча своего спутника.

Глава десятая ГРАФ ВСТРЕВОЖЕН

По правде говоря, миссис Эррол обнаружила много печального, когда она стала навещать бедняков в деревушке, которая казалась такой живописной, если смотреть на нее со стороны вересковых пустошей. Вблизи все было далеко не так красиво, как на расстоянии. Там, где она ожидала увидеть благополучие и трудолюбие, она обнаружила праздность, нищету и невежество. Вскоре она узнала, что деревня Эрлсборо считалась самой бедной деревней в округе. Мистер Мордонт поведал ей о своих многочисленных трудностях и неудачах, а о многом она узнала сама. Для управления имением всегда выбирались люди, умевшие угодить графу, которых нисколько не трогали несчастья и разорение бедных арендаторов. И потому многое в деревне было запущено и день ото дня только ухудшалось.

Что же до Эрлз-Корта, так это был просто позор — покосившиеся домишки, несчастные, больные, изверившиеся люди. Когда миссис Эррол впервые увидела эти хижины, она содрогнулась. Такая нищета и запустение выглядели в деревне еще плачевнее, чем в городе. Казалось, здесь уже ничем не помочь. Глядя на грязных нечесаных детей,

которые росли среди порока и грубого безразличия, она подумала о своем сыне, жившем в огромном великолепном замке, которого окружали роскошь, довольство и красота, которого берегли и лелеяли, словно он был юным принцем, чьи желания надлежало тотчас исполнять. Смелая мысль пришла ей в голову. Как и все остальные, она понимала, что граф, на счастье, привязался к мальчику и вряд ли откажет ему в любой просьбе.

— Граф ни в чем ему не откажет, — сказала она мистеру Мордону. — Он исполнит любое его желание. Почему бы не использовать это для блага людей? Я позабочусь о том, чтобы это осуществить.

Она знала, что может положиться на доброту детского сердца Седрика. И она рассказала ему о бедах Эрлз-Корта, уверенная, что он передаст ее слова деду; она надеялась, что это приведет к добрым последствиям. Так оно и произошло, как ни странно это показалось всем вокруг. Дело в том, что больше всего на графа действовала безоговорочная вера Седрика, что дедушка поступит правильно и великодушно. Не мог же граф допустить, чтобы мальчик понял, что он и не собирается проявлять великодушие и намерен поступать по-своему, не думая о том, прав он или нет.

Он настолько не привык к тому, чтобы на него смотрели как на благодетеля рода человеческого и само благородство, что он не мог признаться, глядя в любящие карие глаза внука: «Я негодяй, вспыльчивый и себялюбивый. За всю свою жизнь я не совершил ни одного благородного поступка; и мне наплевать на Эрлз-Корт и всех этих бедняков...» Он успел так привязаться к этому мальчику с копной светлых кудряшек, что теперь уж и не возражал бы против того, чтобы время от времени сделать кому-то приятное. Вот почему после некоторых размышлений — хоть он и смеялся над самим собой — он послал за Невиком и долго беседовал с ним о жителях Эрлз-Корта, в результате чего было решено снести ветхие лачуги и построить новые дома.

— На этом настаивает лорд Фаунтлерой, — сухо сказал граф. — Он полагает, что именно от этого выиграет. Можете сказать арендаторам, что это его идея.

И он взглянул на маленького лорда, который играл с Дугалом, лежа на ковре перед камином. Огромный пес теперь ни на шаг не отходил от мальчика — когда Фаунтлерой отправлялся куда-нибудь, он величаво следовал за ним, а во время верховых прогулок с достоинством трусил рядом.

Конечно, все в округе узнали о принятом плане. Поначалу многие в него не поверили; но когда в деревне появился отряд рабочих, которые начали снос лачуг, люди стали понимать, что маленький лорд Фаунтлерой оказал им еще одну услугу и что благодаря его заступничеству позорным лачугам в Эрлз-Корте пришел конец. Знал бы он, как о нем всюду говорили, как хвалили и пророчили ему, когда он подрастет, великое будущее, он бы очень удивился. Он жил себе простой и счастливой детской жизнью — бегал по парку, гонялся за кроликами, валялся на траве под деревьями или на ковре в библиотеке, читал прекрасные книги и беседовал о них с графом, а потом пересказывал матери, писал длинные письма Дику и мистеру Хоббсу, которые отвечали ему, каждый в своей характерной манере, катался верхом с графом или Уилкинсом. Когда они проезжали через ближайший городок с его рыночной площадью, на него оборачивались, и он заметил, что лица у встречных светлели, когда они приподнимали шапки, здороваясь с ним; впрочем, он полагал, что это происходило оттого, что он ехал с дедушкой.

— Они вас так любят, — сказал он как-то, глядя на графа с радостной улыбкой. — Вы заметили, как им приятно видеть вас? Надеюсь, что они и меня когда-нибудь так же полюбят. Как это, верно, приятно! И он с гордостью подумал о том, как хорошо быть внуком человека, который завоевал все сердца.

Пока строили новые дома, Фаунтлерой часто ездил вместе с графом в Эрлз-Корт — строительство его очень интересовало. Он спешил к рабочим; скоро он со всеми перезнакомился, расспрашивал их о том, как возводят стены и кладут кирпичи, и рассказывал им про Америку. Через два-три дня, возвращаясь в замок, он уже объяснял графу, как делают кирпич.

— Мне такие вещи всегда интересны, — сказал он, — никогда ведь не знаешь, что тебя ждет.

А рабочие говорили о нем, когда он уезжал, и смеялись над его безыскусными речами; впрочем, он им нравился — им нравилось смотреть, как он стоит среди них, сунув руки в карманы и сдвинув на затылок шляпу, и с воодушевлением рассказывает что-то.

— Ну и мальчик! — говорили они. — Другого такого не встретишь! А как говорит откровенно! Да, в нем-то ничего нет дурного!

Вернувшись домой, рабочие рассказывали о нем женам, а жены — соседкам, так что прошло совсем немного времени, а уже все говорили о маленьком Фаунтлерое или вспоминали какую-то историю, связанную с ним, и постепенно все узнали, что наконец-то «злодей» привязался к кому-то, кто тронул и даже согрел его окаменевшее сердце. Впрочем, никто и не подозревал, до какой степени это было верно и как день ото дня граф все больше привязывался к мальчику, единственному существу, проявившему к нему доверие. Он уже ждал того времени, когда Седрик вырастет и станет красивым и сильным юношей, сохранив в то же время доброе сердце и редкий дар дружбы; граф размышлял о том, чем он займется и как использует свои способности. Когда он глядел на мальчика, растянувшегося на ковре с огромным томом в руках, в глазах у старика появлялся подозрительный блеск, а на щеках — румянец. «Мальчик может многое свершить, — думал он, — очень многое!» Он никогда никому не говорил о своих чувствах к Седрику; когда же упоминал его имя в разговоре, то всегда угрюмо усмехался. Но Фаунтлерой вскоре понял, что бабушка его любит и что ему нравится, когда он рядом — стоит ли возле его кресла в библиотеке, сидит ли против него за столом, едет ли верхом или гуляет с ним вечером по каменной террасе.

— А помните, — сказал как-то Седрик, подняв глаза от книги, которую читал, лежа на ковре, — помните, что я вам сказал в тот первый вечер? Что мы с вами будем хорошими друзьями? По-моему, лучше друзей, чем мы с вами, не бывает, правда?

— Да, мы с тобой, пожалуй, и вправду подружились, — произнес граф. — Иди-ка сюда. Фаунтлерой поднялся и приблизился к графу.

— Есть у тебя какое-то желание? — спросил граф. — Чего тебе не хватает?

Мальчик как-то задумчиво поднял свои карие глаза на деда.

— Только одного, — отвечал он.

— Чего же? — спросил граф. Секунду Фаунтлерой помолчал. Впрочем, он был готов к этому вопросу.

— Дорогой, — отвечал он.

Легкая гримаса пробежала по лицу графа.

— Но ты с ней видишься чуть не каждый день, — возразил он. — Разве этого недостаточно?

— Я раньше видел ее все время, — произнес Фаунтлерой. — Когда я ложился спать, она меня целовала на ночь, а по утрам она всегда была рядом и можно было все-все ей рассказать, не откладывая.

С минуту старый граф и мальчик молча смотрели друг другу в глаза. Граф нахмурился.

— Ты никогда не забываешь о матери? — спросил он.

— Нет, — отвечал Фаунтлерой, — никогда. И она обо мне не забывает. И знаете, вас я тоже не забыл бы, если б жил не с вами. Я еще больше о вас бы думал.

— Клянусь честью, — вскричал граф, взглядываясь ему в лицо, — я тебе верю!

И снова, как прежде, когда Седрик говорил о матери, ревность кольнула графа, только на этот раз гораздо сильнее, потому что граф все больше привязывался к мальчику.

Впрочем, вскоре у него появились другие, более серьезные огорчения, настолько серьезные, что на время он почти забыл о своей ненависти к жене сына. Случилось это совсем неожиданно. Однажды вечером, незадолго до окончания работ в Эрлз-Корте, в замке давали званый обед. Такого праздника в Доринкорте не устраивали давно.

Незадолго до этого вечера графу нанесли визит сэр Гарри и леди Лорридейл, которая

доводилась графу родной сестрой. Событие это вызвало необычайное волнение в деревне; колокольчик в лавке миссис Диббл звенел не умолкая, ибо всем в деревне было хорошо известно, что леди Лорридейл только раз после своего замужества навестила замок, и было это тридцать пять лет назад. Леди Лорридейл, красивая старая дама с седыми кудрями и розовыми щеками с ямочками, обладавшая золотым сердцем, никогда не одобряла брата и, будучи женщиной с характером и не боясь высказать свое мнение, после нескольких весьма бурных объяснений перестала с ним видеться.

За годы, прошедшие с их последней встречи, она слышала о нем мало хорошего. Она слышала, что он пренебрегал своей женой и что жена умерла; что он был равнодушен к сыновьям; и что два старших сына, слабохарактерные, порочные, неприглядные, не делали ему чести. Этих двух старших сыновей, Бевиса и Мориса, она никогда не видела; но однажды Лорридейл-Парк навестил красивый статный юноша лет восемнадцати, который сказал, что он ее племянник Седрик Эррол и захотел навестить ее, ибо хочет посмотреть на свою тетюшку Констанцию, о которой ему говорила мать. Доброе сердце леди Лорридейл растаяло при виде юноши, она оставила его у себя на неделю, обласкала, не отпускала от себя ни на минуту и всячески им восхищалась. У него был такой добрый, веселый и легкий нрав, что, когда он уезжал, она сказала, что надеется видеться с ним часто. Однако больше она с ним никогда не увиделась: граф разгневался на него и запретил ему ездить в Лорридейл-Парк. Впрочем, леди Лорридейл всегда тепло о нем вспоминала и, хоть и опасалась, что он заключил опрометчивый брак в Америке, очень рассердилась, когда ей сообщили, что граф от него отрекся, и что никто не знает, как он живет и где. Позже до них дошел слух о его смерти, а потом Бевис убится, упав с лошади, а Морис умер в Риме от лихорадки, и вскоре после этого они прослышали о том, что американского внука собираются найти и привезти в Англию.

— Должно быть, и его испортят, как остальных, — сказала леди Лорридейл своему мужу. — Разве что мать у него добрая и с характером и сможет о нем позаботиться...

Когда же леди Лорридейл узнала, что Седрика разлучили с матерью, она не находила слов, чтобы выразить свое негодование.

— Нет, это просто стыд и срам! — заявила она. — Ты только подумай, забрать у матери малыша и отдать его в руки такого человека, как мой брат! Доринкорт будет с ним груб либо избалуется его донельзя. Может быть, стоит ему написать...

— Нет, Констанция, не стоит, — отвечал сэр Гарри.

— Я так и думала, — согласилась она. — Я слишком хорошо знаю брата, но все это просто ужасно...

О маленьком лорде Фаунтлерое толковали не только бедняки, о нем говорили все. О его красоте, милом нраве, популярности и все возрастающем влиянии на графа ходило столько всевозможных слухов, что они дошли и до дворян из местных усадеб и других графств Англии. О нем беседовали на званых обедах — дамы жалели его юную мать и спрашивали, действительно ли он так красив, как говорят; а мужчины, знавшие графа и его привычки, от души смеялись над простодушием мальчика, поверившего в его доброту. Сэр Томас Эш из Эшейн-Холла, побывавший в Эрлсборо, встретил там графа с внуком, совершавших верховую прогулку; он остановился, чтобы поздороваться с графом и поздравить его с выздоровлением.

— И знаете, — рассказывал он позже об этом случае, — старый граф прямо-таки надулся от гордости — и не удивительно! Такого красивого и приятного мальчика, как его внук, я в жизни своей не видывал, клянусь честью! Прямой, как стрела, и в седле сидит замечательно!

Так мало-помалу слухи о мальчике дошли и до леди Лорридейл; она узнала и о Хиггинсе, и о хромом мальчике, и о лачугах в Эрлз-Корте, и о многом другом, и ей захотелось познакомиться с Седриком. Она принялась размышлять, как бы это устроить, — и тут, к крайнему ее изумлению, пришло письмо от графа с приглашением ей и ее мужу в Доринкорт.

— Невероятно! — воскликнула леди Лорридейл. — Я слышала, что мальчик творит чудеса, — теперь я начинаю в это верить. Говорят, что брат обожает мальчика и не отпускает его от себя. И так им гордится! По-моему, он хочет показать его нам!

Леди Лорридейл и сэр Гарри приехали в замок Доринкорт вечером и тотчас поднялись в свою комнату. Переодевшись к обеду, леди Лорридейл спустилась в гостиную, где она нашла графа. Высокий и внушительный, он стоял возле камина, а рядом с ним стоял мальчик в черном бархатном костюме с большим белым воротником из кружев, как на картинах Ван Дейка. Мальчик был совсем маленький — его круглое румяное лицо было таким милым, и он посмотрел на нее такими красивыми и честными карими глазами, что она чуть не вскрикнула от удивления и радости. Пожимая руку графа, она обратилась к нему по имени, чего не делала с детства.

— Как, Молино, — воскликнула она, — это и есть мальчик?

— Да, Констанция, — отвечал граф, — это он. Фаунтлерой, это твоя двоюродная бабушка, леди Констанция Лорридейл.

— Здравствуйте, бабушка, — произнес Фаунтлерой. Леди Лорридейл положила руку ему на плечо и, взглядевшись в обращенное к ней лицо, от души его поцеловала.

— Зови меня тетушкой Констанцией, — сказала она. — Я очень любила твоего бедного папу, а ты очень похож на него.

— Как мне приятно, что я на него похож, — признался Фаунтлерой, — ведь все его любили, совсем как Дорогая, ну просто все... — И, на миг запнувшись, он прибавил:

— ...тетя Констанция.

Леди Лорридейл просияла. Она нагнулась и снова поцеловала его, и с этой минуты они стали друзьями.

— Что ж, Молино, — сказала она позже вполголоса графу, — лучшего трудно было и ожидать!

— Пожалуй, ты права, — сухо согласился граф. — Он славный мальчик. И мы с ним большие друзья. Он меня считает самым добрым и милым филантропом. И признаюсь тебе, Констанция, впрочем, ты все равно это сама увидишь, — что я привязался к нему, как последний глупец.

— А что думает о тебе его мать? — спросила со своей обычной прямоотой леди Лорридейл.

— Я ее не спрашивал, — отвечал граф, нахмурясь.

— Знаешь, — сказала леди Лорридейл, — я буду с тобой откровенна, Молино, и скажу тебе прямо: я не одобряю твоего поведения и завтра же нанесу миссис Эррол визит; так что если ты хочешь со мной из-за этого поссориться, лучше скажи сразу. Судя по тому, что я слышала о миссис Эррол, мальчик всем ей обязан. Даже до нас дошли слухи о том, что твои арендаторы, из тех, что победнее, ее просто обожают.

— Это они его обожают, — кивнул граф в сторону Фаунтлероя. — Что до миссис Эррол, то она, как ты увидишь, очень недурна собой. Я весьма признателен ей за то, что мальчик похож на нее. Можешь посетить ее, если желаешь. Я хочу только одного — чтобы она оставалась в Корт-Лодже, а ты не просила меня нанести ей визит.

И он снова нахмурился.

— И все-таки у него уже нет прежней ненависти к ней, — сказала позже леди Лорридейл сэру Гарри. — Это мне ясно. Он очень переменялся, и знаешь, Гарри, хотя это и может показаться невероятным, но я полагаю, что он постепенно становится человеком — и все благодаря привязанности к этому невинному ребенку. Да и мальчик к нему тоже привязался — достаточно посмотреть, как он стоит, прислонясь к его креслу или коленям. Родные сыновья моего брата скорее прислонились бы к тигру!

На следующий же день леди Лорридейл поехала с визитом к миссис Эррол. Вернувшись, она сказала брату:

— Молино, такой прелестной женщины я в жизни не видела! Голос у нее как

серебряный колокольчик! Ты должен ее благодарить за то, что она так хорошо воспитала мальчика. Он ей обязан не только красотой! Ты совершаешь большую ошибку, не предлагая ей переехать в замок, где бы она могла и тобой заняться. Я приглашу ее в Лорридейл.

— Она не оставит мальчика, — возразил граф.

— Что ж, придется мне и мальчика прихватить, — отвечала со смехом леди Лорридейл.

Впрочем, она знала, что Фаунтлероя к ней не отпустят. С каждым днем она все яснее видела, как сблизились граф и мальчик, и как все надежды и честолюбивые мечты надменного и угрюмого старика сосредоточились на внуке, который платил ему полным доверием и откровенностью. Знала она также и то, что граф давал званый обед в основном потому, что втайне давно хотел показать свету своего внука и наследника — пусть все убедятся, что мальчик, о котором столько ходило слухов, был в действительности еще лучше, чем говорили.

— Бевис и Морис так горько его разочаровали, — сказала леди Лорридейл мужу. — Об этом все знали. Он просто видеть их не мог. Теперь же гордость его получит удовлетворение.

Среди приглашенных не было, пожалуй, никого, кто, принимая приглашение, не думал бы о мальчике, — всем хотелось знать, выйдет ли он к гостям.

И в должное время Фаунтлерой вышел.

— Он хорошо воспитан, — сказал граф, — и никому не помешает. Дети обычно либо глупы, либо скучны — мои-то и тем и другим страдали, но Фаунтлерой умеет молчать, когда его ни о чем не спрашивают, и отвечать, когда спрашивают. Он не навязчив.

Впрочем, молчать Фаунтлерой долго не пришлось. Всем хотелось что-то сказать мальчику. И конечно, всем хотелось его послушать. Дамы ласкали его и засыпали вопросами; мужчины шутили с ним, как это делали пассажиры на корабле.

Фаунтлерой не очень-то понимал, почему ответы его вызывали порой всеобщий смех, но он уже привык к тому, что люди нередко смеются, хотя он говорит совершенно серьезно, и не возражал. Вечер ему очень понравился. Великолепные покои сияли огнями, всюду стояли цветы, мужчины были весьма веселы, а дамы прекрасны в своих чудесных нарядах и сверкающих украшениях. Среди гостей была молодая девушка, только что вернувшаяся, как он услышал, после «сезона» в Лондоне. Высокая, с горделивой головкой, мягкими волосами, фиалковыми глазами и нежными, словно лепестки розы, губами — она была так очаровательна, что он не мог отвести от нее глаз. На ней было прелестное белое платье с ниткой жемчуга на груди. Фаунтлероя поразило, что мужчины толпились вокруг нее, словно вокруг принцессы, и, казалось, всячески старались ей угодить. Она так его заинтересовала, что, сам того не замечая, он подходил к ней все ближе и ближе, пока наконец она не повернулась и не заговорила с ним.

— Подойдите же ко мне, лорд Фаунтлерой, — произнесла она с улыбкой, — и объясните, почему вы так на меня смотрите.

— Я все думаю, какая вы красивая, — отвечал юный лорд. Господа, окружавшие ее, рассмеялись, да и сама девушка тоже, и щеки ее порозовели.

— Ах, Фаунтлерой, — сказал один из мужчин, который смеялся всех громче, — торопись высказать все, что у тебя на уме. Когда подрастешь, тогда уже не посмеешь...

— Как же можно об этом молчать? — мягко возразил Фаунтлерой. — Разве вы можете молчать? Разве вы не думаете, что она очень красивая?

— Нам не дозволено говорить то, что мы думаем, — отвечал тот; остальные же еще пуще развеселились.

Однако красивая молодая девушка — которую звали мисс Вивьен Херберт — привлекла к себе Седрика и стала при этом, если только это возможно, еще прелестнее.

— Лорд Фаунтлерой может говорить все, что угодно, и я ему весьма благодарна. Я уверена, что он говорит только то, что действительно думает.

И она поцеловала его.

— Я думаю, что вы красивее всех, кого я видел, — проговорил Фаунтлерой, прямо и с восхищением глядя на нее, — за исключением Дорогой. Конечно, Дорогую я ни с кем даже

сравнить не могу. По-моему, она самая красивая на свете.

— Не сомневаюсь, что это так, — согласилась мисс Херберт. И она засмеялась и снова поцеловала его.

Большую часть вечера она не отпускала его от себя, и все, кто ее окружали, очень веселились. Седрик не знал, как это произошло, но скоро он уже рассказывал им об Америке — и о съезде республиканцев, и о мистере Хоббсе и Дике, а в заключение он с гордостью извлек из кармана красный шелковый платок, прощальный подарок Дика.

— Я его сегодня специально в карман положил, — сообщил он, — потому что знал, что у нас будут гости. Я думаю, Дику это было бы приятно.

И при этом он так серьезно и с такой любовью посмотрел на огромный пестрый платок, что никто не решился рассмеяться.

— Мне он нравится, — сказал Фаунтлерой, — потому что Дик мне друг.

Многие из приглашенных беседовали с Фаунтлероем, однако он, как и предвидел граф, никому не мешал. Он умел спокойно сидеть и слушать, что говорят остальные, и никому не был в тягость. Иногда он отходил к креслу деда и останавливался возле него или садился рядом на скамеечку, устремив на графа взгляд и с интересом слушая все, что тот говорит, и тогда легкая улыбка пробегала по лицам гостей. Раз он так близко стал к креслу, что почти прижался щекой к плечу графа, и тот, заметив, что все вокруг улыбаются, сам слегка улыбнулся. Он знал, что думали гости, и это его втайне забавляло — что ж, пусть смотрят, как он дружен с мальчиком, который, против всех ожиданий, не разделял общего мнения о нем.

Мистера Хэвишема ждали днем, но, как ни странно, он запаздывал. За все те годы, что он приезжал в замок Доринкорт, такого с ним еще никогда не случалось. Он явился, когда гости уже вставали, чтобы идти в столовую. Когда он подошел к графу, тот посмотрел на него с изумлением. Мистер Хэвишем, казалось, был чем-то взволнован или расстроен, его сухое умное лицо было бледно.

— Меня задержало, — произнес он тихо, обращаясь к графу, — необычайное... происшествие.

Все это было настолько не похоже на методичного старого адвоката, что сомнений не оставалось: он был чем-то очень обеспокоен. За обедом он почти ничего не ел, а когда к нему обращались, вздрагивал, словно мысли его были далеко. Когда же подали десерт, и в столовую вошел Фаунтлерой, он поглядел на него с тревогой и беспокойством. Фаунтлерой, заметив, что мистер Хэвишем бросает на него тревожные взгляды, удивился. Мистер Хэвишем был с ним в добрых отношениях и обычно при встрече улыбался ему.

Но в этот вечер адвокат забыл ему улыбнуться. Сказать по правде, он забыл обо всем, кроме того, что должен в тот же вечер сообщить графу неожиданное и неприятное известие, которое поразит его, словно гром среди ясного неба, и разом все переменит. Мистер Хэвишем смотрел на великолепные покои и блестящее общество, — которое собралось здесь в основном для того, чтобы поглядеть на мальчика с золотистыми волосами, стоящего возле кресла графа, — смотрел на гордого старика и улыбающегося лорда Фаунтлероя и чувствовал, что, несмотря на весь его опыт и твердость, почва уходит у него из-под ног. Какой ему предстояло нанести удар!

Мистер Хэвишем никак не мог дождаться конца обеда и все время сидел как во сне. Он заметил, что граф несколько раз с удивлением взглянул на него.

Наконец обед кончился и мужчины вышли в гостиную к дамам. Они увидели, что Фаунтлерой сидит на диване с мисс Вивьен Херберт, поразившей Лондон своей красотой, и смотрит вместе с ней фотографии. Он как раз благодарил ее, когда дверь в гостиную открылась.

— Я очень признателен вам за то, что вы так добры ко мне, — говорил Фаунтлерой. — Я никогда раньше не бывал на званых вечерах, и мне было очень весело!

Ему было так весело, что, когда мужчины снова окружили мисс Херберт и принялись

беседовать с ней, он слушал их смех и веселые речи и пытался понять их, но глаза его стали слипаться. Порой веки его и вовсе закрывались, но стоило мисс Херберт негромко рассмеяться, как он вздрагивал и на секунду снова открывал глаза. Он был уверен, что не заснет, но за спиной у него лежала большая желтая атласная подушка; голова его понемногу склонилась к ней, и он крепко уснул. Он лишь слегка приоткрыл глаза, когда, спустя целую вечность, кто-то тихонько его поцеловал. Это была мисс Вивьен Херберт, она собралась ехать и шепнула ему на прощанье:

— Спокойной ночи, маленький лорд Фаунтлерой! Счастливых сновидений!

Утром, конечно, Седрик не помнил, как он силился разлепить закрывавшиеся веки и сонно бормотал:

— Спокойной ночи... я так... рад... что... вас... увидел... вы такая... красивая...

Ему только смутно помнилось, что мужчины снова засмеялись, а он подумал: над чем это они смеются?..

Как только последний гость покинул гостиную, мистер Хэвишем отвернулся от камина, перед которым стоял, глядя в огонь, и подошел к дивану, где сладко спал маленький лорд Фаунтлерой. Он лежал, привольно раскинувшись — одна нога свесилась с дивана, руку он закинул за голову; его лицо во сне — здоровом, счастливом детском сне — разругмянилось, волосы разметались по желтой атласной подушке. Смотреть на него было одно удовольствие!

Но мистер Хэвишем смотрел на него, тревожно потирая свой гладко выбритый подбородок.

— В чем дело, Хэвишем? — услышал он жесткий голос графа у себя за спиной. — Что там случилось? Я вижу, что-то произошло. Позвольте поинтересоваться, что это за необычное происшествие?

Мистер Хэвишем повернулся, все еще потирая подбородок.

— Плохие вести, — отвечал он. — Ужасные вести, милорд. Хуже не придумаешь. Мне очень грустно, что сообщить их вам приходится мне.

Еще за обедом граф, глядя на мистера Хэвишема, начал беспокоиться, а в таких случаях он всегда приходил в дурное расположение духа.

— Почему вы так смотрите на мальчика? — вскричал он с раздражением. — Весь вечер вы на него смотрели так, словно... Вот что я вам скажу, Хэвишем, нечего вам так на него смотреть! Что вы там хотите накаркать? Какая связь между лордом Фаунтлероем и тем, что вы узнали?

— Милорд, — произнес мистер Хэвишем, — я не буду тратить лишних слов. Мое известие касается лорда Фаунтлероя. И если оно верно, то там на диване спит не лорд Фаунтлерой, а всего лишь сын капитана Эррола. Настоящий же лорд Фаунтлерой — это сын вашего сына Бевиса, и находится он сейчас в меблированных комнатах в Лондоне.

Граф так крепко сжал ручки кресла, что на руках у него и на лбу выступили вены; его суровое лицо исказилось.

— Что вы болтаете? — закричал он. — Вы с ума сошли! Кто все это выдумал? Это ложь!

— Если это и ложь, — отвечал мистер Хэвишем, — то, к несчастью, весьма похожая на правду. Сегодня утром ко мне в контору пришла женщина. Она сказала, что шесть лет назад ваш сын Бевис женился на ней в Лондоне. Она показала мне брачное свидетельство. Спустя год после свадьбы они поссорились, и он дал ей отступного, чтобы она уехала. У нее есть сын, ему пять лет. Она американка из низших слоев общества, совсем необразованная, и до недавнего времени она не очень-то понимала, на что может претендовать ее сын. Она посоветовалась с адвокатом и узнала, что ее сын является лордом Фаунтлероем, наследником графа Доринкорта, и, разумеется, она настаивает на признании его прав.

Кудрявая головка на желтой атласной подушке шевельнулась. Мальчик глубоко и сладко вздохнул и повернулся во сне; впрочем, он спал спокойно, без тревог. Он не услышал,

что теперь он совсем не лорд Фаунтлерой, а всего лишь маленький самозванец и не бывать ему графом Доринкортом. Он словно для того повернулся своим раскрасневшимся ото сна лицом к пристально смотревшему на него графу, чтобы тому было лучше его видно.

Красивое лицо старика было ужасно. Горькая усмешка играла на его губах.

— Я бы не поверил ни единому слову из этой истории, — произнес он, — если б она не была такой низкой и подлой, что очень похоже на моего сына Бевиса. Да, это очень похоже на Бевиса. Сколько мы от него позора натерпелись! Безвольный, лживый, порочный негодяй с самыми низменными наклонностями — таков был мой сын и наследник, тогдашний лорд Фаунтлерой. Вы говорите, что эта женщина невежественна и вульгарна?

— Я вынужден признать, что она и подписаться грамотно не умеет, — отвечал адвокат. — Она совершенно необразованна и не скрывает своих корыстных побуждений. Ее интересуют только деньги. Она по-своему красива, но это грубая красота и...

Тут старый адвокат из деликатности смолк и содрогнулся. Вены на лбу старого графа стали еще заметнее. Холодные капли пота проступили на нем. Он вынул платок, отер лоб и горько усмехнулся.

— А я-то, — произнес он, — я-то возражал против... другой женщины, против матери этого ребенка. — И он указал на спящего на диване мальчика. — Я отказывался ее признать. А уж она-то умеет подписаться. Видно, это возмездие мне.

Он вскочил с кресла и принялся расхаживать по комнате. Ужасные слова срывались в гнев с его губ. Жестокое разочарование и ярость сотрясали его, словно дерево в бурю. Гнев его был ужасен, и все же мистер Хэвишем заметил, что он ни на минуту не забывал о мальчишке, спящем на желтых атласных подушках, и следил за тем, чтобы не раз будить его.

— Я должен был это предвидеть! — говорил он. — С самого своего рождения они меня только позорили! Я их обоих ненавижу, а они ненавидели меня! Бевис был еще хуже Мориса. Впрочем, я не желаю верить в то, что вы мне рассказали. Я буду оспаривать притязания этой женщины, бороться. Но это похоже на Бевиса — это так похоже на Бевиса!

Так он бушевал и расспрашивал о женщине и ее доказательствах и снова шагал по комнате, то бледнея, то багровея от сдерживаемой ярости. Наконец графу стало известно все вплоть до самых неприглядных подробностей. Мистер Хэвишем посмотрел на него с тревогой: граф выглядел измученным и совершенно разбитым; казалось, в нем произошла какая-то перемена. Приступы ярости всегда дорого ему стоили, однако на этот раз все обстояло гораздо серьезнее — ведь дело не ограничивалось одной только яростью.

Граф медленно подошел к дивану и остановился возле него.

— Если бы кто-то сказал мне, что я могу привязаться к ребенку, — тихо молвил он дрогнувшим голосом, — я бы ему не поверил. Я всегда не выношу детей — своих еще больше, чем чужих. Но к этому ребенку я привязался, а он, — тут граф горько усмехнулся, — он привязался ко мне. Меня здесь не любят и никогда не любили. Но он меня любит. Он меня никогда не боялся — и доверял мне. Он был бы лучшим графом Доринкортом, чем я. Я это знаю. Он сделал бы честь нашему имени. Он склонился над мальчиком и с минуту вглядывался в его счастливое спящее лицо. Он сурово хмурил лохматые брови, впрочем, казалось, что гнев его оставил. Он протянул руку и откинул светлые волосы со лба мальчика, а затем повернулся и позвонил.

Когда самый рослый лакей вошел в комнату, он указал ему на диван.

— Отнесите, — начал он, и голос его слегка дрогнул, — отнесите лорда Фаунтлероя в его комнату.

Глава одиннадцатая В АМЕРИКЕ БЕСПОКОЯТСЯ

Когда юный друг мистера Хоббса отбыл в замок Доринкорт, чтобы стать там лордом Фаунтлероем, и бакалейщик имел время осознать, что между ним и его маленьким другом, в обществе которого он провел столько приятных часов, лег Атлантический океан, он

затосковал. Сказать по правде, мистер Хоббс не блистал ни умом, ни догадливостью; он был человек медлительный и тяжеловесный; знакомых у него было немного. Ему не доставало внутренней энергии, и он не умел развлечься на досуге — по правде говоря, все его развлечения ограничивались чтением газет и подведением счетов.

Впрочем, вести счета было для него делом непростым, так что порой он долго сидел над ними. Прежде маленький лорд Фаунтлерой, считавший быстро как на пальцах, так и на грифельной доске, пытался прийти ему на помощь; к тому же он умел слушать и так интересовался всем, что писалось в газете, вел с мистером Хоббсом такие длинные разговоры об англичанах и Революции, о республиканской партии и выборах, что его отъезд оставил невосполнимую брешь в бакалейной. Поначалу мистеру Хоббсу казалось, что Седрик где-то недалеко и скоро вернется; в одно прекрасное утро он поднимет глаза от газеты и увидит: в дверях стоит Седрик в своем белом костюмчике, красных чулочках и сдвинутой на макушку соломенной шляпе и весело говорит: «Хэлло, мистер Хоббс! Ну и жара сегодня — правда?»

Однако дни шли, Седрик не возвращался, и мистер Хоббс начал скучать и беспокоиться. Теперь даже газета не доставляла ему прежнего удовольствия. Прочитав газету от первого до последнего слова, он клал ее на колени и долго сидел, глядя на высокий табурет. На ножках табурета были отметины, которые приводили его в грусть и уныние. Эти отметины оставили каблуки будущего графа Доринкорта, болтавшего ногами во время беседы. Оказывается, ногами болтают даже юные лорды; ни благородная кровь, ни длинная родословная не мешают оставлять от метины на мебели. Насмотревшись на отметины, мистер Хоббс вынимал золотые часы, открывал крышку и любовался надписью: «Мистеру Хоббсу от его старого друга лорда Фаунтлероя. Узнать решив, который час, меня вы вспомните тотчас». Насмотревшись на надпись, мистер Хоббс защелкивал крышку, со вздохом поднимался и шел к двери, где останавливался между ящиком с картофелем и бочкой с яблоками и принимался смотреть на улицу. Вечером, заперев лавку, он закуривал трубку и степенно шагал по тротуару, пока не доходил до домика, где когда-то жил Седрик, и на окне которого теперь красовалась надпись: «Сдается». Тут он останавливался, смотрел на окна, качал головой, пыхтел трубкой, а постояв, уныло направлялся домой.

Так продолжалось две или три недели, пока в голову ему не пришла одна мысль. Он был таким тяжелодумом, что на обдумывание новой мысли у него уходило не меньше двух-трех недель. Как правило, новые мысли он недолюбливал, предпочитая во всем полагаться на старые. Однако теперь, по прошествии двух-трех недель, в течение которых ему ничуть не стало легче и настроение у него все ухудшалось, в голове у него забрезжил некий план. Он решил навестить Дика.

Прежде чем прийти к такому решению, он выкурил множество трубок, но все же наконец решение было принято. О Дике он знал все. Седрик ему не раз о нем рассказывал; и потому мистер Хоббс подумал, не полегчает ли у него на душе, если он отправится побеседовать с Диком.

Однажды днем, когда Дик усердно чистил сапоги одного клиента, возле него на тротуаре остановился невысокий полный человек с обрюзгшим лицом и лысым черепом и принялся внимательно изучать вывеску, которая гласила:

«Профессор Дик Тинтон Его не обскачешь!»

Он так долго ее изучал, что Дик почувствовал к нему живейший интерес и, придав сапогам своего клиента окончательный блеск, спросил толстяка:

— Вам наблестить, сэр?

Толстяк решительно приблизился и поставил ногу на подставку.

— Да, — сказал он.

Дик принялся за работу, а толстяк поглядывал то на вывеску, то на Дика.

— Откуда это у тебя? — спросил он наконец.

— От одного мальчугана, — отвечал Дик, — моего дружка. Он мне все обзаведение подарил. Второго такого мальчугана во всем свете не сыщешь. Теперь он в Англии. Уехал, чтобы стать... этим... как его... лордом.

— Лорд... Лорд... — произнес мистер Хоббс с расстановкой. — Лорд Фаунтлерой, будущий граф Доринкорт?

Дик чуть не выронил щетку из рук.

— Хозяин, вы с ним, кажись, сами знакомы?

— Да, я его знаю, — отвечал мистер Хоббс, утирая взмокший лоб, — с самого его рождения. Мы с ним всю жизнь знакомы, вот оно как. Он разволновался, вынул из кармана золотые часы, открыл их и показал надпись на крышке Дику.

— «Узнать решив, который час, меня вы вспомните тотчас», — прочитал он вслух. — Это он мне на память подарил. «Я хочу, чтобы вы меня не забывали», — это он мне так сказал. Да я б его и так помнил, — продолжал мистер Хоббс, качая головой, — даже если б он мне ничего не дарил... или я его больше бы в жизнь не увидел. Такого друга любой бы помнил.

— Да, такого мальчугана поискать, — согласился Дик. — А до чего смелый! Такого смелого малыша я в жизни не видывал! Я его очень уважал, очень, а уж какие мы с ним друзья были! Мы с ним враз подружились, и знаете как? Я ему мячик из-под кареты выхватил, а он это запомнил. Бывало, придет сюда с матушкой или нянькой и всегда кричит: «Хэлло, Дик!» Здоровается, словно взрослый, а сам-то совсем еще крошка и одет в платьице. Веселый был парнишка, поговоришь с ним, и вроде на душе полегчает.

— Это уж точно, — подтвердил мистер Хоббс. — И зачем только было делать из него графа? Какой из него вышел бы бакалейщик! Да и в галантерее он бы равных себе не имел!

И он с сожалением покрутил головой. Оказалось, что им столько надо поведать друг другу, что сразу всего и не успеть, а потому было решено, что на следующий день Дик явится в лавку к мистеру Хоббсу и проведет у него вечер. Это предложение пришлось Дику очень по душе. Почти всю свою жизнь он провел на улице, но не сдался и втайне все время мечтал о приличном существовании. С тех пор как он стал сам себе хозяин, он заработал на крышу над головой и стал уже мечтать, что со временем пойдет и дальше. Вот почему приглашение навестить пожилого уважаемого господина, владельца лавки на углу, да еще и лошади с телегой в придачу, показалось ему целым событием.

— А о графьях и замках ты что-нибудь знаешь? — спросил мистер Хоббс. — Мне бы хотелось все подробно разузнать.

— Читал я в «Дешевой библиотечке» один выпуск, — вспомнил Дик. — Называется «Преступление аристократа, или Мечь графини Мей». Вот это история! Из наших ребят кое-кто эти выпуски покупает.

— Захвати с собой, когда пойдешь ко мне, — сказал мистер Хоббс, — я за нее заплачу. Захвати все, что тебе о графьях попадет. А если не о графьях, то о маркизах или герцогах — хоть он о них ни разу словом не обмолвился. Мы иногда говорили о графских коронах, но видеть их мне не пришлось. Должно, здесь их не держат.

— У Тиффани (ювелирные магазины в США) они уж во всяком случае должны быть, — отвечал Дик. — Правда, я все равно бы их не признал, даже если бы и увидел.

Мистер Хоббс не стал говорить, что и он бы графскую корону не признал, а только медленно покачал головой.

— Должно, спрос на них невелик, — заметил он. На этом разговор и кончился.

С этой встречи началась их дружба. Когда на следующий день Дик явился в лавку мистера Хоббса, тот принял его весьма радушно. Он усадил Дика на стул, стоявший у двери возле бочки с яблоками, и, махнув рукой, в которой была зажата трубка, произнес:

— Угощайся! Он глянул на принесенные Диком брошюрки, и они принялись читать напечатанные там истории и обсуждать английскую аристократию, причем мистер Хоббс изо всех сил пытался трубочкой и качал головой. Особенно внушительно качал он головой, показывая Дику высокий табурет с отметинами на ножках.

— Это следы его каблучков, — пояснил он внушительно, — собственных его каблучков. Я целыми часами сижу и смотрю на них. Веселое это было времечко, а теперь все так грустно! Да, тут вот он и сидел, грыз себе печенье прямо из ящика и яблоки прямо из кадушки, а огрызки швырял на улицу — а теперь он лорд и живет в замке. Это отметины от каблучков милорда, а в один прекрасный день это будут графские отметины! Иногда я сам про себя говорю: «Ну и ну, говорю, ведь это с ума сойти можно!»

Посещение Дика и все эти рассужденья, видно, весьма утешили мистера Хоббса. Прежде чем расстаться, мистер Хоббс завел Дика в заднюю комнатку, где они поужинали сухим печеньем, сардинами, сыром и разными консервами, принесенными из лавки; мистер Хоббс торжественно откупорил две бутылки имбирного пива и, налив два стакана, предложил тост.

— Выпьем за него! — провозгласил он, подняв стакан. — И пусть он им там всем покажет — всем этим графьям, маркизам, герцогам и прочим! После этого вечера мистер Хоббс часто виделся с Диком — и на душе у него полегчало. Они читали «Дешевую библиотечку» и другие интересные публикации и столько всего узнали о жизни дворянства и знати, что эти презируемые классы, верно, поразились бы, случись им об этом проведать. Однажды мистер Хоббс совершил паломничество в книжную лавку в центре города специально для того, чтобы приобрести там что-нибудь для своей библиотеки. Он подошел прямо к приказчику и, перегнувшись через прилавок, сказал:

— Мне нужна книга о графьях.

— Что?! — вскричал приказчик.

— Книга о графьях, — повторил бакалейщик.

— Боюсь, — отвечал с каким-то странным выражением приказчик, — что такой книги у нас нет.

— Неужели? — с тревогой воскликнул мистер Хоббс. — Ну тогда, скажем, о маркизах и герцогах.

— И этого нет, — молвил приказчик. Мистер Хоббс очень огорчился. Он уставился в пол, а потом снова взглянул на приказчика.

— И про графинь ничего нет? — спросил он.

— Боюсь, что нет, — отвечал тот с улыбкой.

— Ну и ну, — воскликнул мистер Хоббс, — ведь это с ума сойти можно!

Мистер Хоббс был уже в дверях, когда приказчик окликнул его и спросил, не подойдет ли ему книга, основные герои которой знатные аристократы. Мистер Хоббс отвечал, что, если уж нельзя получить книги об одних графьях, подойдет и эта. Приказчик продал ему «Лондонский Тауэр», написанный мистером Харрисоном Эйнсвортом, и тот унес ее домой.

Дождавшись Дика, мистер Хоббс начал чтение. Это была удивительная, захватывающая книга: действие в ней происходило во времена знаменитой английской королевы, которую кое-кто называет Марией Кровавой. Мистер Хоббс очень взволновался, узнав о ее деяниях и о привычке рубить людям головы, пытать их и жечь живьем. Он вынул изо рта трубку и долго смотрел на Дика, после чего вынужден был утереть со лба пот красным носовым платком.

— Значит, он не в безопасности! — проговорил он. — Он не в безопасности! Если там такие бабы могут сидеть на троне и отдавать такие приказы, откуда нам знать, что с ним в этот миг происходит? Нет, это опасно для жизни! Стоит такой женщине рассвирепеть — и поминай как звали!

— Постойте, — остановил его Дик, хотя видно было, что и он встревожился, — ведь теперь-то не та верховодит. Теперешнюю-то зовут Виктор... нет, Виктория, а ту, что в книге, — Мария.

— Верно, верно, — согласился мистер Хоббс, снова утирая лоб, — так оно и есть. В газетах ведь ничего не пишут про дыбу, тиски для пальцев или другие орудия пытки, да и на кострах вроде не сжигают — но все равно он там в опасности. Говорят, эта странная публика даже Четвертое июля не празднует!

Еще несколько дней он очень волновался в душе, пока не получил от Фаунтлероя письмо и не прочитал его несколько раз про себя и вслух Дику, после чего изучил письмо, полученное примерно в то же время Диком, и только тогда успокоился.

Письма Фаунтлероя доставляли им обоим огромное удовольствие. Они их читали и перечитывали, обсуждали и наслаждались каждым словом. А потом целыми днями писали ответы и перечитывали их не меньше, чем письма, полученные от Фаунтлероя.

Написать письмо было непростой задачей для Дика. Все свои познания в грамоте он приобрел за те несколько месяцев, что жил со старшим братом и ходил в вечернюю школу; впрочем, он был паренек сообразительный и постарался, чтобы недолгое это учение не пропало даром, для чего читал по складам газеты и практиковался в письме мелом на тротуарах, стенах и заборах. Он рассказал мистеру Хоббсу о своей жизни и о старшем брате, который заботился о нем после смерти матери (Дик тогда был совсем маленьким). Отец их умер незадолго до матери. Брата звали Бен, и он смотрел за ним, как умел, пока Дик не подрос и не начал торговать газетами и работать посыльным. Жили они вместе; с годами дела у Бена шли все лучше, и наконец он получил вполне приличное место в одной лавке.

— И тогда, — повествовал Дик с отвращением, — он возьми да и женись на одной! Втюрился в нее, как теленок, и вовсе ума лишился! Женился на ней, и поселились они в двух комнатах позади лавки. А она сильная, ну прямо тигрица, настоящая тигрица! Как разозлится, рвет все в клочки, — а злилась она непрестанно. И младенца себе родила такого же целыми днями и ночами ревел! Он ревет — и если я его на руки не возьму, она в меня чем попало швыряет. Однажды швырнула в меня тарелкой, да попала в младенца и рассекла ему подбородок. Доктор сказал, у него шрам до конца дней останется. Хороша мать! Да уж, доставалось нам всем — и Бену, и мне, и малышу! А на Бена она злилась за то, что он мало денег зарабатывал. Наконец он поехал с одним парнем на Запад, чтобы там скот разводить. Через неделю после его отъезда прихожу я домой, распродав газеты, а в доме пусто и дверь заперта, а хозяйка мне и говорит: уехала Минна, смылась, значит, от нас!

Потом уже мне говорили, что она за океан подалась, поступила там нянькой к какой-то барыне, у которой тоже был маленький. Только мы о ней с тех пор и не слышали! И Бен ничего от нее не получал. Я бы на его месте не очень-то и огорчался! Впрочем, он, верно, и не огорчается! А раньше он очень по ней вздыхал. Честно вам скажу, был от нее ну прямо без ума. Вообще-то она собой была очень хороша, когда приоденется да не злится. Глаза большие, черные, волосы как смоль, до самых колен, заплетет их в косу толщиной с руку и обкрутит несколько раз вокруг головы, а глаза так и сверкают, так и сверкают! Люди говорили, что она наполовину и... тальянка — то ли отец у нее, то ли мать оттуда приехали, оттого она и была такая бешеная! Да, верно, она и вправду родом была оттуда!

Дик часто рассказывал мистеру Хоббсу о своей невестке и о брате Бене, который прислал ему с Запада два письма. На Западе Бену не очень-то повезло, и он перебрался в другое место, а потом еще ездил с места на место, пока не устроился на ранчо в Калифорнии, где и работал с тех пор.

— Эта женщина, — сообщил как-то Дик мистеру Хоббсу, — вытрясла из него всю душу. Жалко мне его было, ничего не мог я с собой поделать...

Они сидели вдвоем на пороге лавки; мистер Хоббс набивал табаком свою трубку.

— Нечего было жениться, — сказал мистер Хоббс важно и встал, чтобы взять спичку. — Женщины... Какой с них может быть толк? Он вынул спичку из коробка и вдруг остановился, глядя на прилавок.

— Письмо! А я-то его раньше и не заметил. Почтальон, верно, положил, а я и не видел или, может, газетой его прикрыл!

Он взял в руки письмо и внимательно посмотрел на конверт.

— Это от него! — воскликнул он. — Честное слово, от него! Он совсем забыл про трубку и, усевшись в кресло, вскрыл конверт перочинным ножом.

— Интересно, что у него там новенького? — сказал он. И, развернув письмо, прочитал:

«Замок Доринкорт.

Дарагой мистер Хоббс, Пишу вам втропях, потому что мне надо сообщить вам любопытную новость знаю что она вас очень удивит мой дарагой друг все это ошибка и я не лорд и мне не надо быть графом приехала дама каторая вышла замуж за моего дядю Бевиса каторый умер у нее есть сын и лорд фаунтлерой он в англии такой абычай сын старшего сына графа и есть граф если все астальные умерли то есть если его отец и дедушка умерли мой дедушка не умер но дядя Бевис умер и патому этот мальчик лорд фаунтлерой а меня теперь завут Седрик Эррол как тагда кагда я жил в Нью-Йорке и все теперь будет принадлежат этому мальчику я сначала думал что мне придется отдать моего пони с тележкой но дедушка говорит нет мой дедушка очень огорчен и по-моему эта дама ему не нравится а может быть он думает мы с дарагой огорчились что я не буду графом теперь я больше хател бы быть графом чем раньше патому что замок очень красивый и все здесь мне так нравятся а потом кагда ты багат ты столько всего можешь сделать теперь я не багатый патому что если твой отец младший сын он не бывает багат я буду учиться и работат чтобы заботиться о дарагой я Уилкинса спрашивал как за лашадьми ухаживат может я могу стать грумом или кучером эта дама привезла своего мальчика в замок и дедушка с мистером Хэвишем с ней гаворили по-моему она сердилась и очень кричала и дедушка тоже сердился я раньше никогда не видел чтобы он сердился жаль что они так ссорились я решил вам сразу написать вам и Дику потому что вам это интересно вот пака и все любящий вас старый друг Седрик Эррол (не лорд Фаунтлерой)».

Мистер Хоббс откинулся на спинку кресла и уронил письмо на колени; конверт с перочинным ножиком соскользнули на пол.

— Ну и ну, — проговорил он, — ведь это с ума сойти! Он был так поражен, что слегка изменил свое обычное восклицание. Бывало, он говаривал: «С ума сойти можно», но на этот раз он сказал просто «с ума сойти» — может быть потому, что был от этого недалек? Кто знает...

— Вот это да! — воскликнул Дик. — Значит, все лопнуло, да?

— Лопнуло! — повторил мистер Хоббс. — А я так думаю, что это английские ристократы сговорились, чтобы лишить его того, что ему по праву принадлежит, и все потому, что он американец. Они на нас зуб держат еще с Войны за независимость и теперь на нем вымещают. Я тебе говорил, что боюсь за него, и вот — полюбуйся! Видно, все правительство сговорилось, чтобы лишить его законных прав! Он был очень взволнован. Поначалу он не одобрял перемену в жизни своего юного друга, но со временем он с нею примирился, а получив от Седрика первое письмо, даже начал в душе гордиться свалившимся на его юного друга богатством. Конечно, «графья» не вызывали в нем восторга, однако он знал, что деньги иметь неплохо и в Америке, а если все состояние и роскошь зависят от титула, то потерять его нелегко.

— Они его ограбить хотят, — проговорил мистер Хоббс. — Вот что они задумали, и люди обеспеченные должны о нем позаботиться.

Мистер Хоббс до позднего часа не отпускал Дика, а когда наконец они обсудили неожиданную новость во всех подробностях и Дик отправился домой, мистер Хоббс проводил его до угла; на обратном пути он остановился против пустовавшего дома и, глядя на выставленную в окне бумажку с надписью «Сдается», в волнении раскурил трубку.

Глава двенадцатая ПРЕТЕНДЕНТЫ

Спустя несколько дней после званого обеда все англичане, хоть изредка заглядывающие в газеты, узнали романтическую историю о том, что случилось в замке Доринкорт. Это была увлекательная история, особенно если ее рассказывать со всеми

подробностями. Главным лицом в ней был маленький мальчик, которого привезли в Англию, чтобы он стал лордом Фаунтлероем; про него говорили, что он был так мил и красив, что все его полюбили; в истории принимали участие дед мальчика, граф Доринкорт, который очень им гордился, и прелестная юная мать, которой граф не мог простить того, что она в свое время вышла замуж за капитана Эррола. Рассказывалось в ней и о странном браке Бевиса, покойного лорда Фаунтлероя, и о его странной жене, о которой никто ничего не знал, которая вдруг объявилась откуда-то с сыном, утверждая, что он-то и есть подлинный лорд Фаунтлерой и следует восстановить его в правах. Обо всем этом много говорили и писали — история эта привлекла всеобщее внимание. А потом вдруг пронесся слух, что граф Доринкорт недоволен оборотом дела и собирается оспаривать права неожиданного претендента, и впереди маячил увлекательнейший процесс.

Такого волнения не знали раньше в окрестностях Эрлсборо. В базарные дни люди собирались группками и судили и рядили о том, что же произойдет; фермерши приглашали друг друга на чашку чая, чтобы иметь возможность посудачить обо всем, что они слышали и что думают и что, по их мнению, думают другие. Они с наслаждением рассказывали друг другу о том, как старый граф пришел в ярость и принял твердое решение не признавать нового лорда Фаунтлероя, и о том, какую ненависть вызвала в нем эта женщина, мать нового претендента. Больше всех, разумеется, могла порассказать миссис Диббл, которую в эти дни просто свалили на части.

— Плохие дела, — говорила она. — И если вы хотите знать мое мнение, сударыня, так я вам скажу: это ему наказание за то, что он так обошелся с этой милой молодой женщиной, миссис Эррол, и разлучил ее с собственным ребенком. Вот он теперь и расплачивается, потому как он до того привязался к мальчику и до того его полюбил, что теперь прямо с ума сходит ото всей этой истории. А эта новая-то к тому же на леди и не похожа, не то что мать нашего маленького лорда. Лицом дерзкая, глаза черные... Мистер Томас говорит, ни один из тех джентльменов, что служат в замке, не унижится до того, чтобы ее приказы выполнять; если только она поселится в доме — он тут же с места уйдет. Да и этого нового мальчика разве можно с нашим сравнить! Чем все это кончится, Бог весть... У меня прямо ноги подкосились, когда Джейн мне обо всем рассказала...

Всюду в воздухе витало беспокойство: в библиотеке замка, где совещались граф и мистер Хэвишем; в людской, где мистер Томас, дворецкий и вся прислуга день-деньской с жаром обсуждали происшествие; в конюшне, где Уилкинс угрюмо начищал до блеска гнедого пони и говорил кучеру, что никогда раньше ему не приходилось «учить верховой езде молодого джентльмена, до того понятливого и до того смелого, что ехать за ним было одно удовольствие, право слово».

Посреди всех этих волнений один лишь человек оставался совершенно спокоен. Это был маленький лорд Фаунтлерой, о котором теперь говорили, что он не имеет права так называться. Когда ему сказали о том, что произошло, он, правда, пришел поначалу в замешательство и слегка обеспокоился; впрочем, не потому, что его мечты не сбылись. Когда граф сообщил ему печальное известие, он выслушал его, сидя на скамеечке и обхватив руками коленку, как сидел обычно, когда слушал что-нибудь интересное; по окончании рассказа он задумался.

— У меня какое-то очень странное чувство, — проговорил он, — очень... странное!

Граф молча посмотрел на мальчика. Все это и ему представлялось очень странным — необычайно странным! Впрочем, еще более странным показалось ему озабоченное выражение на личике, которое он привык видеть веселым.

— А у Дорогой они отберут ее дом — и коляску? — неуверенно спросил Седрик, и голос его дрогнул.

— Ну нет! — решительно произнес граф. Он говорил очень громко. — Они ничего не могут у нее отобрать!

— А-а, — произнес Седрик с явным облегчением. — Правда? А потом он поднял взгляд на деда, и в его больших и нежных глазах проскользнула грусть.

— Этот другой мальчик, — спросил он с волнением, — теперь он будет вашим мальчиком... как был я... да?

— Ну нет! — вскричал граф так громко и гневно, что Седрик вздрогнул.

— Нет? — воскликнул он с изумлением. — Правда нет? А я думал... И он вскочил со скамеечки.

— Я останусь вашим мальчиком, даже если потом не буду графом? — спросил он. — Вашим мальчиком, как раньше?

Его лицо покраснелось от волнения. Боже, как посмотрел на него старый граф! Как сдвинул он лохматые брови, как странно засветились его глаза, — как все это было странно!

— Мой мальчик! — произнес он, и голос его — возможно ли? — прозвучал как-то странно, совсем не так, как можно было бы ожидать, в нем слышалась хрипотца, он чуть ли не дрожал и не прерывался, хотя говорил граф еще решительнее и тверже, чем обычно. — Пока я жив, ты будешь моим мальчиком! Клянусь небом, иногда мне кажется, что у меня никого другого никогда и не было!

От радости и облегчения кровь бросилась Седрику в лицо. Он засунул руки поглубже в карманы и посмотрел деду прямо в глаза.

— Правда? — сказал он. — Ну, тогда мне все равно, буду я графом или нет. Я думал... понимаете, я думал, что вашим мальчиком должен быть тот, кто станет графом, а я... я им не буду. Вот почему мне стало не по себе.

Граф положил ему руку на плечо и притянул его к себе.

— Я сделаю все, что смогу, чтобы у тебя ничего не отняли, — произнес он, тяжело дыша. — Я не желаю верить в то, что им удастся у тебя что-то отнять. Ты просто создан для того, чтобы занять это место, — и я не исключаю, что ты его и займешь. Но что бы ни произошло, ты всегда будешь иметь все, что я смогу тебе дать! Все, что я смогу! Похоже, он говорил не с ребенком — такая решительность читалась на его лице и звучала в голосе; казалось, он самому себе давал слово, — впрочем, возможно, так оно и было.

Граф никогда не задумывался о том, как сильно он привязался к мальчику и как гордится им. Казалось, только сейчас он по-настоящему увидел силу, достоинство и красоту своего внука. Ему казалось невероятным отречься от того, чего он желал всем сердцем; все его упрямство восставало против этого — он просто не желал это принять. Он твердо решил не сдаваться без отчаянной борьбы.

Спустя несколько дней после его разговора с мистером Хэвишем женщина, называвшая себя леди Фаунтлерой, явилась в замок и привезла с собой сына. Граф отказался ее принять. Граф не желает ее видеть, сказал преградивший ей вход лакей, ее делом займется адвокат. Этим лакеем был Томас; позже он высказал все, что о ней думал, в людской.

— Надеюсь, — сказал он, — что уж я-то понимаю, кто леди, а кто нет, вон я сколько в знатных-то семьях отработал! И уж если она леди, то я ничего не смыслю в женщинах!

— Вот та, что в Корт-Лодже живет, — продолжал Томас величественно, — американка она там или не американка, вот та настоящая леди, это любой джентльмен с одного взгляда поймет! Я это Генри сразу сказал, в первый же день, как мы в Корт-Лодже побывали.

Претендентка уехала. Страх и ярость боролись на ее красивом и грубом лице. Беседуя с ней, мистер Хэвишем заметил, что нрав у нее страстный, а манеры грубые и дерзкие, а также что она вовсе не так умна или смела, как хотела показать; порой она чуть ли не тяготилась положением, в котором очутилась. Видно, она совсем не ожидала, что ее притязания встретят столь решительный отпор.

— Судя по всему, она принадлежит к низшим слоям общества, — сказал мистер Хэвишем миссис Эррол. — Она невоспитанна и крайне невежественна и совершенно не умеет держать себя с людьми нашего круга. Она просто не знает, как себя вести. Съездив в замок, она испугалась. Рассердилась, но присмирела. Граф отказался ее принять, но я уговорил его съездить со мной в «Доринкортский герб», где она остановилась. Когда он

вошел в комнату, она побелела, а затем принялась бушевать — грозила и требовала одновременно.

Вот как прошел этот визит. Граф, войдя в комнату, остановился и с высоты своего величия пристально глядел из-под густых бровей на претендентку, не устаивая ее ни словом. Он молча разглядывал ее, словно она была какой-то отвратительной диковинкой, предоставив ей изрыгать угрозы, пока наконец, обессилев, она не смолкла.

— Вы утверждаете, что были женой моего старшего сына, — произнес тогда граф. — Если это правда и мы не сможем оспорить предъявляемых вами доказательств, закон на вашей стороне. В таком случае ваш сын — лорд Фаунтлерой. Вы можете не сомневаться, что дело будет рассмотрено самым тщательным образом. В том случае, если ваши притязания будут доказаны, вы получите все, что вам положено по закону. Я же, пока жив, не хочу видеть ни вас, ни вашего сына. После моей смерти, к сожалению, поместье перейдет в ваши руки. Именно такую женщину, как вы, и должен был выбрать мой сын Бевис.

Он повернулся и удалился так же величественно, как вошел.

Несколько дней спустя миссис Эррол сидела в маленькой утренней комнате и что-то писала, как вдруг ей доложили, что к ней приехали. Служанка была явно взволнована: глаза у нее округлились от изумления, и, будучи совсем юной и неопытной, она взирала на хозяйку с сочувствием и испугом.

— Это сам граф, сударыня! — проговорила она с трепетом. Войдя в гостиную, миссис Эррол увидела высокого величественного старика, который стоял на коврик перед камином. Красивое, упрямое, мрачное лицо с орлиным профилем украшали длинные седые усы.

— Миссис Эррол, как я понимаю? — произнес он.

— Да, — отвечала она.

— Я граф Доринкорт, — сказал он.

Он помолчал, невольно взглянув на поднятые к нему глаза. Они так походили на большие детские глаза, столько раз за день с любовью смотревшие на него в эти последние месяцы, что ему стало как-то не по себе.

— Мальчик очень похож на вас, — заметил он отрывисто.

— Мне это часто говорят, милорд, — отвечала она, — но мне приятно думать, что он похож и на своего отца.

Голос у нее был чрезвычайно приятный, как и говорила леди Лорридейл, а держалась она просто и с достоинством. Его приход, судя по всему, ее совсем не взволновал.

— Да, — согласился граф, — он похож... и на моего сына... также. Он поднял руку и нервно дернул себя за ус.

— Вы знаете, — спросил он, — почему я приехал к вам?

— Я виделась с мистером Хэвишем, — начала миссис Эррол, — и он сообщил мне о тех требованиях, которые недавно...

— Я приехал, чтобы сказать вам, что эти требования будут тщательно изучены и, если только возможно, оспорены. Я приехал заверить вас, что мальчика будут защищать всей властью закона. Его права...

Она мягко прервала его.

— Ему не нужно ничего, что не принадлежит ему по праву, — сказала она, — даже если закон сможет ему это предоставить.

— К сожалению, это невозможно, — возразил граф. — Иначе это следовало бы сделать. Эта ужасная женщина со своим ребенком...

— Возможно, она любит его, как я люблю Седрика, милорд, — заметила маленькая миссис Эррол. — И если она была замужем за вашим старшим сыном, титул лорда Фаунтлероя принадлежит ее сыну, а не моему.

Она разговаривала с ним так же бесстрашно, как Седрик, и смотрела на него так же, как он, и старый граф, привыкший к беспрекословному повиновению, был в глубине души этим даже доволен. Такое обращение было для него внове и развлекло его, — ведь с ним так редко

не соглашались.

— Я полагаю, — произнес он, нахмурясь, — что вы предпочли бы, чтобы он не стал графом Доринкортом?

Румянец залил ее милое лицо.

— Быть графом Доринкортом весьма почетно, милорд, — отвечала она, — но я предпочла бы, чтобы он стал тем, чем был его отец, — честным, справедливым и верным человеком.

— В отличие от его деда, не правда ли? — произнес граф с сарказмом.

— Я не имею удовольствия знать его деда, — отвечала миссис Эррол, — однако мне известно, что мой сын считает...

Она смолкла, глянула ему прямо в лицо, а затем спокойно прибавила:

— Я знаю, что Седрик вас любит.

— А он бы любил меня, если бы вы ему сказали, почему я отказался принять вас в замке?

— Нет, — отвечала миссис Эррол. — Потому-то я и не хотела, чтобы он об этом узнал.

— Что ж, — произнес отрывисто граф, — немного найдется женщин, которые бы так поступили.

Внезапно он заходил по комнате и с еще большей силой дернул себя за ус.

— Да, он ко мне привязан, — сказал граф, — и я к нему тоже. Не могу сказать, чтобы когда-либо раньше испытывал это чувство. Да, я привязан к нему. Он мне с самого начала понравился. Я старый человек и устал от своей жизни. Он дал моей жизни смысл, и я горжусь им. Мне было приятно думать, что со временем он станет главой нашего рода. Он повернулся и остановился перед миссис Эррол.

— Мне очень тяжело, — признался он. — Очень!

И верно, так оно и было. При всей своей гордости он не мог собой овладеть: голос его прерывался, руки дрожали. Миссис Эррол даже показалось на миг, что в его суровых глазах, притаившихся в тени бровей, стояли слезы.

— Возможно, поэтому я и приехал к вам, — продолжал он, сердито глядя на нее. — Я вас ненавижу. Я ревновал его к вам. Эта ужасная, недостойная история все изменила. Увидав эту вульгарную женщину, которая называет себя женой моего сына Бевиса, я вдруг почувствовал, что взглянуть на вас было бы для меня истинным удовольствием. Я вел себя как глупый старый упрямец. Боюсь, что я плохо обошелся с вами. Вы похожи на мальчика, а он теперь для меня все, весь смысл моей жизни. Мне очень тяжело, и я пришел к вам просто потому, что вы похожи на мальчика и он любит вас, а я люблю его. Если только это возможно, будьте ко мне великодушны — ради него!

Все это он произнес суровым, чуть ли не резким тоном, однако вид у него был такой измученный, что сердце у миссис Эррол дрогнуло. Она встала и пододвинула ему кресло.

— Прошу вас, присядьте, — сказала она участливо. — Вы переволновались и очень устали, а вам надо беречь силы.

Такая простота и заботливость были столь же непривычны для графа, как и несогласие с ним. Он снова вспомнил о «мальчике» и послушно сел. Возможно, все эти несчастья пошли ему на пользу: не будь он в отчаянии, он продолжал бы неприязненно относиться к миссис Эррол, а теперь он искал у нее утешения. Правда, рядом с леди Фаунтлерой любая женщина показалась бы графу приятной, а у миссис Эррол было такое нежное лицо и голос и такое милое достоинство в движениях и манерах. Вскоре его мрачность стала понемногу рассеиваться, и граф еще более разговорился.

— Что бы ни случилось, — заявил он, — мальчика я обеспечу. Я о нем позабочусь и сейчас, и на будущее.

Перед тем как уйти, граф окинул взглядом комнату.

— Вам нравится этот дом? — спросил он.

— Очень, — отвечала миссис Эррол.

— Какая приятная комната, — заметил он. — Вы мне позволите навестить вас снова,

чтобы обсудить все это?

— Приходите, когда пожелаете, — сказала миссис Эррол.

Он вышел, уселся в карету и уехал. Томас и Генри, стоявшие на запятках, были до крайности поражены таким оборотом дел.

Глава тринадцатая ДИК ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ

Стоило истории о лорде Фаунтлерое и о том положении, в котором оказался граф Доринкорт, появиться в английских газетах, как о них начали писать и американские. История эта была слишком необычной, чтобы ограничиться короткими сообщениями, и потому ее освещали весьма подробно. Мнения высказывались самые разные; интересно было бы купить все газеты и сравнить все версии.

Мистер Хоббс столько всего прочитал, что вконец растерялся. В одной из газет говорилось, что Седрик — грудной младенец; в другой — что он юный студент, учится в Оксфорде, весьма там отличился и пишет стихи по-гречески; в третьей — что он помолвлен с необычайно красивой девицей, дочерью некоего герцога; в четвертой — что он на днях сочетался браком. Газеты молчали лишь о том, что это был семилетний мальчик с крепкими ножками и кудрявыми волосами. Какой-то листок даже написал, что он вовсе не родственник графу Доринкورتу, а маленький самозванец, который раньше продавал газеты на улицах Нью-Йорка и спал где придется, пока его мать не сумела обвести вокруг пальца адвоката, который приехал в Америку в поисках графского наследника. Газеты описывали нового лорда Фаунтлероя и его мать. То утверждали, что она цыганка, то — актриса, то — красавица испанка; впрочем, все сходились на том, что граф Доринкорт смертельно ее ненавидит и ни за что не признает ее сына наследником, а вследствие того, что в ее документах обнаружена некая неточность, неизбежен судебный процесс, который продлится долго и будет гораздо интереснее всех дел, что до сих пор разбирались в суде.

Мистер Хоббс читал все эти сообщения, пока голова у него не пошла кругом, а по вечерам обсуждал их с Диком. Теперь они поняли, какая важная персона граф Доринкорт, как велики его доходы, как обширны имения и великолепен замок, в котором он жил; и чем больше они узнавали, тем больше тревожились.

— Нет, надо что-то предпринять, — говорил мистер Хоббс. — Тут надо разобраться, хоть там графья, хоть не графья!

Впрочем, сделать они ничего не могли — разве что послать Седрику письма с заверениями в дружбе и участии. Они написали ему сразу же, как только услышали о том, что его право на титул оспаривается, а написав, показали друг другу свои послания.

Вот что мистер Хоббс прочитал в письме Дика:

«Дорогой друг, я твое письмо получил и мистер Хоббс тоже, жаль нам что тебе так ни повезло, а мы тебе гаварим: держись пака хватит сил и никаму ни уступай. Много на свете всяких варюг они только и ждут чтоб ты отвернулся, тут же слямят. Хачу тебе сказать я ни забыл что ты для меня сделал и если ничего у тибя не выйдет вазвращайся я вазьму тибя компаньоном. Дела идут хорошо, так что я тибя в обиду ни дам. Кто из этих бандитов к тибе полезет, будет иметь дело с прафесором Диком Типтоном.

Пака все. Дик».

А Дик в письме мистера Хоббса прочитал вот что:

«Дорогой сэръ, Ваше письмо получил — дела неважнецкие. Я-то уверен, все это подстроено, за такими ловкачами нужен глаз да глаз. Я пишу, чтобы сказать вам две вещи. Я этим делом займусь. Не волнуйтесь, а я с юристом повидаюсь и все, что надо, сделаю. А если уж совсем будет худо и графья нас одолеют, то, как подрастете, идите ко мне компаньоном в бакалею, у вас будет и дом и

Ваш искренний друг Сайлас Хоббс».

— Ну, — сказал мистер Хоббс после того, как письма были прочитаны, — если он все ж таки не граф, то мы с тобой на пару, Дик, его обеспечим.

— Это уж точно, — отвечал Дик, — я его ни за что не брошу. До чего ж я этого малыша полюбил, прямо сказать не могу.

На следующее утро Дик весьма удивил одного из своих клиентов. Это был молодой адвокат, только начинавший практиковать; бедный, как все начинающие адвокаты, но способный и энергичный юноша, умный и добродушный. У него была крошечная контора неподалеку от Дика, и Дик по утрам чистил ему сапоги, хотя частенько их надо было бы не чистить, а чинить. У молодого человека всегда находилось для Дика доброе слово или шутка. В то утро, когда адвокат поставил ногу на ящик и Дик принялся за дело, в руках у молодого человека была иллюстрированная газета — весьма бойкое издание с сенсационными фотографиями. Закончив просматривать ее, он на прощанье вручил ее Дику.

— Вот тебе газета, Дик, — сказал он. — Можешь почитать, когда пойдешь завтракать к Дельмонико. Там есть фотография английского замка и невестки английского графа. Представительная женщина, и волосы красивые, целая копна, только что-то она там скандалит. Надо и тебе познакомиться с дворянами и знатью. Вот и начни с достопочтенного графа Доринкорта и леди Фаунтлерой. Эй, в чем дело, Дик?

Фотографии были помещены на первой странице, и Дик так и впился в них, побледнев от волнения и широко раскрыв глаза и рот.

— Что случилось, Дик? — спросил адвокат. — В чем дело?

И вправду, вид у Дика был такой, будто случилось что-то совершенно поразительное. Он молча указал на фотографию, под которой стояла подпись:

«Мать претендента на титул (леди Фаунтлерой)».

Это была фотография красивой женщины с большими глазами и тяжелыми черными косами, уложенными вокруг головы.

— Это она! — произнес наконец Дик. — Господи Боже, да я ее знаю лучше, чем вас!

Молодой человек расхохотался.

— Где же ты с нею встречался, Дик? — спросил он. — В Ньюпорте? Или во время вашей последней поездки в Париж?

Но Дику было не до шуток. Он начал собирать свои щетки, словно у него было какое-то неотложное дело.

— Неважно где, — сказал он. — Но только я ее знаю! На сегодня с работой покончено.

Не прошло и пяти минут, как он уже мчался со всех ног в лавку мистера Хоббса. Мистер Хоббс не поверил своим глазам, когда, подняв от прилавка взгляд, увидел вдруг Дика, который ворвался в лавку с газетой в руках. Он тяжело дышал и сначала не мог ничего сказать, а только швырнул газету на прилавок.

— Что такое? — вскричал мистер Хоббс. — Что это у тебя?

— Вы только посмотрите! — проговорил Дик, с трудом переводя дух. — Посмотрите на эту женщину! Ну да, на эту самую! Тоже мне аристократка! Вот уж нет так нет! — В голосе у него зазвучало презрение.

— Никакая она не жена лорда! Можете что угодно со мной делать, только это Минна! Минна! Я ее всюду узнаю — и Бен тоже! Только спросите его! Мистер Хоббс опустил на стул.

— Я знал, что все это подстроено! — проговорил он. — Знал! Это они все подстроили, потому как он американец!

— Они? — повторил Дик с отвращением. — Это она все подстроила, вот кто! Это ее штучки! Хотите, я вам скажу, о чем я вспомнил, как только я ее физиономию увидел? Там в одной газете, что мы с вами читали, было сообщение, а в нем про ее сына говорилось, что у

него на подбородке шрам. Вот и пораскиньте умом, что это за шрам такой? А я вам вот что скажу: этот ее мальчишка такой же лорд, как и я! Это сын Бена! Она в меня тарелку швырнула, а попала в него... Помните? Это он и есть!

«Профессор» Дик Типтон был от природы парнишка смышленный, а жизнь в большом городе и необходимость зарабатывать себе на хлеб еще обострила его сообразительность. Он научился не теряться и все подмечать; к тому же надо признаться, что вся эта история ужасно его захватила. Если бы маленький лорд Фаунтлерой заглянул в то утро в лавку, он бы, конечно, тоже ею заинтересовался, даже если бы она касалась совсем другого мальчика, а не его.

Мистер Хоббс вконец растерялся от сознания собственной ответственности, но Дик тут же весьма энергично взялся за дело. Он написал письмо Бену, вырезал фотографию и вложил ее в конверт; мистер Хоббс тоже написал письма: одно — Седрику, другое — графу. В самый разгар трудов Дика вдруг осенило.

— Слушайте-ка, мистер Хоббс, — сказал он. — Этот парень, что мне газету дал, — адвокат. Давайте спросим у него, как поступить. Адвокаты все знают.

Мистер Хоббс был поражен этим предложением и деловитостью Дика.

— Так и поступим! — воскликнул он. — Это случай для адвоката.

И, оставив лавку под присмотром соседа, он натянул на себя пальто и отправился вместе с Диком в город. Явившись в контору мистера Харрисона, наши друзья изложили ему эту романтическую историю, чем немало его удивили.

Возможно, адвокат и не заинтересовался бы этой историей, не будь он так молод, предприимчив и не имей он столько досуга, — уж слишком невероятной она казалась. Однако случилось так, что адвокату надоело сидеть без дела, к тому же он знал Дика, а Дик весьма выразительно изложил свою точку зрения.

— Вы только скажите, сколько вы берете за час, — заявил мистер Хоббс, — и тщательно исследуйте это дело, а уж я оплачу все издержки. Меня зовут Сайлас Хоббс, угол Блэнк-стрит, зеленая и бакалея, самого лучшего качества.

— Что ж, — сказал мистер Харрисон, — если все это подтвердится, это будет замечательно для лорда Фаунтлероя, да и для меня это будет очень хорошо. Во всяком случае дело надо изучить, вреда от этого не будет. Относительно ребенка, как я понимаю, возникли кое-какие сомнения. Его мать сама возбудила подозрения, сделав противоречивые заявления относительно его возраста. Прежде всего следует написать брату Дика и семейному адвокату графа Доринкорта.

Солнце еще не зашло за горизонт, а уже письма были написаны и отправлены в двух противоположных направлениях — одно ушло на почтовом пароходе, отбывающем из Нью-Йоркского порта в Англию, а другое — в поезде, везущем пассажиров и почту в Калифорнию. Первое было адресовано: «Т. Хэвишему, эсквайру», а второе — «Бенджамину Типтону». В тот вечер, заперев лавку, мистер Хоббс и Дик до полуночи засиделись за беседой в задней комнате.

Глава четырнадцатая РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Как мало времени нужно для того, чтобы произошли самые удивительные события! Понадобилось всего несколько минут, чтобы изменить судьбу мальчугана, который сидел, болтая ногами, на высоком табурете в лавке мистера Хоббса: из скромного мальчика, живущего на тихой нью-йоркской улочке, он превратился в английского аристократа, наследника графского титула и огромного состояния. Всего несколько минут понадобилось и для того, чтобы из английского аристократа превратить его в маленького самозванца без гроша за душой, не имеющего никаких прав на то великолепие, которое его окружало. И как ни удивительно это может показаться, потребовалось еще меньше времени на то, чтобы снова все решительно изменить и вернуть ему то, что он чуть было не потерял.

Это произошло так быстро потому, что женщина, назвавшаяся леди Фаунтлерой, была

не столь умна, как безнравственна; и когда мистер Хэвишем подробно допросил ее о замужестве и о сыне, она раза два сбилась, чем возбудила его подозрения; а потом, рассердившись, потеряла присутствие духа и наговорила лишнего, чем еще более выдала себя. Все ее промахи касались исключительно ребенка. Относительно того, что она состояла с Бевисом в браке, поссорилась с ним и получила отступного, обещая оставить его в покое, сомнений не возникало; однако мистер Хэвишем обнаружил, что ее утверждение, будто мальчик родился в одном из районов Лондона, не соответствует истине. В разгар волнений, вызванных этим открытием, пришли вдруг письма от мистера Хоббса и от молодого нью-йоркского адвоката.

Ах, что это был за вечер, когда, получив эти письма, граф и мистер Хэвишем уселись в библиотеке с письмами в руках и обсудили план действий!

— После трех первых встреч с ней, — признался мистер Хэвишем, — у меня возникли серьезные подозрения. Мне казалось, что ребенок старше, чем она утверждает, а потом она сбилась, говоря о дате его рождения, и постаралась исправить ошибку. То, что сообщается в этих письмах, совпадает с некоторыми моими подозрениями. Лучше всего срочно вызвать обоих Типтонов и, не говоря ей ни слова, устроить им с нею неожиданную встречу. В сущности, она очень неопытная мошенница. Думаю, что она испугается донельзя и выдаст себя.

Так оно действительно и случилось. Ей ничего не сказали, и, чтобы не возбудить подозрений, мистер Хэвишем продолжал видеться с ней, говоря, что изучает дело; в результате она почувствовала себя увереннее, настроение у нее поднялось и, как и следовало ожидать, она стала вести себя вызывающе.

В одно прекрасное утро она сидела в своей комнате в гостинице «Доринкортский герб», строя радужные планы на будущее, как вдруг ей доложили, что ее желает видеть мистер Хэвишем. Адвокат вошел в комнату, а следом за ним в комнату вошли один за другим еще трое — подросток со смышленным лицом, высокий молодой мужчина и граф Доринкорт.

Она вскочила и вскрикнула от ужаса. Крик вырвался произвольно — она не успела его сдержать. Она-то думала, — впрочем, вот уже много лет, как она о них почти и не вспоминала, — что эти двое находятся за тысячи миль от нее. Она никак не ожидала увидеть их снова. Надо признать, что, увидев ее, Дик усмехнулся.

— Здравствуй, Минни! — сказал он.

Высокий мужчина — это был Бен — с минуту молча смотрел на нее.

— Вы знаете эту женщину? — спросил мистер Хэвишем, переводя взгляд с Бена на женщину.

— Да, — отвечал Бен. — Я ее знаю, и она меня знает. Он отвернулся и, подойдя к окну, стал смотреть в него, словно самый вид ее был ему противен. Так, впрочем, оно и было. Минни, увидав, что ее разоблачили, потеряла власть над собой и впала в бешенство, что Бену с Диком не раз приходилось наблюдать и раньше. Глядя на нее и слыша, как она осыпает всех проклятиями и угрозами, Дик снова усмехнулся. Бен же продолжал глядеть в окно.

— Я в любом суде присягну, что это она, — заявил он мистеру Хэвишему, — и еще дюжину свидетелей приведу, которые скажут то же. Ее отец — человек уважаемый, хоть в жизни ему и не повезло. А мать у нее была такая же, как она. Она-то умерла, а вот он жив и достаточно честен, чтобы стыдиться своей дочери. Он вам скажет, кто она такая и жена она мне или нет.

Внезапно он сжал кулаки и повернулся к ней.

— Где мальчик? — властно спросил он. — Он поедет со мной. Ему с тобой нечего делать, да и мне тоже!

В эту минуту дверь, ведущая в спальню, приоткрылась и в комнату выглянул мальчик, видимо, привлеченный громкими голосами. Он был некрасив, но приятен лицом и очень похож на своего отца Бена; на подбородке у него — все это тотчас заметили — красовался

треугольный шрам.

Бен подошел к мальчику и взял его за руку дрожащей рукой.

— Да, — сказал он, — и насчет него я тоже готов присягнуть. Том, — обратился он к мальчику, — я твой отец. Я приехал, чтобы забрать тебя с собой. Где твоя шапка?

Мальчик указал на шапку, лежавшую на стуле. Он явно обрадовался, что его забирают. Он так привык к неожиданностям, что совсем не удивился тому, что какой-то незнакомый человек называет себя его отцом. Ему не нравилась женщина, которая несколько месяцев назад явилась в семью, где он жил с младенчества, и объявила себя его матерью, и он был вполне готов к перемене в своей судьбе. Бен взял шапку и направился к двери.

— Если я вам еще буду нужен, — сказал он мистеру Хэвишему, — вы знаете, где меня искать.

И он ушел, взяв мальчика за руку и даже не взглянув на женщину. Она продолжала выкрикивать проклятья, а граф задумчиво смотрел на нее сквозь очки, которые он водрузил на свой орлиный нос.

— Успокойтесь, голубушка, — произнес мистер Хэвишем. — Ничего из этого у вас не выйдет. Если вы не хотите оказаться в тюрьме, вам надо вести себя прилично.

Голос у него был так спокоен и ровен, что она, верно, поняла, что всего безопаснее ей будет уйти, и, кинув на него на прощанье бешеный взгляд, бросилась в соседнюю комнату, с силой хлопнув дверью.

— Больше она нас не побеспокоит, — сказал мистер Хэвишем. Он оказался прав: в ту же ночь она съехала из гостиницы «Доринкортский герб», села в поезд, идущий в Лондон, и навсегда исчезла из виду.

Выйдя из гостиницы, граф быстрым шагом направился к карете.

— В Корт-Лодж, — сказал он Томасу.

— В Корт-Лодж, — сказал Томас кучеру, усевшись на козлы рядом с ним. — И уж ты мне поверь, дело принимает неожиданный оборот!

Когда карета остановилась у Корт-Лоджа, Седрик сидел в гостиной вместе с матерью.

Граф вошел без доклада. Он словно вырос на целый дюйм и заметно помолодел. Глаза его сверкали.

— Где, — спросил он, — лорд Фаунтлерой?

Миссис Эррол шагнула к нему, румянец залил ее щеки.

— Лорд Фаунтлерой? — повторила она. — Вы сказали, лорд Фаунтлерой?

Граф сжал ее руку.

— Да, — отвечал граф, — лорд Фаунтлерой. И он положил другую руку Седрику на плечо.

— Фаунтлерой, — произнес он, как всегда, прямо и властно, — спроси у своей матери, когда она переедет к нам в замок.

Фаунтлерой кинулся матери на шею.

— Жить с нами! — вскричал он. — Всегда жить с нами!

Граф взглянул на миссис Эррол, а миссис Эррол взглянула на графа. Его сиятельство был совершенно серьезен. Он решил не терять больше времени и поскорее устроить это дело. Он пришел к мысли, что лучше ему подружиться с матерью своего наследника.

— Вы уверены, что вам бы этого хотелось? — спросила миссис Эррол со своей милой мягкой улыбкой.

— Совершенно уверен, — отвечал без всяких колебаний граф. — Мы всегда этого хотели, хотя и не отдавали себе в этом отчета. Мы надеемся, что вы переедете к нам.

Глава пятнадцатая СЕДРИКУ ИСПОЛНЯЕТСЯ ВОСЕМЬ ЛЕТ

Бен увез сына на свое ранчо в Калифорнии; возвращение его было очень приятным. Незадолго до отъезда у него состоялась встреча с мистером Хэвишем, во время которой

адвокат сообщил Бену, что граф Доринкорт желал бы что-то сделать для мальчика, который мог оказаться лордом Фаунтлероем, и потому решил, что было бы неплохо вложить деньги в собственное ранчо, а Бена поставить управляющим, определив ему очень хороший оклад, который позволил бы ему обеспечить будущее сына.

В результате Бен уезжал хозяином ранчо, которое должно было почти полностью находиться в его распоряжении, а со временем могло и вовсе перейти в его собственность, что на деле и случилось через несколько лет. А его сын Том вырос прекрасным юношей, преданным и любящим; они были счастливы с Беном, и дела у них шли так хорошо, что Бен не раз повторял, будто Том вознаграждал его сторицей за все выпавшие на его долю беды.

Но Дик и мистер Хоббс (который тоже приехал в Англию, чтобы все прошло, как надо) не сразу вернулись домой. С самого начала было решено, что граф позаботится о Дике и даст ему серьезное образование; а мистер Хоббс, оставивший лавку в надежных руках, решил, что может задержаться, чтобы увидеть, как будут праздновать день рождения лорда Фаунтлероя. На праздник пригласили всех арендаторов. Их ждало угощение, танцы и игры в парке, а вечером — костры и фейерверк.

— Ну совсем как Четвертое июля! — говорил лорд Фаунтлерой. — Жаль, что я не родился четвертого, правда? Тогда бы мы отпраздновали и то и другое вместе.

Надо признать, что поначалу граф и мистер Хоббс сошлись не так близко, как можно было бы надеяться, исходя из интересов английской аристократии. Дело в том, что раньше графу редко доводилось общаться с бакалейщиками, а среди близких знакомых мистера Хоббса аристократы попадались не часто, и потому во время их немногочисленных встреч беседа не текла ручьем. Надо также признать, что мистера Хоббса весьма поразило все то великолепие, которое Фаунтлерой счел своим долгом ему показать.

Въездные ворота с каменными львами и широкая аллея, ведущая к замку, сразу же произвели на мистера Хоббса сильнейшее впечатление; но когда он увидел замок, цветники, оранжереи, парковые террасы, павлинов, подземелье, кольчугу, парадную лестницу, конюшни и ливрейных лакеев, он совсем растерялся. Последний удар был нанесен картинной галереей.

— Это что-то вроде музея? — спросил он Фаунтлероя, входя в огромную красивую залу.

— Н-нет! — отвечал неуверенно Фаунтлерой. — Дедушка говорит, что это все мои предки и прашуры.

— Предки и... ящурь? — повторил мистер Хоббс. — Все эти люди — ящурь?! Ну и ну, ни за что бы такое про них не подумал! Он опустился в кресло и с тревогой обвел стены взглядом; лорду Фаунтлерою стоило большого труда растолковать ему, что за портреты висели на стенах.

Пришлось ему призвать на помощь миссис Меллон, которая знала все про эти картины и могла рассказать, кто их писал и когда, и какие романтические истории связывались с изображенными на них лордами и леди.

Когда же мистер Хоббс выслушал эти истории и понял, что это были за портреты, он был совершенно потрясен и заморожен. Он стал навещать замок (остановился он в деревне, в гостинице «Доринкортский герб») и проводить полчаса в галерее, трясая головой и глядя на живописных леди и джентльменов, которые тоже глядели на него.

— И все графья, — бормотал он, — или вроде того! И наш-то тоже будет, и все это к нему перейдет!

В глубине души он не испытывал, как ожидал, отвращения к «графьям» и их образу жизни; возможно, что его республиканские принципы несколько пошатнулись, когда он ближе познакомился с замками, предками и всем прочим. Во всяком случае, однажды он высказал весьма примечательное и неожиданное суждение.

— Я бы и сам не прочь оказаться на их месте! — признался он, что было существенной уступкой с его стороны.

Ах, какой это был замечательный день, когда лорду Фаунтлерою исполнилось восемь лет, и как он радовался этому! Как прекрасен был парк, наполненный празднично одетыми людьми! Как развевались флаги на верхушках палаток и на шпиле замка! Все, кто только мог, пришли, ибо все от души радовались тому, что маленький лорд Фаунтлерой так и останется маленьким лордом Фаунтлероем и со временем станет владельцем всего имения. Всем хотелось взглянуть на него и на его прелестную добрую маму, которая со многими здесь подружилась. И решительно все теперь думали о графе лучше, чем прежде, и даже испытывали к нему приязнь, потому что малыш так его любил и верил ему, и еще потому, что граф признал его мать и обращался с ней теперь весьма почтительно. Говорили, что он уже успел к ней привязаться, что под влиянием маленького лорда и миссис Эррол граф может со временем стать, ко всеобщему благу и удовольствию, вполне достойным джентльменом.

Сколько народу толпилось в палатках, в аллеях и на лужайках! Там были фермеры в воскресных костюмах, фермерши в чепцах и шальях и девушки со своими возлюбленными; дети играли и бегали друг за другом; старушки в красных салопах обменивались новостями. А в замок съехались дамы и господа, чтобы посмотреть на всеобщее веселье, поздравить графа и познакомиться с миссис Эррол. Были там и леди Лорридейл, и сэр Гарри, и сэр Томас Эш с дочерьми, и, конечно, мистер Хэвишем; приехала и красавица мисс Вивьен Херберт в прелестном белом платье и с кружевным зонтиком; она была окружена кольцом поклонников, хотя Фаунтлерой ей явно нравился больше, чем все они, вместе взятые. Когда Седрик увидел ее, он подбежал к ней и крепко обнял ее, а она тоже его обняла и расцеловала так, словно он был ее любимым братишкой.

— Милый маленький лорд Фаунтлерой! — воскликнула она. — Милый мальчик! Я так рада! Так рада!

И она разрешила ему провести ее по замку и парку и все ей показать. А потом он подвел ее к мистеру Хоббсу и Дику.

— Это мой старый, старый друг, мистер Хоббс, мисс Херберт, а это мой второй старый друг, Дик. Я им говорил, какая вы красивая... И еще я сказал, что они вас увидят, если вы приедете ко мне на день рождения. Мисс Херберт пожала руку мистеру Хоббсу и Дику и очень мило с ними побеседовала — расспросила их об Америке и о том, как они плыли через океан и как им живется в Англии; а Фаунтлерой стоял рядом, с обожанием глядя на нее, и щеки его от восторга пылали, потому что он видел, что она очень понравилась его друзьям.

— Да, — заявил потом торжественно Дик, — такой красотики я в жисть свою не встречал! Она... ну просто цветочек, вот что я вам скажу! Когда мисс Херберт шла мимо, все на нее оглядывались, да и на маленького лорда Фаунтлероя тоже. Сверкало солнце, весело развевались флаги, в парке танцевали и играли во всевозможные игры, и, глядя на все это веселье, маленький лорд просто сиял от радости. Весь мир казался ему удивительно прекрасным.

И еще один человек был счастлив в тот день — старый человек, который, несмотря на все свое богатство и знатность, редко радовался от души. Мне бы хотелось думать, что ему потому было так хорошо на душе, что за это время он сделался несколько лучше. Разумеется, он не стал вдруг тем добрым человеком, за которого принимал его Фаунтлерой, но все же он кого-то полюбил и испытал какое-то удовольствие оттого, что совершил несколько добрых поступков, подсказанных ему чистым и любящим сердцем ребенка, — и это уже было немало.

С каждым днем он со все большим удовольствием смотрел на жену своего сына. Поговаривали, что она ему теперь положительно нравилась, и это было правдой. Ему приятно было слышать ее милый голос, видеть ее милое лицо; сидя в своем кресле, он следил за ее движениями, слушал, как она говорит с сыном. Ее нежные и добрые речи были ему непривычны; вслушиваясь в них, он начал понимать, почему малыш, выросший на глухой

ню-йоркской улочке и водивший дружбу с бакалейщиком и чистильщиком сапог, оказался так прекрасно воспитан, что за него никому не пришлось краснеть, когда по велению судьбы он стал наследником графского титула и поселился в английском замке.

На самом-то деле все это было очень понятно. Просто мальчик жил рядом с доброй и нежной душой и воспитывался в добрых помыслах и заботе о людях. Возможно, это не так уж и много, но это лучшее, что есть в жизни. Он ничего не знал о замках и графах; он и не подозревал о существовании всякого блеска и великолепия; но его нельзя было не любить, ибо это была простая, любящая душа. Иметь такую душу все равно что родиться королем.

С искренним удовольствием глядел граф Доринкорт на маленького лорда Фаунтлероя — вот он гуляет с гостями по парку, беседует с теми, с кем знаком, и с готовностью кланяется, когда кто-то здоровается с ним, вот развлекает своих американских друзей, вот стоит возле матери или мисс Херберт и слушает их.

Когда же он направился вместе с Фаунтлероем к самой большой палатке, где за роскошной трапезой сидели все самые крупные арендаторы, довольству его не было границ. Арендаторы пили здравицы; выпив за здоровье графа с воодушевлением, какого его имя никогда прежде не вызывало, они подняли бокалы за «маленького лорда Фаунтлероя». И если у кого-либо прежде и были сомнения относительно того, пользуется ли юный лорд популярностью или нет, то они сию же минуту и рассеялись. Как все закричали, как захлопали в ладоши, как зазвенели стаканы! Эти люди с горячими сердцами так его полюбили, что совсем забыли о сдержанности и не обращали внимания на знатных дам и господ из замка, которые пришли посмотреть на них. Поднялся страшный шум, и какая-то фермерша с нежностью глянула на мальчика, стоявшего между графом и миссис Эррол, смахнула слезу и сказала соседке:

— Господь благослови нашего красавчика!

Маленький лорд Фаунтлерой был в восторге.

Он улыбался, кланялся и краснел от удовольствия до самых корней волос.

— Значит, я им нравлюсь, Дорогая? — спросил он. — Правда, Дорогая? Я так этому рад!

Тут граф положил руку на плечо мальчика и сказал:

— Фаунтлерой, поблагодари их за их доброту.

Фаунтлерой взглянул на него, а потом на мать.

— Это так нужно? — сказал он робея.

Миссис Эррол улыбнулась ему, и мисс Херберт тоже улыбнулась, и обе они кивнули. Тогда он шагнул вперед, и все тотчас устремили на него взгляды, — такой это был красивый и милый мальчик с открытым и смелым лицом! — и громко, что было сил, произнес своим звонким детским голосом:

— Я вам так благодарен! Я... надеюсь, что вы хорошо повеселились на моем дне рождения... потому что мне было очень весело... И я... очень рад, что буду графом... Сначала я думал, что мне это не понравится, а теперь я доволен... И эти места я очень люблю... они такие красивые... И еще-еще... когда я стану графом, я постараюсь быть таким же добрым, как дедушка.

И среди криков и аплодисментов он отступил назад с легким вздохом облегчения и, взяв графа за руку, с улыбкой прислонился к его колену.

Этим я и хотела бы закончить свой рассказ. Впрочем, я должна сообщить еще одну небезынтересную подробность. Мистер Хоббс настолько пленился жизнью высшего общества и ему так жаль было расставаться со своим юным другом, что он продал лавку на углу тихой ню-йоркской улицы и поселился в английской деревне Эрлсборо, где тоже открыл торговлю, которой покровительствовал замок и которая потому процветала. И хотя они с графом не сошлись очень близко, все же, можете мне поверить, этот человек Хоббс стал со временем еще большим приверженцем аристократии, чем его сиятельство: каждое утро он читал придворные новости и внимательно следил за всем, что происходит в Палате

лордов!

Спустя десять лет, когда Дик, закончив образование, поехал в Калифорнию навестить брата, он спросил бакалейщика, не хочет ли тот возвратиться в Америку, на что мистер Хоббс только задумчиво покачал головой.

— Нет, жить я там не хочу, — проговорил он. — Нет, не хочу... Я хочу быть рядом с ним, присматривать за ним, так сказать... Америка — хорошая страна для тех, кто молод и полон сил, — но там есть свои недостатки, Ящуров там ни одного нет! Да и графьев тоже!

Вступительная статья переводчика

Одно из самых светлых и добрых впечатлений людей старшего поколения — небольшая книжка англо-американской писательницы Фрэнсис Ходгсон Бернетт «Маленький лорд Фаунтлерой», выходящая у нас и под названием «Маленький лорд», и «Приключения маленького лорда». Автору этих строк довелось читать ее в далекие довоенные годы. И по сей день помнится то теплое, радостное чувство, с каким бралась в руки эта книжка с рассыпающимися листками, как бережно передавалась друзьям и как прояснялись лица тех, кто говорил о ней.

В России «Маленький лорд Фаунтлерой» стал известен уже через два года после выхода в свет в Соединенных Штатах. В 1888 году журнал «Родник» опубликовал перевод, на котором не было, как это нередко случалось в те дни, имени переводчика, зато было помечено: «под редакцией Е. Сысоевой» (Екатерина Сысоева и Алексей Альмединген издавали журнал и приложения к нему). Не прошло и года, как этот перевод вышел роскошным, большого формата томом в красочной обложке. Его выпустил петербургский книгоиздатель А. Ф. Девриен. Это было, так сказать, подарочное издание, выдержавшее впоследствии не одно воспроизведение. Затем переводы — и все разные! — посыпались как из рога изобилия. Где только не издавали «Маленького лорда»! В Петербурге, Москве, Киеве, в издательствах И. Д. Сытина, М. О. Вольфа, Е. В. Лавровой и Н. Л. Попова, В. И. Гусинского... Каждый издатель выбирал своего переводчика (или переводчик издателя), но все воспроизводили — лучше или хуже — иллюстрации Реджинальда Берча.

Переводы были выполнены для своего времени вполне «удовлетворительно» (так оценивали их рецензенты), хотя в некоторых и чувствовалась спешка. Современному читателю, впрочем, странными покажутся и транслитерация имен (маленький лорд у одного переводчика именуется «Кедрик», а у другого «Цедрик», а сама писательница становится Франциской), и передача английских реалий, особенно тех, что касаются отношений землевладельца-лендлорда с его арендаторами, и сентиментальность, нередко переходящая в слезливость. Но пуще всего удивляет вольность обращения с текстом: переводчик то пропускает целые абзацы, то передает их в нескольких словах, то весьма произвольно трактует смысл. Впрочем, удивляться мы не должны. Переводчики конца прошлого века (да и первой четверти нашего века тоже) считали такие вольности вполне правомерными. В соответствии с установками того времени они нередко не переводили, а пересказывали текст, попутно исправляя, сокращая или поясняя его, руководствуясь собственными представлениями о том, какой должна быть книжка. На некоторые частные недостатки появившихся переводов «Маленького лорда Фаунтлероя» указывали рецензенты.

«Перевод вполне удовлетворителен, — замечал один из них по поводу работы М. и Е. Соломиных, вышедшей в издании О. Поповой. — К сожалению, переводчик, придерживаясь оригинала, заменил местоимение „ты“ английским „вы“, которое странно звучит для русского уха».

Скажем сразу, что никакие недостатки перевода не помешали русскому читателю полюбить «Маленького лорда». Причина тому кроется в самом характере литературного дара писательницы, верно подмеченном русской критикой. Вот что писала в обзоре творчества Фрэнсис Ходгсон Бернетт В. Абрамова в 1913 году:

«Она обладает характерной литературной физиономией, ценным качеством, благодаря которому ее невозможно смешать с каким-либо другим автором. Бернетт горячо и нежно любит лиц, ею описываемых. К своим героям она совершенно не может отнестись объективно, беспристрастно. Это ее дети, если не плоть от плоти, то дух от духа. Она в них живет, и оттого, верно, ее произведения читаются с таким увлечением, от них трудно оторваться... Впечатление художественности, получается, от непринужденной легкости языка, от живости диалогов и от умения в немногих словах изобразить описываемое лицо или местность».

А С. Долгов в предисловии к переводу, вышедшему в издательстве Сытина, отмечает:

«По некоторым чертам своим талант госпожи Бернетт (sic!), завоевавшей себе лестную репутацию в Америке, напоминает Диккенса, который героями своих крупнейших и лучших романов брал тоже детей или подростков. Но мы по опыту знаем, что от этого романы его нисколько не теряют интереса и для нас, взрослых, а, напротив, приобретают еще особую прелесть».

В начале века появились на русском языке и некоторые другие произведения писательницы — роман «Дикая», повесть «Сара Кру», «В запертой комнате», «Маленькая подвижница» и другие. Все они быстро раскупались и имели успех, — но для российского читателя Бернетт оставалась создательницей «Маленького лорда».

Октябрь положил конец переизданиям «Фаунтлероя». В 1918 году он еще вышел в последний раз в товариществе И. Кнебель — в старом правописании, с ятем, фитой и пр. — но на том все и кончилось. В течение семидесяти трех последующих лет «Маленький лорд» не переиздавался, и, казалось, был прочно забыт. В редких упоминаниях, которые встречались порой в нашей критике, его называли сентиментальным, не вдаваясь в вопрос о том, так ли уж это плохо. Теперь наконец, по прошествии всех этих лет, «Фаунтлерой» возвращается из небытия.

Фрэнсис Элайза Ходгсон Бернетт (Бернетт — фамилия ее первого мужа, под которой она и печаталась, опустив данное ей при крещении второе имя) была англичанкой по происхождению. Она родилась 24 ноября 1849 года в Манчестере в разгар промышленного кризиса и борьбы за хартию. Отец ее был торговцем скобяными изделиями; ценой больших усилий он поднялся до продажи бронзы, подсвечников, канделябров и прочих предметов скобяной роскоши в богатые дома, что в строго регламентированной викторианской Англии позволяло считать его представителем «среднего класса», чем он немало гордился.

Когда Фрэнсис было три года, отец ее умер, и матери пришлось взять на себя семейное дело. Спокойной, обеспеченной жизни скоро пришел конец. Через три года семья переехала в другой дом, расположенный на улице, по которой проходила граница между уважаемым городом и трущобами. Из окон нового дома была видна соседняя улица, где ютилась фабричная беднота. Здесь в течение почти целого десятилетия юная Фрэнсис наблюдала жизнь бедняков, глубокий интерес и сочувствие к которым она сохранила до конца своих дней.

Литературные способности Фрэнсис обнаружила еще, будучи ученицей маленькой частной школы, расположенной на той же улице. Свои рассказы она записывала в тетрадях для кухонных расходов.

Ее учительница Сара Хэтфилд позже вспоминала:

«Фрэнсис страстно любила читать, „сухость“ текста ее не останавливала. Ее талант рассказчицы проявился очень рано; в школе дети окружали ее и стоя слушали как зачарованные, когда она сочиняла для их развлечения какую-нибудь историю с самыми необычными приключениями».

Младшая ее сестра Эдит, которая обычно бывала первой — и всегда восторженной! — слушательницей, так вспоминает об этих ранних рассказах:

«Эти истории были очень романтичны. В них всегда был один герой — больной, покинутый и несчастный, которому почему-то сильно не повезло, и другой — смелый, сильный и добрый. Сильному приходилось преодолевать всякие трудности и испытания. Но в конце концов, все кончалось хорошо, словно в сказке».

Это стремление устроить судьбу своих героев, преодолев несчастье и зло и дав добро восторжествовать, Фрэнсис сохранила на всю жизнь.

Когда Фрэнсис исполнилось шестнадцать лет, мать продала приносившее одни убытки дело и приняла решение ехать в Америку, где в Ноксвилле (штат Теннесси) жил ее брат, державший небольшую бакалейную лавку (не он ли послужил прототипом для мистера Хоббса, друга маленького лорда Фаунтлероя?).

Первые годы в Теннесси были очень трудны — кончилась Гражданская война, потерпевший поражение Юг лежал в руинах. Ходгсоны поселились в простой деревянной хижине в деревне неподалеку от Ноксвилла; привезенные из Англии приличные платья, которыми девицы поражали соседей, щеголявших в мешковине, вскоре износились; на жизнь приходилось зарабатывать самым простым трудом, не гнушаясь никаким заработком.

Фрэнсис начала писать, чтобы помочь семье. «Моя цель — вознаграждение», — признавалась она в одном из первых писем, вложенном в посылку с рукописью. В своей автобиографии она рассказала, что нанималась работать на сбор винограда, чтобы оплатить почтовые расходы по рассылке рукописей в разные журналы. Ее рассказы — под различными псевдонимами — стали появляться в печати.

В 1870 году умерла миссис Ходгсон; двадцатилетняя Фрэнсис осталась главой семьи. На ее рассказы обратили внимание; один из серьезных журналов — «Скрибнерз» — оценил ее одаренность, несмотря на наивность первых попыток. Ей повезло: она попала к хорошему редактору, много сделавшему для развития ее таланта. Начинается ее сотрудничество с журналом «Скрибнерз» и некоторыми другими престижными журналами, литературный уровень которых значительно выше обычных периодических изданий. Вскоре фирма «Скрибнерз» стала печатать в своем издательстве и книги Фрэнсис; сотрудничество это продолжалось, за небольшими исключениями, всю ее жизнь.

В 1873 году Фрэнсис вышла замуж за своего соседа по Ноксвиллу, доктора Свона Бернетта. От этого брака у нее было двое сыновей: Лайонел и Вивьен, послуживший прототипом для Седрика Эррола. Доктор Бернетт был видным специалистом по глазным болезням; позже он написал классический труд в этой области. Он взял на себя ведение всех издательских дел своей жены и оказался весьма деловым литературным агентом. Брак не был счастливым, и когда дети подросли, супруги разошлись.

Фрэнсис Ходгсон Бернетт (это имя она сохранила и после развода) оказалась идеальной матерью. Она не только нежно любила, но и хорошо понимала своих сыновей и, никогда не навязывая им свою волю (а она была волевою женщиной), умела жить их интересами и всячески помогать им. В ее автобиографии и книге воспоминаний, написанной позже Вивьеном, много живых зарисовок, проливающих свет на их взаимоотношения. Ограничимся одной из них.

Как-то, когда Фрэнсис лежала больная в постели, мальчики затеяли возню в соседней комнате. Их пытались урезонить, но они вошли в азарт, кидались подушками, вопили и пр. Внезапно на пороге выросла Фрэнсис. Настало молчание. Потом Вивьен бросил ей под ноги подушку и произнес: «Дорогая, если уж ты собираешься нас отшлепать, то стань, пожалуйста, на подушку, а то у тебя ножки босые». Мальчики звали мать «Дорогая» — Седрик Эррол заимствовал у них эту форму обращения, так же как и ряд эпизодов из их биографии.

В 80-е годы Бернетт уже известная писательница; ее романы и повести печатаются по обе стороны океана. Среди лучших ее произведений — первый роман «Эта девчонка Лоури», написанный по воспоминаниям о манчестерских бедняках, повести и романы из американской и английской жизни, рассказы и повести для юношества.

Она живет в Вашингтоне, в Нью-Йорке, в Бостоне, ездит в Англию и на континент, подолгу живет там, общаясь с американцами, уехавшими в Европу, и с самым знаменитым из них — Генри Джеймсом. Она покупает и продает дома, устраивает судьбу родных и друзей, благотворительствует, помогает...

Она дружит с Марком Твеном, Оливером Венделлом Холмсом; в ее доме бывает Оскар Уайльд, совершающий свое сенсационное турне по Соединенным Штатам; среди поклонников ее творчества — Харриет Бичер-Стоу, американский поэт Джеймс Рассел Лоуэлл, английский премьер-министр Гладстон, американский президент Гарфилд. Марк Твен мечтает осуществить с ней и Хоуэллсом следующий план: выбрав какой-то сюжет и героев, написать — каждому в своем стиле — по повести и сравнить их. Как жаль, что этому плану не суждено было осуществиться! Генри Джеймс переписывается с нею и пророчески замечает в анонимной статье, написанной еще до личного знакомства с писательницей, что в стиле ее есть «трогательная простота, которая вместе с присущей ей изобретательностью будет весьма полезна в нравственной повести для юношества».

Такой повестью и оказался «Маленький лорд Фаунтлерой», над которым Бернетт работала в 1885 году. Сама писательница определила его жанр как роман; впрочем, следует иметь в виду, что английское слово «novel» трактуется довольно широко, включая в себя и собственно романы, и повести. Журнальный вариант начал печататься в том же году (работала Бернетт быстро, а в данном случае — и с упоением); полностью он был опубликован в 1886 году. Тогда же появились отдельные издания в США и Англии; за ними последовали переводы на европейские языки. «Фаунтлерой» сразу стал бестселлером.

В первый же год после выхода в свет были проданы 43 тысячи экземпляров — огромная цифра для того времени! Всего за период, прошедший после его публикации, было продано свыше миллиона экземпляров — на одном только английском языке, не считая переводов. По «Фаунтлерою» ставились спектакли, снимались фильмы — в одном из них главную роль исполнял Бестер Китон, в другом — Мэри Пикфорд, игравшая также и миссис Эррол. Совсем недавно в Англии была показана телевизионная постановка, имевшая немалый успех.

В чем же причина такой популярности этой незамысловатой книжки? Прежде всего — именно в простоте и универсальности ее темы. Маленький мальчик, разлученный со своей овдовевшей матерью, суровый старик аристократ, постепенно смягчающийся под влиянием открытого и благородного детского сердца, — эта романтическая тема не могла не покорить сердца читателей.

Бернетт писала «с жизни»: образ мальчика не вызывает сомнений, он настолько убедителен, что в него веришь сразу и безоговорочно. «Конечно, это не портрет, — заметила как-то приятельница Бернетт, жившая с ней во время написания книги, — но, несомненно, если бы Вивьена не было, не было бы и Фаунтлероя».

Сама писательница так вспоминает о рождении замысла этой книги:

«Вивьен был таким патриотом, таким пылким юным американцем; он был так увлечен предстоящими президентскими выборами; его соображения были так интересны! Я начала, помимо всего прочего, думать о том, как он, весь раскрасневшись и с самым увлеченным видом стал бы делиться этими соображениями с консервативными англичанами...

Поначалу это была всего лишь мимолетная фантазия, но в один прекрасный день я подумала: я напишу о нем книгу. Пусть он попадет в совершенно новое для себя окружение — посмотрим, как он поведет себя.

Но как же свести маленького американца и английского аристократа, раздражительного, консервативного, неприятного? Он должен с ним жить,

беседовать с ним, раскрыть перед ним свой наивный врожденный демократизм. Лучше всего, если это будет ребенок, живший в очень простых условиях. Эврика! Я сделаю его сыном младшего сына, расставшегося со своим суровым отцом-аристократом из-за того, что он женился на бедной и красивой американке. Отец мальчика умирает, его старшие братья умирают, мальчик становится наследником титула. Как это его удивит! Да, решено, и Вивьен станет этим героем — Вивьен с его вьющимися волосами и его глазами, с дружелюбным и добрым сердцем. Маленький лорд Такой-то... Какое хорошее название! Маленький лорд... Маленький лорд... Как же его назвать? Через день он стал маленьким лордом Фаунтлероем. Такую повесть легко писать. Частично она разворачивалась перед моими глазами».

Это было время, когда англо-американская или американо-английская тема вызывала всеобщий интерес по обе стороны океана. В известном смысле Бернетт разрабатывала ту же тему, что и ее великий друг Генри Джеймс, только, разумеется, на совсем другом материале и уровне.

Маленький республиканец, попадающий в консервативную старую Англию, — это своеобразный «дикарь», «разведчик», «скаут», глядящий на старый мир свежим детским взором. Все ему внове, непонятно — испытанный прием «остранения» позволяет многое сказать автору, многому вынести осуждение или даже приговор. Вместе с тем все его недоумения и ошибки так милительны, так естественны и смешны!

Вспомним хотя бы сцену, когда Седрик, впервые проснувшись в спальне замка, знакомится со своей няней. Он не знает, что в старых домах английской аристократии прислугу принято звать по фамилии, и вежливо осведомляется: «Мисс Доусон или миссис Доусон?», чем вызывает улыбку не только своей нянюшки, но и читателей. Но это не насмешливая улыбка: маленький демократ пробуждает лучшие чувства в сердцах своих читателей. Не случайно слуги, — эти самые суровые и нелюбезные судьи своих господ! — не колеблясь, объявляют Седрика настоящим джентльменом.

Здесь не место рассматривать эволюцию этого понятия, столь важного для понимания психологии англичан. Заметим только, что к концу XIX века произошел решительный сдвиг его в сторону сугубо нравственных, моральных оценок. Позиция Бернетт перекликается с позицией таких весьма различных писателей, как Дж.-Б. Шоу, Дж.-М. Барри, Ф.-М. Форд, позже У.-С. Моэм...

«Основной секрет не в том, — писал Дж.-Б. Шоу, — плохие у тебя манеры или хорошие и есть ли они у тебя вообще, а в том, чтобы иметь одну и ту же манеру по отношению к любой человеческой душе».

И Седрик, с одинаковой гордостью представляющий гостям своего деда, графа Доринкорта, и своего друга, бакалейщика мистера Хоббса, Седрик, пекущийся о бедняках, Седрик, который, теряя титул и наследство, думает лишь о том, будет ли дед по-прежнему любить его, безусловно выступает в книге Бернетт как идеал нравственного поведения, как настоящий джентльмен в этом новом, изменившемся смысле слова.

Конечно, как пронзительно заметил один критик, Бернетт удалось совместить в своей повести несовместимое: ее герой — юный республиканец и в то же время несомненный аристократ, наследник титула и поместья. В результате ее американские читатели получили возможность и насладиться жизнью в старинном английском именье, ничуть не поступаясь своими принципами, и сохранить чувство превосходства, присущее сторонникам демократического правления. В этом критик видит еще одну причину популярности книги Бернетт, с чем, пожалуй, спорить трудно.

Фрэнсис Ходгсон Бернетт, как мы уже видели, нередко сравнивают с Диккенсом. При всем несходстве масштабов и характеров их дарований это не лишено известных оснований. Симпатии к бедным и сирым, доброта, юмор — эти черты несомненно сближают двух писателей.

Упомянем еще одно свойство, которое было присуще раннему Диккенсу и в высшей

степени свойственно Бернетт. Это та неукоснительная, святая вера в конечную победу добра, которую порой называют сказочностью. «Ее произведения читаются с таким увлечением, что от них трудно оторваться, — пишет в приведенной выше статье В. Абрамова. — Читая, видишь недостатки автора, чувствуешь, что три четверти того, что она выдает за правду, есть вымысел, а все-таки читаешь с удовольствием и кончаешь книгу с мыслью: все это сказка, несмотря на строго реальную форму, но сказка увлекательная и художественная». И несколько ниже прибавляет: «Бернетт хочет сделать из жизни красивую сказку. И делает это с таким увлечением, что увлекает и читателя».

Все это верно. На некоторые несообразности сюжета повести о маленьком лорде указывают и другие критики. Биограф Бернетт Энн Твейт, например, отмечала неправдоподобие того случая, который помогает Дику, чистильщику сапог в Америке, разоблачить претендента на титул Фаунтлероя. По мнению Твейт, только необычайный дар рассказчика позволил Бернетт преодолеть эти и подобные трудности.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание читателей и на другое возможное объяснение. Необычайный успех книги Бернетт вызван, как нам кажется, и тем, что она, возможно, сама того не сознавая, апеллирует к древнейшим архетипам, заложенным еще на мифологическом уровне сознания. Как показывают новейшие изыскания, именно эти, мифологические структуры, проникшие позже в несколько измененном виде и в сказки, служат мощным рычагом воздействия на читателей.

«Сказочность» повести Бернетт приобретает в этом смысле иное объяснение. «Синдром Золушки» получает здесь своеобразное, но вполне узнаваемое многочисленными читателями развитие. Седрик — сын третьего, младшего сына, два старших брата которого явные «неудачники» (воспользуемся здесь терминологией В. Я. Проппа, классический труд которого «Морфология сказки» (1928) позволит нам прояснить структуру «Фаунтлероя» и некоторые «функции» его действующих лиц). «Удача» отца Седрика, младшего сына графа Доринкорта, заключается, как и положено в сказке, лишь в его красоте, добром и честном нраве. Эта «удача» после его смерти передается его единственному сыну. На протяжении всей книги происходит своеобразное «испытание» силы, ловкости, мужества, терпения, из которого Седрик выходит с честью. Сказочное «вредительство» и «похищение добычи» также получают с появлением претендента и его матери некое преломление в книге, но, пожалуй, наиболее впечатляющим эпизодом является сцена, связанная со сказочным же «узнаванием» по «метке» (шрам на подбородке), и последующее изобличение «ложного героя», или «вредителя», в роли которых выступают сын Бена и его мать. Все это вместе с «синдромом Золушки», в полном соответствии с которым герой из бедности и приниженного положения попадает (в традиционной сказке) в королевский дворец, ясно прочитывается в книге, апеллируя к глубинным пластам сознания ее читателей и обеспечивая ей успех.

Заметим кстати, что многое из того, что описывает Бернетт, совсем не так далеко от реализма, как это кажется ее критикам. Описание бедственного положения крестьян в имении графа Доринкорта, к примеру, взято с натуры. В начале 80-х годов в Англии было несколько недородов, прокатилась волна эпидемий среди скота, сельские жители находились в ужасном положении, сельское хозяйство оказалось в глубоком кризисе. Описывая эту ситуацию, Бернетт смещает акценты, возлагая вину за бедственное положение крестьян исключительно на графа и его управляющего, однако от этого сама ситуация не становится менее реальной, а описание менее реалистичным.

Особенно удаются Бернетт описания жизни в поместье и всевозможных видов и градаций снобизма, издавна распространенного в старой Англии (вспомним хотя бы слуг, рассуждающих о своих господах) и захватившего и некоторых представителей Нового Света.

Заключительные строки повести, в которых говорится о неожиданном повороте во взглядах заядлого республиканца мистера Хоббса, читаются ныне не только с улыбкой, но с удивлением перед проницательностью писательницы, сумевшей разглядеть это явление и по другую сторону океана.

Фрэнсис Ходгсон Бернетт умерла в Америке 29 октября 1924 года. В последний раз она

появилась на публике незадолго до своей смерти, на чествовании Мэри Пикфорд, немало способствовавшей своей игрой успеху «Маленького лорда». Ее сын Вивьен умер в 1937 году во время кораблекрушения, спасая тонувших людей. Он спас двух мужчин и двух женщин, прежде чем погиб сам. Это была смерть, достойная Фаунтлероя, писали газеты.

В Центральном парке в Нью-Йорке стоит скромный памятник героям Бернетт, которая, по ее собственным словам, «всем лучшим, что есть во мне, старалась сделать мир счастливее».

Н. М. Демурова